

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and
First Director of This Library

ВЪСТУЖКЪ

Археологія
и
Исторія

Издаваемый
Историко-археологическимъ
Институтомъ
Издательское
пріисканіе
И. В. Гасковъ

1886

Составилъ И. В. Гасковъ

СПБѢТЪРБУРГЪ.

Составилъ Арх. Ропетъ

Типо-Литографія А. Рункова

Digitized by Google

PRINTED IN RUSSIA.

ВЪСТНИКЪ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ

ИЖДИВЕНЕМЪ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА **М. В. ГЛУМОВА.**

1886 г.

ВЫПУСКЪ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1886.

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго Института.
Директоръ *И. Андреевскій*.

СОДЕРЖАНІЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

	СТР.
1. О Калачовѣ, какъ юристѣ-археологѣ и учредителѣ Археологическаго Института. М. Е. Андреевскаго.....	1 — 14
2. О трудахъ Калачова по крестьянскому дѣлу. Дѣйствит. члена Института М. Г. Данилова.....	15 — 24
3. Воспоминанія о Калачовѣ, какъ руководителѣ занятіями слушателей Археологическаго Института. Дѣйствит. члена Института А. Н. Львова.....	25 — 31
4. Последніе дни жизни Калачова, по возвращеніи его, въ 1885 году, изъ-за границы. А. Н. Трубецова.....	32 — 38
5. Письма, сообщенія и телеграммы, вызванныя кончиною Калачова...	39 — 78

О Лжеучителѣ Мензелинѣ. Статья Д. Смышляева, помѣщаемая по предсмертному распоряженію Н. В. Калачова.....	1 — 40

Къ этому выпуску приложенъ портретъ основателя Археологическаго Института Николая Васильевича Калачова.

Mikhail Bakunin

Н. В. КАЛАЧОВЪ.

ЧТЕНІЯ, ПОСВЯЩЕННЫЯ ЕГО ПАМЯТИ,

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЪ

3-ГО ДЕКАВРЯ 1885 ГОДА.

1

Н. В. КАЛАЧОВЪ,**какъ юристъ-археологъ и учредитель Археологическаго
Института.**

Время и обстоятельства, окружающія молодого ученаго въ первой порѣ его научныхъ стремленій, значительно предопредѣляютъ его дальнѣйшіе шаги въ научной области. Конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ въ русскихъ университетахъ вообще, а въ Московскомъ въ особенности, проявляли замѣтное движеніе. Вотъ какіе новыя факторы стали вліять на новыя стремленія, особенно въ средѣ юридическихъ факультетовъ. 1) Только что вступила въ законную силу новая величественная кодификація съ монументальнымъ сборникомъ „Полное собраніе законовъ“. 2) Археографическая Комиссія только-что начала дѣйствовать, и за изданнымъ сборникомъ актовъ, привезенныхъ Археографическою Экспедиціею, стала безпрестанно дарить новыми томами актовъ первѣйшей важности. 3) Только-что преобразованныя юридическіе факультеты по уставу 1835 года стали пополняться молодыми учеными, вышедшими изъ исторической школы Савинья и выступившими съ историческимъ методомъ для разъясненія обширнаго, только-что кодифицированнаго русскаго права. Въ частности, въ Москвѣ эти могучіе факторы усиливались не менѣе могучимъ прошлымъ. Плеяда историковъ и лицъ, интересовавшихся прошедшимъ Россіи, ютилась въ Обществѣ исторіи и древностей. И если глава скептической школы Каченовскій уже не дѣйствовалъ болѣе съ 1835 года, то сильныя волны его скептического ученія еще не улеглись. Правда, ни въ чемъ не сомнѣвавшійся,

все себя уяснивший и безапелляционно разрѣшившій М. П. Погодинъ былъ убѣжденъ, что побѣдоносно раскидалъ ненавистныхъ ему скептиковъ въ разныя стороны, но скептическое направленіе дѣлало свое дѣло: вызывало въ молодежи стремленія къ исторической критикѣ, жажду разобраться въ массѣ памятниковъ, работать самостоятельно.

Среди даровитой молодежи, охваченной этимъ новымъ движеніемъ и подавленной новыми могучими факторами, былъ и Н. В. Калачовъ, любознательный, хорошо подготовленный, строгій къ труду, не знавшій усталости, положившій на себя обѣтъ дѣятельности.

На школьной скамьѣ его, какъ и многихъ его сверстниковъ, заинтересовала величественная картина собиранія Русской земли Московскими царями и смѣло составленный первый кодексъ—Судебникъ. Уголовное содержаніе Судебника составило предметъ первой, юношеской работы Калачова (¹). Но совершивъ ее, Калачовъ разочаровался въ самыхъ приѣмахъ, на эту работу положенныхъ, и у него возникли важные вопросы: почему уложенное въ Судебникахъ можно считать за право, какую связь эта московская кодификація имѣла съ дѣйствительнымъ правомъ народа, какое же это было право, насколько оно легло въ основаніе московскаго. Мучительны были эти вопросы для Калачова, но они привели его къ важному для него и для насъ рѣшенію: не туда, не къ московскому праву надо направить изслѣдованіе, надо подняться въ глубь, въ старь, тамъ искать живыхъ, вѣчныхъ юридическихъ образовъ, правду Русскаго народа. И это рѣшеніе вывело его на путь *юриста-археолога*,—путь, пройденный имъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.

Калачовъ поднялся въ высшія отдаленныя области вѣчеваго склада и подвергъ своему изученію Русскую Правду (²). Капитальная эта работа о Русской Правдѣ, увѣнчанная магистерскою степенью и открывшая ему кафедру исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, представляетъ трудъ, къ которому слѣдуетъ подходить съ особымъ уваженіемъ по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) какъ ученое изслѣдованіе, оно оставило

(¹) См. въ Юрид. запискахъ Рѣдина, «О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича», т. I, 1844, стр. 47—160; т. II, 1842, 306—408.

(²) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды, М. 1846.

далеко за собою всё предыдущія изслѣдованія, и по группировкѣ фамилій русскихъ правдъ будетъ долго имѣть значеніе классической работы. 2) Эта работа столкнула Калачова съ существомъ обычнаго права Россіи и возбудила въ немъ стремленія понять и разрѣшить такіе вопросы, которыхъ не разрѣшить отдѣльному изслѣдователю, но стремленіе къ разрѣшенію которыхъ сдѣлалось задачею его жизни и побуждало его къ неустанной дѣятельности—какъ можно болѣе собрать еще неизвѣстнаго, еще скрывающагося въ рукописяхъ, скромно почивающихъ въ неизвѣстныхъ хранилищахъ. Этимъ объясняется вся его послѣдующая трудовая жизнь, правда, значительно разбрасывающаяся, но тѣмъ не менѣе направляющаяся неуклонно къ поднятію той завѣсы, за которою стоятъ могучія основы русскаго права, имѣющія развернуться въ то великое и самобытное, которое всю жизнь стремился охватить Калачовъ.

Предавшись послѣ недолгаго занятія каедры, весьма омергичному разбору и изданію памятниковъ, разбору архивовъ и печатанію ихъ актовъ, Калачовъ въ теченіи всей этой долготѣнной архивной работы по временамъ останавливается и высказываетъ относительно тѣхъ вопросовъ, которые заняли его въ Русской Правдѣ. Занимавшіе его вопросы затрогивались имъ не случайно, но систематически. Разрѣшая ихъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, онъ раскидываетъ ихъ по своему пути, и по этимъ статьямъ, какъ по букетамъ вѣчно живыхъ цвѣтовъ, поставленнымъ въ видѣ вѣхъ на пути этого юриста-археолога, можно прослѣдить весь этотъ путь, который привелъ Калачова къ созданію Археологическаго Института.

Именно, встрѣтившись при изученіи Русской Правды съ высокими юридическими обычаями русскаго народа, для Калачова, какъ юриста, дѣлавагося уже археологомъ, неотступно ставился вопросъ: что же управляло народною жизнію рядомъ съ этимъ правомъ, записавшимся въ Русскую Правду. Уже въ самомъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ помѣщены указанія, хотя коротенькія, на нѣкоторые памятники византійскаго права, имѣющіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходство съ постановленіями русскихъ правдъ. Но что это за сходство? Какая связь Византійскаго права съ обычнымъ правомъ вѣчеваго періода? Мучимый этимъ вопросомъ и сознавая обязанность дать разъясненія своимъ слушателямъ, онъ беретъ за Коричную Книгу и извѣстное его изслѣдованіе „о значеніи Коричей въ системѣ древняго Русскаго

права* (1) уже свидѣтельствуеъ о дорогѣ, по которой онъ считаетъ необходимымъ идти. Столько неяснаго, неизвѣстнаго, сколько и жизненно-интереснаго. Открытая и изданная въ 1848 г. Мурзакевичемъ Псковская Судная Грамота, за толкованіе которой тотчасъ принимается Калачовъ, еще болѣе убѣждаетъ его въ необходимости искать, сопоставлять, идти къ разъясненію этого стараго, археологическаго.

Съ этою цѣлію онъ открываетъ еще въ Москвѣ и потомъ продолжаетъ уже въ Петербургѣ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, изданіе *Архива историко-юридическихъ свидѣній*, относящихся до Россіи. Его манитъ надежда, что и тутъ, подобно какъ возлѣ Временника Московскаго Общества исторіи и древностей, соберется группа людей для изслѣдованія старины юридической, которая его болѣе чѣмъ когда-либо стала интересовать. Неясныя указанія Русской Правды на классы русскаго общества вообще и на значеніе *изгоевъ* въ особенности удается здѣсь растолковать помѣщеніемъ устава Всеволода-Гавриила. Столь же важное толкованіе удается помѣстить на страницахъ этого изданія относительно ханскихъ ярлыковъ (2). А помѣщенные Новгородскіе акты даютъ возможность въ особой работѣ изслѣдовать давно занимавшее его и крупное явленіе *древней Русской артели*. Изданіе его архива, какъ извѣстно, приостанавливается, Калачовъ предается весь архивному дѣлу. Но занимается заря шестидесятихъ годовъ. Великая мысль великаго Государя объ освобожденіи крѣпостныхъ, какъ электрическою ниткою связываетъ всѣхъ въ общее уваженіе къ изстаринному свободному русскому праву, и археологъ-юристъ Калачовъ объять общою энергіею и общимъ стремленіемъ къ поднятію нашего историческаго добра. Онъ опять заводитъ изданіе *Архива историческихъ и практическихъ свидѣній, относящихся до Россіи*, хлопочетъ въ Комиссіи объ освобожденіи крѣпостныхъ о введеніи *уставныхъ грамотъ*, принимаетъ живое участіе въ поднявшейся полемикѣ о томъ, виновать-ли дѣйствительно Борисъ Годуновъ въ закрѣпощеніи русскихъ людей, возбуждаетъ въ Географическомъ Обществѣ стремленіе собирать юридическіе обычаи, для чего составляетъ программу.

(1) О значеніи Коричей въ системѣ древняго Русскаго права, пом. въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Ар., 1847, № 3 и 4. Мѣрило праведное, пом. въ Арх. ист. и юрид. свѣд., кн. 1, М. 1850.

(2) Архивъ истор. и юрид. свѣдѣній о Россіи, кн. 1.

А когда вновь появилось скептическое направление въ Русской исторіи, съ появленіемъ на кафедрѣ Петерб. университета талантливаго историка—художника Н. И. Костомарова, Калачовъ поздравлялъ молодыхъ ученыхъ съ успѣхомъ, съ возрожденіемъ исторической критики. Многихъ конечно еще памятенъ возгорѣвшійся между Костомаровымъ и Погодинымъ споръ о происхожденіи Рюрика, когда они *дописались до поля*. Въ университетской залѣ назначенъ былъ между ними литературный поединокъ. Но репетицію этого поединка Калачовъ произвелъ у себя въ квартирѣ. Если самый поединокъ въ университетѣ не привелъ, конечно, къ рѣшительнымъ результатамъ, но только свидѣтельствуетъ объ интересной и живой эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, привлекавшей молодежь къ жадному наслажденію научными бесѣдами о самыхъ отдаленныхъ временахъ, то репетиція этого поединка въ квартирѣ Калачева имѣла значеніе. Бывшіе на этомъ вечерѣ, вмѣстѣ со мною, конечно вспомнятъ о двухъ обстоятельствахъ: 1) что гостепріимный хозяинъ, покойный Калачовъ принималъ самое живое, лихорадочное участіе въ бесѣдѣ; 2) что какъ самъ Калачовъ, такъ и другіе бывшіе тутъ юристы оказались мало свѣдущими въ разъясненіи возникавшихъ вопросовъ о существѣ и происхожденіи обычевъ: видно ли вліяніе Норманскаго права на томъ или другомъ положеніи, или это число Славянское, Литовское и т. д. Чувствовалось отсутствіе археологическихъ знаній. Да это и не въ укоръ юристамъ: тогда только что поднимался вопросъ о юридическихъ древностяхъ. Старыя попытки Успенскаго и др. были заброшены, а новыя только готовились путемъ раскопокъ и просыпавшихся стремленій къ археологіи. И наши геологи только еще готовились приступить къ изслѣдованіямъ: еще не было капитальныхъ работъ профессоровъ Богданова и Иностранцева⁽¹⁾ и отношеніе краниологіи къ этнографіи ждало еще разъясненій. Но планы уже возникали, археологи въ Россіи начинали дѣйствовать.

А у Калачова все крѣпло сознаніе, что Русское право можетъ быть понято и осуществляемо въ жизни, если будетъ найдена точная связь настоящаго съ прошедшимъ. Уяснивъ себѣ многія начала и принципы изстариннаго Русскаго права, онъ сталъ мечтать о сопоставленіи ихъ съ тѣмъ,

(1) Проф. Иностранцева, *Донисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера*, Спб. 1882.

что совершенно въ періодъ законодательной дѣятельности московскихъ царей. Особенно остановился онъ на этомъ стремленіи, когда сдѣлался директоромъ Московскаго архива министерства юстиціи, заключающаго въ себѣ такую массу еще неизвѣстныхъ актовъ XVII ст. Принявшись за изданіе отдѣльныхъ актовъ, между прочимъ и за *писцовыя книги*, Калачовъ лелѣлъ мечту, не покидавшую его до самой смерти, издать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ боярскіе приговоры отъ судебника до уложенія. Въ послѣдній годъ жизни онъ и приступилъ къ осуществленію этой задачи.

Но начавъ обзоръ богатого Московскаго архива министерства юстиціи, убѣдившись, какое значеніе могло бы имѣть изданіе всѣхъ актовъ XVI и XVII ст. для разъясненія связи Московскаго законодательства съ древнимъ русскимъ правомъ, и далѣе, что подобныя же богатства имѣются и въ другихъ архивахъ и во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ могутъ устроиться архивы, Калачовъ окрѣпъ въ убѣжденіи, что одному или немногимъ наличнымъ силамъ съ этою обширною областью не справиться. Если и въ полѣ одинъ воинъ не бываетъ, то въ этой широкой области безъ значительной плеяды хорошо подготовленныхъ ученыхъ — скорыхъ и хорошихъ результатовъ достигнуть невозможно. Уже въ концѣ шестидесятихъ годовъ предъ нимъ сталъ носиться образъ специальной школы, которая могла бы готовить свѣдущихъ архивистовъ. Плѣнительный примѣръ Парижской *Ecole des chartes*, способн обученія архивистовъ при Нѣмецкихъ и Итальянскихъ архивахъ, громадныя послѣдствія, уже получившіяся въ западной Европѣ отъ богатѣйшихъ архивныхъ изданій, — все это возбуждало стремленія, и Калачовъ зачалъ и понесъ свою великую думу.

И обстоятельства много помогли и пособствовали успѣху. По примѣру естествоиспытателей въ Россіи стали устраиваться, при просвѣщенномъ содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія, съѣзды археологовъ. Первый съѣздъ былъ въ Москвѣ въ 1869 году. А на второмъ съѣздѣ, собравшемся въ концѣ 1872 года въ Петербургѣ, возникла мысль заняться русскими архивами. Съѣздъ въ своей средѣ содалъ особую комиссію объ устройствѣ архивовъ и принялъ ея единогласное заключеніе ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи, съ Высочайшаго соизволенія, временной комиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для обсужденія вопросовъ относительно устройства архивовъ и храненія въ нихъ до-

кументовъ и составленія положенія о главной архивной комиссіи, какъ правительственнаго учрежденія и объ ея отношеніи къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Высочайше учрежденная комиссія объ устройствѣ архивовъ и открылась въ 1873 г., подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова. Незачѣмъ и прибавлять, что онъ былъ душою ея работъ. Онъ здѣсь, въ этой комиссіи впервые и развилъ свою мысль, основываясь на собранныхъ имъ за границею данныхъ, о необходимости создать въ Россіи Археологическій институтъ, въ которомъ молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ, дополняли бы свое классическое и юридическое образованіе изученіемъ отечественныхъ древностей и палеографіи въ особенности, съ тѣмъ, чтобы впоследствии занимать мѣста начальниковъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. И тутъ же сообщилъ, что онъ рѣшился уже привести эту мысль въ осуществленіе, но просить содѣйствія комиссіи для разработки проекта этой новой школы въ Россіи. По мѣрѣ разработки вопросовъ въ комиссіи, у Калачова въ создавшемся уже образѣ Археологическаго института стала рисоваться необходимая для него добавка, которую онъ старался разъяснить на третьемъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1874 г. Именно о необходимости созданія въ главныхъ нашихъ центрахъ *центральныхъ архивовъ*, одного на нѣсколько губерній, и при каждомъ такомъ архивѣ открыть *историческое общество*: центральный архивъ будетъ собирать и хранить документы, а дѣйствующее при немъ *историческое общество* приводить эти документы въ извѣстность и подвергать разработкѣ.

Комиссія, какъ извѣстно, начертала проекты о главной архивной комиссіи и объ Археологическомъ институтѣ¹⁾ но этихъ проектахъ, главнымъ образомъ за недостаткомъ средствъ, не суждено было еще осуществиться.

Но Калачовъ продолжалъ свою думу, и боясь различнаго рода затрудненій, которыя могутъ помѣшать устройству правительственнаго Археологическаго института, сталъ искать средствъ на созданіе частнаго Археологическаго института, въ томъ предположеніи, что если удастся открыть таковой и если онъ пойдетъ, то правительство не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи и поддержкѣ. Смѣлому плану Калачова, небывалому въ лѣтони-

---

¹⁾ См. Сборникъ Археолог. института, Кн. 1, отд. 3-й.

сяхъ нашихъ школъ, удалось осуществиться. Въ 1877 году возникаетъ въ Петербургѣ *Археологическій институтъ* по плану, взлѣянному Калачовымъ и выразившемуся въ Высочайше утвержденномъ 23 іюля 1877 г. Положеніи объ Археологич. институтѣ. Какъ учрежденный на частныя средства, именно на средства почтенныхъ жертвователей, сдѣлавшихся почетными членами института, Археологическій институтъ былъ допущенъ, въ видѣ опыта на 4 года для приготовленія специалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. 15 января 1878 г. привѣтствовалъ Калачовъ собравшихся на открытіе института.

Давнишняя его мечта, выросшая у него какъ плодъ его научныхъ занятій археологическими истинами права, осуществилась. Въ его рукахъ уже былъ давно желанный имъ Археологическій институтъ. И Калачовъ началъ осуществленіе тѣхъ цѣлей, съ которыми сливалось для него самое понятіе института, а именно: 1) сблизить любителей старины, посвящающихъ себя обследованію и разработкѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ въ нашихъ губерніяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ столицъ, съ тѣми научными силами, какими располагаютъ столицы для развитія науки объ отечественныхъ древностяхъ. 2) Привести существующіе уже по мѣстамъ архивы въ порядокъ, описать ихъ и сдѣлать доступными для пользованія, а равно создать архивы, музеи и бібліотеки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, но гдѣ они могутъ быть. 3) Создать центральное справочноархивное бюро, въ которомъ каждый изъ ученыхъ дѣятелей или правит. органовъ могъ бы съ удобствомъ получить справку, въ какой изъ русскихъ архивовъ ему нужно обратиться для того, чтобы найти историческое данное, для него необходимое. Какимъ же образомъ такія важныя и сложныя дѣла могли сочетаться съ Археологич. институтомъ, что могъ совершить послѣдній для достиженія такихъ предначертаній? Калачовъ былъ убѣжденъ, что именно созданный имъ Археологическій институтъ, и только онъ одинъ, и въ состояніи выполнить такія функціи громадной государственной важности. И онъ думалъ, что его институтъ доставитъ необходимыя для того средства, но не вдругъ, а вотъ въ какой постепенности.

Во первыхъ, если институту удастся создать изъ своихъ слушателей архивистовъ, такихъ, какими рисовалъ ихъ себѣ Калачовъ, то главное,

основное средство будетъ найдено. А Калачову, какъ не только археологу, но и юристу, питомцу института рисовались, какъ люди просвѣщенные, проникшіе не только въ способы чтенія и разумнія актовъ и приведенія архивовъ въ порядокъ, но и какъ проникшіе въ существо русскаго права, плѣвившіеся его особенностями и сдѣлавшіеся способными становиться во главѣ историческихъ и археологическихъ работъ въ разныхъ уголкахъ Россіи. Въ привѣтственномъ своемъ словѣ при открытіи института, Калачовъ выражалъ слѣдующія мысли: „Уже мы стоимъ твердою ногою на рубежахъ Европы и Азіи, какъ государство самостоятельное и смѣло идущее по пути, предназначенномъ ему провидѣніемъ. Уже вносимъ мы свѣточъ христіанства, просвѣщенія и нравственности въ отдаленные предѣлы востока, въ нѣдра язычества, религіознаго суевѣрія и фанатизма. Но и въ Европѣ не одно столѣтіе, вѣрные своимъ неколебимымъ прародителямъ, отбываемъ мы тяжелую страду за славянское дѣло и побѣдоноснымъ оружіемъ памѣчаемъ границы, въ коихъ государственная жизнь нашихъ соплеменныхъ братьевъ должна развиваться независимо и свободно. Мирная наука древностей, съ своей стороны, радостно привѣтствуетъ это торжество, потому что оно приготовляетъ ей обширное поле, на которомъ придется ей съ такою же свободой, какую послѣ долгаго гнета пріобрѣтутъ эти государства, собирать драгоценные, уцѣлѣвшіе отъ вѣковыхъ бурь, остатки первобытнаго народнаго языка, народныхъ вѣрованій и обычаевъ, и изучать письменные и вещественные памятники прошлой жизни для того, чтобы уяснить себѣ весь бытъ, всю обстановку столь близкихъ и дорогихъ намъ народовъ. Но и древности собственно наши—бытъ, языкъ и памятники Русскаго государства еще нами только что затронуты; для всесторонняго разслѣдованія и изученія ихъ надлежитъ посвятить себя этому дѣлу цѣлой массѣ трудолюбивыхъ и хорошо подготовленныхъ къ нему на теоретическихъ и практическихъ основахъ любителей и цѣнителей разныхъ сторонъ отечественной старины.“⁽¹⁾

Калачовъ надѣялся, что именно такіе дѣятели и будутъ появляться изъ архивистовъ, образуемыхъ его Археологическимъ институтомъ. Средства для образованія такихъ архивистовъ ему казались надежными въ лек-

---

(1) Сборникъ Археол. института, Кн. 1. стр. 1—2.

ціяхъ института, которыя должны постепенно расширяться, въ собственныхъ работахъ слушателей въ бібліотекѣ и архивѣ института, и въ вечернихъ чтеніяхъ и бесѣдахъ, вмѣстѣ съ изданіемъ Сборника или Вѣстника Археолог. института. Онъ считалъ всѣ эти три средства стоящими въ самой тѣсной связи. Дѣлая всѣхъ, прошедшихъ институтскій курсъ, дѣйствительными членами института, онъ надѣялся мало-по-малу получить плечу ученыхъ архивистовъ, связанныхъ въ одно цѣльное ученое общество тою связью, которая самая сильная изъ всѣхъ связей—общность научныхъ интересовъ, приводящая людей къ величайшему изъ благополучій—взаимному уваженію и любви. Калачовъ велъ большой расчетъ и на публичныя въ институтѣ вечернія чтенія и бесѣды. Онъ видѣлъ въ нихъ сильное средство обратить взоры образованной публики на дѣла института, расширять въ обществѣ интересъ къ историческимъ знаніямъ, знакомиться съ архивистами, выходящими изъ института и мало-по-малу признать въ Археологическомъ институтѣ цѣнное для русскаго общества приобрѣтеніе.

Во-вторыхъ, онъ предполагалъ, что по мѣрѣ подготовленія его институтомъ архивистовъ, институтъ можетъ выступить на пропаганду архивнаго и научно-историческаго дѣла въ русской провинціи. И эту надежду ему удалось осуществить въ той формѣ, что Археологическій институтъ сдѣлался связующимъ звеномъ тѣхъ новыхъ и въ высшей степени почтенныхъ установленій, инициативу о которыхъ поднялъ Калачовъ въ Академіи Наукъ. Избранный этимъ старѣйшимъ ученымъ установленіемъ въ среду академиковъ, Калачовъ возбужденіемъ вопроса о томъ, что Академія можетъ осуществить дѣло губернскихъ историческихъ архивовъ и ученыхъ архивныхъ комиссій, оставилъ въ Академіи Наукъ видный и почтенный слѣдъ свой, хотя кратковременной, но энергической и полезной академической дѣятельности. Известно, что выработанный Академіею Наукъ проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ былъ внесенъ Президентомъ Академіи Наукъ, г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Д. А. Толстымъ, по Всемилостивѣйшему на то соизволенію Государя Императора, 15-го марта прошедшаго 1884 г., въ Комитетъ Министровъ. А въ этомъ проектѣ, между прочимъ, предложено, въ видахъ наблюденія за работами ученыхъ архивныхъ комиссій, подчинить ихъ Археологическому институту, директоръ котораго обязывается о результатахъ

дѣятельности этихъ комиссій представлять ежегодно отчеты Академіи Наукъ. И самое открытіе такихъ комиссій указано совершать по соглашенію директора Археологическаго института съ мѣстнымъ губернаторомъ и съ утверждѣнія Министра внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ Министровъ, признавъ это дѣло заслуживающимъ полнаго сочувствія и поощренія правительства, полагалъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе такихъ комиссій и историческихъ архивовъ, въ видѣ опыта, въ 4-хъ губерніяхъ: Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской, и Государь Императоръ 13-го апрѣля 1884 г. на сіе Высочайше соизволилъ ¹⁾.

Калачовъ имѣлъ утѣшеніе въ возможности представить еще въ нынѣшнемъ году г. Президенту Академіи Наукъ свой докладъ объ открытіи этихъ четырехъ комиссій и о томъ, что успѣхъ этого дѣла превзошелъ его ожиданія.

Лѣтомъ нынѣшняго года онъ успѣлъ открыть пятую комиссію въ Костромѣ и торопился открыть шестую въ Саратовѣ. Но Саратову не пришлось увидѣть учредителя комиссій. Калачовъ скончался, не добѣжавъ до Саратова...

Въ-третьихъ, Калачовъ надѣялся, что при достиженіи Археологическимъ институтомъ вышеуказанныхъ цѣлей, его институтъ доставитъ и третье важнѣйшее средство для выполненія всего плана, и тѣмъ сослужитъ великую службу Россіи. Именно, по мѣрѣ составленія учеными архивными комиссіями описей приписанныхъ въ губернскіе историческіе архивы документовъ и поступленія этихъ описей въ институтъ, — онъ сдѣлается центральнымъ хранилищемъ всѣхъ описей и указателей тѣхъ рукописныхъ сокровищъ, которыя будутъ наполнять губернскіе историческіе архивы. Въ послѣднемъ своемъ докладѣ г. Президенту Академіи Наукъ, Калачовъ говорилъ: „Успѣшный ростъ и богатство этого хранилища дадутъ намъ возможность не стыдиться даже передъ тѣми многими иностранными центральными архивами, которые обладали доселѣ столь завиднымъ передъ нами преимуществомъ“ ⁽²⁾.

---

(1) Вѣстникъ археологій и исторіи, 1885, вып. I, XII.

(2) Ibid. XVI.

Таковъ смѣлый и грандіозный планъ созданнаго Балачовымъ Археологическаго института, составляющаго вѣнецъ всѣхъ жизненныхъ трудовъ этого юриста-археолога. Понятно, что къ этому дѣлу, столь широкому и заключающему въ себѣ столько зародышей и зачатковъ истиннаго добра, Балачовъ относился съ тою энергіею, на которую онъ былъ такъ способенъ, когда дѣло шло объ интересахъ науки и отечества.

Но вѣренъ-ли этотъ планъ и такъ-ли отнесся къ его выполнению Балачовъ, вотъ вопросы, которые должна будетъ поставить критика. И пускай эти вопросы поставятся, когда критика и самая строгая будетъ разбирать дѣятельность преемниковъ Балачова, на сколько они сѣмѣютъ поддержать и развить имъ начатое.

Наша же критика ограничится тѣмъ, что мы скажемъ Балачову истинное „спасибо“ за его честный починъ и за его честную службу наукѣ и Россіи, наша критика выразится въ томъ, что мы возложимъ на его могилу вѣнокъ, сплетенный изъ тѣхъ благодарныхъ воспоминаній, которыми Русскіе люди любятъ и умѣютъ почитать своихъ вожаконъ въ дѣлѣ мысли, труда и развитія.

И. Андреевскій.

О трудах Калачова по крестьянскому дѣлу.

Въ концѣ октября сего года село Волхонщино, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., приютило прахъ извѣстнаго ученаго, академика, сенатора и основателя нашего института, Николая Васильевича Калачова. Смерть настала его такъ неожиданно для насъ, почитавшихъ его, что нельзя было и думать отдать ему послѣдній долгъ, и это, въ силу роковыхъ обстоятельствъ, выпало на долю крестьянъ означеннаго села, которые, безъ пышной суеты, но съ теплою молитвою, проводили его въ могилу... Не даромъ выпала на долю простыхъ, темныхъ крестьянъ эта священная обязанность, если мы оживимъ въ памяти своей труды покойнаго по крестьянскому дѣлу! Дѣйствительно, Н. В. Калачовъ заслуживаетъ благодарнаго о немъ воспоминанія не только какъ историкъ-юристъ и археологъ, но и какъ дѣятель по крестьянскому вопросу, по которому онъ также, среди своихъ историческихъ занятій, потрудился. Здѣсь не время и не мѣсто, конечно, входить въ подробный разборъ и оцѣнку этихъ трудовъ. Цѣль наша лишь напомнить о заслугахъ по этому предмету замѣчательнаго и неутомимаго труженика и рѣдкаго, по своимъ душевнымъ качествамъ, человѣка.

19-го февраля будущаго года минетъ уже четверть вѣка со дня обнародованія Положеній объ освобожденіи крестьянъ, и дѣятели, принимавшіе участіе въ этой великой реформѣ, понемногу сходятъ со сцены. Многихъ, и даже значительнаго большинства членовъ редакціонныхъ комисій по составленію Положеній уже нѣтъ въ живыхъ. Въ составъ комисій было 40 лицъ; нынѣ, послѣ кончины Н. В. Калачова, ихъ осталось всего 15.

Покойный назначенъ былъ членомъ редакціонныхъ комиссій для начертанія Положеній — 20 февраля 1859 г. и вступилъ въ Юридическое Отдѣленіе ихъ, учрежденное для опредѣленія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныхъ правъ помѣщиковъ, т. е. для разработки вопросовъ первостепенной важности для новаго крестьянскаго быта. Изъ другихъ членовъ, входившихъ въ составъ этого Отдѣленія, пережили Николая Васильевича — трое: В. В. Апраксинъ, К. И. Домоптовичъ и М. Н. Любошинскій; остальные: В. И. Вулыгинъ, С. М. Жуковский и сенаторъ Я. А. Соловьевъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, скончались ранѣе.

Не прошло четырехъ мѣсяцевъ со дня вступленія Н. В. въ Юридическое Отдѣленіе, а именно 10 іюня того же 1859 г., какъ общее присутствіе комиссій, подъ предсѣдательствомъ Графа Н. Я. Ростовцева, уже слушало первый докладъ этого Отдѣленія „о прекращеніи крѣпостнаго права“. Этотъ первый докладъ былъ составленъ Н. В. Калачовымъ и требовалъ, по содержанію своему, такой усидчивой работы, что, во время преній, одинъ изъ членовъ (Н. А. Милютинъ) выразилъ, между прочимъ, сомнѣніе о томъ, чтобы при этомъ могли быть прочитаны всѣ томы Свода Законовъ, такъ, чтобы каждую статью имѣть въ памяти, на что послѣдовалъ, со стороны одного изъ членовъ Юридическаго Отдѣленія, отвѣтъ, что всѣ эти томы прочитаны. Общее присутствіе утвердило заключеніе Отдѣленія, съ незначительнымъ присовокупленіемъ.

Затѣмъ послѣдовали, одна за другой, дальнѣйшія работы Н. В. Калачова въ редакціонныхъ комиссіяхъ, не менѣе серьезныя и дѣловыя, а такъ какъ Юридическое Отдѣленіе занималось выработкою правилъ, вошедшихъ въ текстъ статей „Общаго Положенія о крестьянахъ“, въ которомъ перечислены права крестьянъ личныя, по имуществу, по управленію, суду и т. п., т. е. такія законоположенія, которыя, за всѣми послѣдовавшими преобразованіями, сохраняютъ свою силу, то мы можемъ легко понять всю важность и значеніе работъ Юридическаго Отдѣленія, гдѣ трудился Н. В. Калачовъ.

Благодаря весьма интереснымъ запискамъ сенатора Н. П. Семенова, печатаемымъ нынѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ, мы можемъ до нѣкоторой степени представить и то воодушевленіе, которымъ проникнуты были во время

своихъ запятій члены комисіи, сознававшіе всю чрезвычайную важность и громадныя послѣдствія возложеннаго на нихъ Высочайшею волею порученія. „Мы должны радоваться, говорилъ въ общемъ присутствіи комисіи одинъ изъ членовъ (И. П. Арапетовъ), что завоевали какое нибудь (даже) выраженіе; мы теперь употребляемъ уже слово „освобожденіе“, которое прежде не рѣшались выговорить. На это предсѣдатель Гр. Ростовцевъ замѣтилъ, что выраженіе „крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости“ взято ими съ бою и они его уже не уступятъ ни за что на свѣтѣ!

Такимъ образомъ Николаю Васильевичу привелось, одному изъ немногихъ избранниковъ, поработать для великаго дѣла освобожденія крестьянъ. Одни эти труды даютъ право Н. В. Калачову занять почетное мѣсто въ исторіи паденія крѣпостничества въ Россіи.

Но мы видимъ, что не только въ это время, но и при дальнѣйшихъ своихъ историко-юридическихъ и археологическихъ занятіяхъ, всецѣло, по-видимому, поглощавшихъ его вниманіе, Н. В. время отъ времени отликался своими прекрасными статьями и по крестьянскому дѣлу, такъ что рядомъ съ изслѣдованіями памятниковъ отдаленной старины, появлялись его сочиненія и по насущному живому вопросу нашей народной жизни. Въ одной и той же книгѣ своего замѣчательнаго и многотомнаго „Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (книга II) помѣщены Калачовымъ его „Описаніе лѣтописныхъ сборниковъ съ картинами, находящихся въ Археографической Комисіи“ и здѣсь же статья его: „Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ“. Авторъ историко-юридическихъ монографій: „Объ изгояхъ въ древней Руси“, „О корячей книгѣ“, „О Мѣрилѣ праведномъ“, и т. п. пишетъ капитальное изслѣдованіе „Объ артеляхъ“ (1864 г.), гдѣ, между прочимъ, говоритъ о причинахъ упадка товариществъ этого рода между сельскими рабочими, приписывая это крѣпостному праву. По мнѣнію автора, именно, это право, ограничивъ огромное количество сельскаго населенія опредѣленными работами въ пользу помѣщиковъ, тѣмъ самымъ, съ одной стороны, устраняло большинство рабочихъ, которые, при другихъ условіяхъ своего быта, могли бы свободно вступать въ товарищества для болѣе выгоднаго употребленія своего знанія и труда, а съ другой стороны не только давало возможность помѣщикамъ, но даже нѣкоторымъ образомъ заставляло ихъ, въ

вознагражденіе за ущербъ, приносимый имъ въ свою очередь крѣпостнымъ правомъ, ограничиваться производствомъ своихъ крестьянъ или дворовыхъ, чѣтъ самымъ уменьшался запросъ на свободную, а слѣдовательно болѣе дорогую, хотя и лучшую работу. — Со времени отиѣны крѣпостнаго права, число артелей увеличивается, обѣщая чрезъ то въ близкомъ будущемъ развитіе правильно организованныхъ артелей. Съ помощію ихъ, по мнѣнію автора, становится возможнымъ для помѣщиковъ успѣшное занятіе вольнонаемнымъ хозяйствомъ. Это подтверждаетъ Н. В. Калачовъ примѣрами собственнаго опыта въ его мнѣніяхъ Саратовской и Пензенской губерній.

Къ трудамъ подобнаго же рода слѣдуетъ отнести статьи покойнаго: Разъясненіе по поводу соч. Ржевскаго „о потравахъ“ (1859 г.), „По вопросу: подлежитъ-ли выкупу усадебная земля помѣщика, не входящая въ составъ крестьянскаго надѣла“ (1861 г.), „Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ“ (1864 г.), „Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта“, „Объ отношеніяхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству“ (1877 г.) и друг.

Насколько сроднили Николая Васильевича его занятія въ редакціонныхъ комиссіяхъ съ товарищами его по этому дѣлу, служитъ доказательствомъ постоянное его почти присутствіе на собраніяхъ ихъ, происходящихъ ежегодно съ 1862 г. въ день 19-го февраля. На одномъ изъ таковыхъ собраній, въ 1878 году, Н. В. сказалъ прочувствованное слово въ память умершаго въ томъ году члена редакціонныхъ комиссій (А. Н. Попова). Въ этомъ словѣ для насъ не лишены интереса тѣ прекрасныя качества, которыя отиѣтилъ Н. В. Калачовъ въ своемъ со товарищѣ: доброе и честное имя, которое онъ послѣ себя оставилъ, неутомимые его труды въ наукѣ, къ которой онъ все болѣе и болѣе съ годами привязывался, и отсутствіе искаательства лично для себя почестей по службѣ, при полной готовности содѣйствовать другимъ въ этомъ отношеніи... Не таковъ-ли былъ и самъ поминаемый сегодня Николай Васильевичъ?!

Кромѣ печатнаго слова, покойный проявлялъ свое сочувствіе къ интересовавшему его предмету и въ званіи сенатора, останавливая, какъ извѣстно, особенное свое вниманіе на дѣлахъ крестьянскихъ и смѣло выступая по этимъ дѣламъ, если находилъ нужнымъ, съ особыми мнѣніями, хотя

бы они не согласовалось съ мнѣніями прочихъ присутствовавшихъ. Равно трудился онъ по крестьянскому дѣлу и въ качествѣ предсѣдателя учрежденной при Географическомъ Обществѣ комисіи для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Взглядъ свой на значеніе работъ такой комисіи Н. В. Калачовъ выразилъ въ особомъ рефератѣ, прочитанномъ имъ на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, состоявшемъ подъ его предсѣдательствомъ.

Избравъ темою „собираніе и изученіе юридическихъ обычаевъ нашей народной жизни и опредѣленіе отношенія ихъ къ нашему законодательству“, референтъ указалъ, что русское законодательство не только уже признало, но и утвердило силу обычаевъ, какъ норму юридическихъ отношеній, въ разныхъ слояхъ и въ разныхъ сдѣлкахъ нашего общества, въ томъ числѣ — освятило силу обычаевъ примѣнительно къ разнымъ отношеніямъ въ бытѣ семейномъ, гражданскомъ и общественномъ. При этомъ предсѣдатель заявилъ свое мнѣніе о необходимости, чтобы рѣшенія волостныхъ судовъ и обычаи, на которыхъ они основаны, были взяты прямо изъ народной жизни, и притомъ лицомъ, близко знающимъ эту жизнь и именно желающимъ выяснить намъ крестьянскій бытъ, а не выказывать свою мнимую ученость и знаніе Свода Законовъ. Всего же лучше, продолжалъ референтъ, такое собираніе юридическихъ обычаевъ и обстановка ихъ нужными соображеніями могла бы быть исполнена мѣстными обывателями, интересующимися этимъ дѣломъ и понимающими, что исполненіемъ его они окажутъ истинную услугу наукѣ и обществу. Особая комисіа, учрежденная въ Петербургѣ или Москвѣ, пріискала и вызвала бы такихъ дѣятелей и подготовила бы изъ этихъ трудовъ „Сборникъ юридическихъ обычаевъ“. Такой Сборникъ могъ бы служить лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ юридическими обычаями и для составленія, подъ вліяніемъ ихъ, *Сельскаго Судебнаго Устава*, о необходимости котораго заявлялось уже не разъ разными вѣдомствами, управляющими крестьянами, и между прочимъ — бывшими редакціонными комисіями по крестьянскому дѣлу.

Послѣ оживленныхъ преній, въ которыхъ приняли участіе Кистяковскій, Лешковъ и другіе юристы, Съѣздъ призналъ учрежденіе означенной комисіи очень желательнымъ.

Мысль о настоятельной, неотложной необходимости составленія и из-

данія „Сельскаго Судебнаго Устава“ для освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, съ тѣхъ поръ и до самой кончины не переставала занимать бывшего члена редакціонныхъ комиссій, успѣвшаго, по опыту, въ качествѣ землевладѣльца, убѣдиться въ необходимости такого устава. Въ этомъ уставѣ, равно какъ и Сельскомъ Уставѣ вообще, онъ видѣлъ главное спасеніе отъ многихъ золъ, развѣдающихъ жизнь нашего села въ настоящее время. Онъ поступался даже мыслью своею о предварительномъ составленіи для сего сборника юридическихъ обычаевъ, совершенно справедливо полагая, что это можетъ затормозить дѣло и только устранить на долгое время составленіе устава.

Вотъ какія соображенія приводилъ Николай Васильевичъ въ пользу этого устава въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, происшедшемъ два года тому назадъ (29 апр. 1883 г.): „Великій актъ освобожденія крестьянъ совершился у насъ спокойно, безъ потрясенія правильного хода общественной жизни, чему способствовалъ мирный и трудолюбивый характеръ нашего народа, сдѣлавшій возможнымъ спокойное освобожденіе многомилліонной массы. Распались цѣпи рабства. Какія же слѣдствія имѣло это великое событіе для нашей общественной жизни? На это надо отвѣтить, что, къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала ожиданія. Замѣчаются, правда, многія улучшенія, но они не должны намъ туманить глаза. На ряду съ ними наблюдается и коренное расшатываніе самыхъ устоевъ жизни и множество мрачныхъ явленій: пьянство, разгулъ и развратъ, распаденіе семей, оскудѣніе нравственности и размыкиваніе силъ — вотъ что наблюдается во множествѣ. Но отчего же произошло такое оскудѣніе хозяйственныхъ силъ народа? — Не освобожденіе тому причиной, а то, что нѣтъ въ нашей сельской жизни крѣпкой правительственной власти, нѣтъ грозы, нѣтъ правосудія, нѣтъ огражденія собственности . . . Сознаетъ и не сомнѣвается въ этомъ правительство и принимаетъ свои мѣры для поднятія нравственности. Но всего этого мало: необходимы твердыя и ясныя правила — необходимъ Сельскій Судебный Уставъ. По отношенію къ составленію такого устава, референтъ полагалъ, что общія статьи могли бы быть начертаны въ Петербургѣ, но детали, имѣющія въ виду мѣстныя особенности, должны быть выработаны на мѣстахъ въ губерніяхъ, при помощи мѣстныхъ людей. Пусть, заключилъ Ник. Вас., всѣ хорошо сознаютъ, что

есть множество пороковъ, которые, во чтобы то ни стало, необходимо устранить; пусть всѣ сожмутся вокругъ общаго дѣла и пусть всѣ дружно поработаютъ на пользу общую, и тогда сельская жизнь потечетъ правильно и правомѣрно.

Въ нынѣшнемъ году, въ засѣданіи того же Юридическаго Общества, Н. В. Калачовъ вновь и еще болѣе подробно развиваетъ свою любимую тему объ уставѣ, выражая, что всѣ обязаны подѣ однимъ общимъ знаменемъ поработать на пользу отечества, ибо растлѣвающее его зло есть безъ сомнѣнія истощеніе его силъ, и тогда только, послѣ общей усердной работы, настанетъ тотъ радостный день, когда поворотъ къ лучшему будетъ сдѣланъ и сельская жизнь кѣтечетъ мирной струей къ возжелѣнной для всѣхъ словій цѣли.

Мало того, Н. В. Калачовъ признаетъ нужнымъ собрать всѣ свои статьи по вопросу о составленіи означеннаго устава и посвятить ихъ *русскому дворянству*, съ присовокупленіемъ къ послѣднему особаго воззванія.

Это воззваніе и статьи еще не вышли изъ печати, куда сданы были предѣ самымъ отгѣздомъ больнаго Николая Васильевича за границу и неизвѣстны вовсе публикѣ. Потому и въ виду несомнѣннаго интереса такого воззванія, мы позволимъ себѣ познакомить съ нимъ васъ, милостивые государи.

Въ немъ Н. В. Калачовъ сознаетъ, что мысль объ уставѣ давно его занимаетъ, и объясняетъ, что Высочайшій рескриптъ 21 апрѣля 1885 г., данный дворянству, прекратилъ его недоумѣніе по волновавшему его всегда вопросу: да что же, мы-то, дворяне, можемъ сдѣлать для того, чтобы помочь сельскимъ землевладѣльцамъ и земледѣльцамъ въ ихъ вопіющей нуждѣ — ввести въ сельскую жизнь, во взаимныя отношенія разныхъ классовъ сельскихъ жителей тотъ строй и порядокъ, которые необходимы для ихъ спокойствія, пользы и общаго благосостоянія? Высочайшій рескриптъ указываетъ прямо и ясно: имѣть дворянству, какъ высшему сословію и въ сельскомъ быту „безкорыстное попеченіе о нуждахъ народа“; заботиться „о распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣрны и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія“, и для того, „сохранить первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда“. И имѣ, говоритъ авторъ, вспомнились наши первые мировые по-

средники, которые, бывъ выбраны изъ дворянства, не смотря на свои личныя потери, съ такою горячностью и любовью посвятили себя святому дѣлу „освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“, что крестьяне видѣли въ нихъ не только свою власть, но и своихъ защитниковъ, руководителей и лучшихъ исполнителей по предоставленію имъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Случалось мнѣ бывать и на съѣздахъ мировыхъ посредниковъ, слышать и видѣть, какъ они искренно отстаивали интересы крестьянъ, какъ они были достойны своего почетнаго званія. А о томъ, какъ дворянство вообще отозвалось на призывъ правительства объ освобожденіи крестьянъ, всѣмъ довольно извѣстно. Но это время прошло и въ средѣ насъ явились какой то упадокъ силъ, несочувствіе ко всякому дѣлу. Ужели однако мы, дворяне, не можемъ опять сомкнуться въ каждой губерніи въ болѣе или менѣе обширный кругъ интеллигентныхъ силъ для того, чтобы высказать наши сужденія о томъ, какъ привести въ исполненіе начертаніе и осуществленіе „устава“, столь неотложно необходимаго?

Указывая далѣе, что въ министерствѣ государственныхъ имуществъ уже собраны богатныя данныя по этому предмету и хранятся массы отзывовъ и заявленій о важности *сельскаго устава* и что этому министерству, какъ высшему охранителю государственнаго землевладѣнія, а равно министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему устройтелю и распорядителю порядка въ губерніяхъ, принадлежать починъ и руководство въ этомъ дѣлѣ, Калачовъ находитъ, что Сельскій Уставъ не мыслимъ или, прямѣе сказать, не осуществимъ безъ Сельско-Судебнаго Устава.

Я спѣшу, заключаетъ авторъ, посвятить дворянству свою давнишнюю мысль по этому предмету — можетъ быть наиболѣе трудному среди работъ по составленію Сельскаго Устава, и съ этою цѣлію открываю настоящее изданіе для тѣхъ, кто пожелалъ бы принять участіе разработкой вопроса о начертаніи не только „Сельскаго“, но и „Сельско-судебнаго устава“.

Это воззваніе къ дворянству было не только послѣднимъ трудомъ покойнаго Н. В. Калачова по крестьянскому дѣлу, но и лебединою его пѣснью вообще.

Несомнѣнно, что мысль Николая Васильевича о необходимости составленія Сельско-Судебнаго Устава для крестьянъ, подобно какъ и Сельскаго

Устава, осуществится въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, въ томъ или другомъ видѣ, такъ какъ начертаніе общаго сельскаго устава, въ которомъ были бы опредѣлены всѣ подробности крестьянскаго быта, входило въ одну изъ главнѣйшихъ задачъ редакціонныхъ комитетовъ и осуществленіе этой задачи было лишь отложено до того времени, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначутся практическимъ дѣйствіемъ Положенія, а изданіе „Сельско-Судебнаго Устава“ торжественно обѣщано въ самомъ Положеніи о крестьянахъ (1 примѣч. къ 102 ст. Общ. Полож.). О необходимости этихъ уставовъ заявлялось уже въ нашей литературѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, но ни онъ, и никто до сихъ поръ, не рѣшался выступить съ этимъ вопросомъ съ такою энергіею и настойчивостью, какъ это сдѣлалъ Ник. Вас. Калачовъ.

Вотъ, милостивые государи, въ краткихъ словахъ дѣятельность умершаго незабвеннаго директора нашего института — по крестьянскому дѣлу. Участвуя, вмѣстѣ съ другими, призванными Высочайшею волею къ начертанію Положеній 19 февраля 1861 г., ни въ какомъ случаѣ убѣдиться въ практическомъ прирѣненіи этихъ основныхъ законоположеній объ освобожденіи, онъ, на закатѣ дней своихъ, ратуетъ за неотложную необходимость изданія для крестьянъ Сельскаго и Сельско-Судебнаго Уставовъ, и проектируетъ порядокъ ихъ составленія. Не забудемъ, что онъ занимался крестьянскимъ дѣломъ не спеціально, а такъ сказать мимоходомъ, среди огромной массы своихъ археологическихъ и историко-юридическихъ трудовъ, составившихъ его славу.

Если имя Калачова, какъ знатока русскихъ юридическихъ древностей, внесшаго своими учеными произведеніями въ русскую историко-юридическую литературу драгоцѣнные вклады, основавшаго первую школу для изученія древностей въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, привлекавшаго силою любви своей къ дѣлу и примѣромъ своей неутомимой трудовой жизни множество сотрудниковъ въ отдаленныхъ даже губерніяхъ, — если это имя, говоримъ, не можетъ умереть въ лѣтописяхъ науки, то, смѣемъ надѣяться, что оно не должно быть забыто и по трудамъ Калачова по крестьянскому дѣлу, указать на которые, хоть въ главныхъ чертахъ, мы сдѣлали теперь попытку.

Заклучимъ нашу рѣчь словами самаго Ник. Вас., произнесенными имъ по поводу недавней смерти одного изъ членовъ института: „Да будетъ память покойнаго и по смерти его постояннымъ двигателемъ нашихъ ученыхъ и практическихъ работъ и да освѣщаютъ его труды наши первые, еще слабые, шаги на возлюбленномъ имъ поприщѣ“!

И. Даниловъ.

Воспоминанія о Н. В. Калачовѣ, какъ руководителѣ занятіями слушателей Археологическаго Института.

Изъ газетныхъ и журнальныхъ некрологовъ о Н. В. а равно и изъ сказаннаго сегодня, мы уже знаемъ, какую большую потерю понесла съ его смертью наша историко-юридическая и археологическая наука. Всѣ эти отзывы единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что мы лишились рѣдкаго и неустаннаго труженика науки. Но съ этою смертью, еще большую потерю, можно смѣло сказать въ настоящее время невознаградимую, понесъ нашъ Археологическій Институтъ. Намъ, небольшой семьѣ бывшихъ слушателей института хорошо извѣстно, что Н. В. былъ не только инициаторомъ и основателемъ института, не только центромъ, около котораго все группировалось и на которомъ все основывалось, но онъ былъ въ полномъ смыслѣ душою института, тою живою силою, которая одна способна привлечь къ себѣ рабочихъ людей, направлять ихъ, что либо творить изъ нихъ. Цѣлыхъ семь лѣтъ онъ съ неустанною энергіею и любовію несъ тяжелое бремя на своихъ плечахъ не только управленія институтомъ, но еще гораздо тяжелѣйшее бремя — заботъ о самомъ его существованіи. Мы знаемъ, съ какими усиліями приходилось ему собирать матеріальныя средства для института, какъ много онъ боролся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ задачамъ института не только общества, но даже и многихъ нашихъ ученыхъ, иногда скептически относившихся къ самой идеѣ института. Вспомнимъ хотя бы тотъ печальный фактъ, что сразу же послѣ его открытія, когда наступило время начинать дѣло, Н. В. многіе покинули и

онъ остался почти одинокимъ. . . . Но особенно много употреблено имъ времени, усилій и трудовъ для того, чтобы привлечь рабочія силы къ институту, заставить ихъ совершенно безкорыстно, ради одного интереса къ дѣлу, полюбить и потрудиться на скучномъ, трудномъ и въ житейскомъ отношеніи неблагодарномъ архивномъ поприщѣ. Для этого онъ то самъ читалъ лекціи въ институтѣ объ устройствѣ архивовъ, или вѣсть съ нами слушалъ другихъ профессоровъ, то терпѣливо по вечерамъ цѣлые часы училъ насъ разбирать старинныя рукописи - столбцы, то обозрѣвалъ съ нами всѣ, въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательныя архивы, книгохранилища музеев и др. памятники не только Петербурга, но и Москвы, то предпринималъ далекія экскурсіи для ознакомленія насъ съ курганными раскопками, то, наконецъ, каждого изъ слушателей съ величайшею охотою и заботливостію направлялъ и руководилъ въ его отдѣльныхъ занятіяхъ. И все это дѣлалось имъ, не смотря на разницу нашихъ лѣтъ, общественнаго положенія и на его обширныя знанія и ученый авторитетъ, до того просто, съ такимъ добродушіемъ, съ такою юношескою готовностію, доходившею иногда до самопожертвованія, что никто изъ насъ и никогда въ сношеніяхъ съ нимъ не только не замѣчалъ этой разницы, но разъ ознакомившись съ Н. В., уже чувствовалъ къ нему самую горячую любовь и преданность. Вотъ почему, когда пролетѣла вѣсть, эта тяжелая и неожиданная вѣсть о смерти нашего незабвеннаго учителя Н. В. то всѣ мы почувствовали, что у насъ какъ бы оторвалось что-то близкое, родное; мы всѣ нѣсколько дней находились подъ гнетомъ этой вѣсти и не могли ни оторваться отъ мысли, ни свыкнуться съ мыслью, что уже болѣе и не увидимъ и не услышимъ Н. В.

Позволю себѣ привести нѣсколько фактовъ, характеризующихъ Н. В., какъ директора-руководителя института, полагаю, что эти факты хоть нѣсколько помогутъ намъ сегодня воспроизвести образъ этого человѣка, всегда живаго, энергичнаго, неустанно и съ любовію трудившагося.

Лѣтомъ 1881 г. была предпринята нѣкоторыми членами и слушателями института поѣздка въ Москву для ознакомленія съ тамошними архивами, памятниками а также и для производства курганныхъ раскопокъ. Для послѣдней цѣли выбраны были между прочимъ курганы, въ Подольскомъ уѣздѣ, въ Удѣльномъ лѣсу, верстахъ въ 5 — 6 отъ желѣзно-дорож-

ной станции. Мѣсто это совершенно глухое, куда понасть можно было только частію на лодкѣ, частію по лѣснымъ тропинкамъ. Погода стояла крайне дождливая, холодная. Объ удобствахъ ночлега и стола нечего было и думать. Проработавши двое сутокъ подъ дождемъ, въ грязныхъ курганныхъ ямахъ, мы, не смотря на интересъ къ дѣлу, начинали уже подумывать о возвращеніи въ городъ, хотя оставалась еще цѣлая группа кургановъ, представлявшая по своимъ внѣшнимъ признакамъ нѣкоторыя особенности. Но вотъ, на третій день нашихъ работъ, является къ намъ съ мальчикомъ проводникомъ Н. В. и несмотря на дождь и холодъ, съ своею обычною энергіею и живостію, точно какой юноша, проводитъ цѣлый день въ грязныхъ курганныхъ ямахъ съ лопаткою въ рукахъ. А затѣмъ вечеромъ, несмотря на общую усталость, мы провели нѣсколько самыхъ пріятныхъ часовъ за скудною трапезою, потому что Н. В. умѣлъ незамѣтно оживлять и разнообразить историко-археологическій разговоръ съ шутивными вопросами и воспоминаніями о каждомъ изъ насъ. Само собою разумѣется, что, имѣя предъ собою такой примѣръ энергіи и любви къ дѣлу своего старца-учителя, никто изъ насъ уже и не подумалъ болѣе о прекращеніи работъ.

Во время той же поѣздки, но при расконкахъ въ другой мѣстности — верстахъ въ 28 отъ Москвы, на берегу рѣки Клязьмы — былъ такой случай. На другой или на третій день нашихъ работъ здѣсь, пріѣзжаетъ къ намъ на простой деревенской телѣгѣ, по сквернѣйшей проселочной дорогѣ, Николай Васильевичъ и его первыя слова были слѣдующія: „а я только сегодня утромъ возвратился въ Москву изъ Смоленской губ. и такъ какъ мнѣ завтра же пужно ѣхать въ Ярославскую и Новгородскую, то сряду же съ поѣзда поторопился пріѣхать къ вамъ, посмотрѣть, что вы тутъ дѣлаете“. Ознакомивши его затѣмъ съ нашими работами, съ добытыми вещами и побесѣдовавъ по поводу ихъ, мы, въ виду замѣтной усталости Николая Васильевича, попросили его пообѣдать и отдохнуть. Но лишь только мы сѣли за столъ, какъ у Николая Васильевича является мысль, что для насъ во всѣхъ отношеніяхъ и полезно и необходимо раскрыть хотя бы нѣсколько кургановъ такъ, чтобы остались неприкосновенными не только костякъ, но и всѣ предметы и украшенія, находящіеся около его и на немъ. Увлечшись этою мыслью, Николай Васильевичъ оставляетъ только что начатый обѣдъ, уводитъ насъ снова на курганы и съ лопаткою въ рукахъ,

неустанно работаетъ до тѣхъ поръ, пока его мысль не была приведена въ исполненіе. Къ его величайшему удовольствію былъ раскрытъ очень большой курганъ съ хорошо сохранившимися костякомъ женщины и притомъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ была при погребеніи и она сама и находившіяся на ней многочисленныя украшенія.

Осенью того же года Археологическій Институтъ, по предложенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, взялъ на себя обязанность разобрать и привести въ порядокъ архивъ бывшей канцеляріи Оренбургскаго генераль-губернатора. Подобныя порученія особенно радовали Николая Васильевича, такъ какъ въ нихъ онъ видѣлъ признакъ, что у насъ всѣ начинаютъ сознавать и чувствовать потребность и необходимость подобнаго учрежденія, какъ Археологическій Институтъ, что этотъ Институтъ, основанный имъ лишь какъ частное учрежденіе, въ видѣ опыта, приобретаетъ довѣріе и правительства и общества. Для предварительнаго ознакомленія съ положеніемъ архива Н. В. командировалъ въ Оренбургъ д. чл. Инст. А. В. Гаврилова и меня. Архивъ мы нашли въ полномъ беспорядкѣ. Нетолько не было никакихъ описей и указателей, нетолько большинство дѣлъ не были разложены хронологически, но множество бумагъ, дѣлъ и документовъ лежали въ большихъ кучахъ, разбитые, разрозненные.... Намъ предстояло рѣшить прежде всего вопросы: съ какого времени ииѣются въ архивѣ бумаги, какое, хотя бы приблизительно, тамъ количество дѣлъ и наконецъ самое главное: какой представляють по своему содержанію научный и историческій интересъ и значеніе находящіяся въ архивѣ дѣла. Цѣлыхъ двѣ недѣли съ утра до вечера мы провели въ архивѣ, знакомясь съ нимъ. Когда наша задача была окончена, пріѣхалъ въ Оренбургъ и Николай Васильевичъ, которому предстояло разрѣшить еще много вопросовъ. Требовалось опредѣлить: и общія и детальныя основанія дальнейшей разработки архива; точно опредѣлить и указать для этого матеріальныя средства, а самое главное найти способныхъ для этого въ Оренбургѣ людей и привлечь ихъ къ дѣлу.хлопотъ и заботъ Николаю Васильевичу было много. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, начиная съ самаго ранняго утра онъ то выслушивалъ и повѣрялъ въ архивѣ добытыя нами данныя, то ѣздилъ къ разнымъ представителямъ города, прося и убѣждая ихъ принять участіе на предстоящей разработкѣ, то по вечерамъ вмѣстѣ съ нами подво-

даль цифровые итоги количества дѣлъ какъ во всемъ архивѣ, такъ и по разнымъ отдѣленіямъ бывшей канцеляріи.... Наконѣцъ дѣло наладилось. Назначено было засѣданіе лицъ, изъявившихъ готовность принять участіе въ предполагаемой разработкѣ. Къ этому засѣданію нужно было приготовить и проектъ и инструкцію разработки. Помню, наканунѣ засѣданія до глубокой ночи просидѣли мы всѣ трое, разбирая и приводя въ окончательный порядокъ всѣ необходимыя числовыя данныя, но работу, далеко еще неоконченную, за позднимъ временемъ и видимымъ утомленіемъ Н. В., пришлось отложить до другаго дня. На утро, чуть свѣтъ, приходитъ къ намъ въ комнату Николай Васильевичъ совершенно бодрый, веселый и съ цѣлою пачкою исписанныхъ листовъ. „И, господа, написалъ уже проектъ и инструкцію, послушайте и скажите ваше мнѣніе“... Когда онъ успѣлъ это сдѣлать и вообще когда онъ успѣвалъ въ Оренбургѣ не только отдыхать, но даже спать — для насъ остается это совершенно непонятнымъ и до сихъ поръ.

Въ 1883 г. С.-Петербургская Городская Дума обратилась въ Археологическій Институтъ съ просьбою разобрать и описать ея архивъ, причемъ высказано было ею желаніе, чтобы изъ массы имѣющихся дѣлъ, выдѣлены были для уничтоженія тѣ изъ нихъ, которыя не представляютъ никакого научно-историческаго значенія и интереса и не могутъ потребоваться для канцелярскихъ справокъ. Задача — какъ всякій видитъ — очень серьезная. Если для составленія *правильныхъ* описей требуется и много знаній и опытности, и вообще это дѣло считается труднымъ, то на сколько же эта трудность увеличивается, когда приходится произносить приговоръ объ окончательномъ уничтоженіи дѣла. Поэтому Николай Васильевичъ приступилъ къ выполненію этой задачи съ крайнею осторожностію. Выбравъ для предстоящихъ занятій нѣкоторыхъ членовъ и слушателей Института, онъ, послѣ того какъ эти лица подробно и обстоятельно ознакомились съ характеромъ и содержаніемъ дѣлъ думскаго архива, потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ ему подробный проектъ того, какой родъ дѣлъ этого архива долженъ быть оставленъ и какой можетъ быть уничтоженъ съ подробнѣйшимъ, конечно, изложеніемъ мотивовъ для того и другаго. Много разъ и въ стѣнахъ Института и на квартирѣ Николая Васильевича проекты эти разбирались и обсуждались, причемъ онъ, съ своимъ обычнымъ терпѣніемъ и внимательностію, выслушивалъ всѣ мнѣнія и воз-

раженія. Когда же нѣкоторые вопросы не могли быть разрѣшены безъ разсмотрѣнія самыхъ дѣлъ, то Николай Васильевичъ просиживалъ цѣлыя часы въ думскомъ архивѣ, лично и совокупно разсматривая дѣла и уже здѣсь, на мѣстѣ, рѣшалъ недоумѣнные вопросы. Представивши въ городскую управу общій планъ разработки ея архива и поручивши выполнение дѣла членамъ и слушателямъ Института, тѣмъ не менѣе Николай Васильевичъ и самъ очень зорко и постоянно слѣдилъ за ходомъ работъ. Мало того, что каждую представляемую ему опись онъ, совокупно съ работающими, прочитывалъ и редактировалъ въ Институтѣ, но непремѣнно отправлялся еще въ Думу и тамъ, въ тѣсной и темной архивной комнатѣ терпѣливо и благодушно провѣрялъ и исправлялъ опись по самымъ дѣламъ. И это было такъ постоянно, несмотря на разнообразную его дѣятельность по Сенату, по Академіи наукъ, по Институту, по управленію и устройству новаго архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ, по открытію и организаціи губернскихъ архивныхъ комиссій.

Впрочемъ его любовь къ архивамъ и къ архивному дѣлу. — какъ всѣмъ хорошо извѣстно — была безпредѣльна и въ этомъ вопросѣ для него не существовало никакихъ внѣшнихъ формъ, условій и стѣсненій. Всегда имѣлось въ виду одно лишь дѣло. Въ вышедшей третьяго дня книжкѣ „Рус. Старинн“ помѣщено одно письмо Н. И. Костомарова, писанное въ 1877 г. изъ Москвы къ г. Мордовцеву. Вотъ между прочимъ какія встрѣчаются въ немъ строки. „Вамъ непремѣнно нужно взять когда нибудь командировку, пріѣхать въ бѣлокаменную, прожить здѣсь мѣсяца два-три и заниматься изо дня въ день въ архивѣ, управляемомъ нашимъ общимъ пріителемъ Н. В. Калачовымъ, такимъ превосходнымъ хозяиномъ. Я пользуюсь его архивнымъ гостепріимствомъ доотвалу; здѣсь нѣтъ никакихъ стѣсненій: приходи хоть съ солнечнымъ восходомъ и уходи тогда, когда дѣлается темно. Полная свобода. Хотя написано и вывѣшено на стѣпѣ: „курить воспрещено“, по на это никто не обращаетъ вниманія. Се воно тільки такъ пишется, а воно брехня“¹⁾. Я позволилъ себѣ привести эти строки потому, что появленіе ихъ въ печати, совпадая съ днемъ, посвященнымъ памяти Н. В., есть какъ бы загробное свидѣтельство нашего знаменитаго историка о преданности Калачова архивному дѣлу.

¹⁾ Рус. Ст. декабрь 1883 г. (стр. 647).*

Каждый изъ насъ — слушателей Института могъ бы привести еще множество различныхъ фактовъ объ институтской дѣятельности и отношеніяхъ къ намъ Н. В., но всѣ они будутъ одинаково свидѣтельствовать лишь о той любви и самопожертвованіи, съ какими относился почившій ко всему, что касалось Института. Всѣ они будутъ только говорить, что изъ всѣхъ его дѣлъ и начинаній, самымъ дорогимъ для него и любимымъ — былъ всегда Археологическій Институтъ. Это былъ своего рода Іосифъ у патриарха Іакова. Да и понятно, почему такъ. Н. В. былъ проникнутъ глубокимъ сознаниемъ и убѣжденіемъ, что для пользы и русской науки, и русскаго народа и государства, для развитія его самосознанія необходимо точное и подробное изученіе всѣхъ памятниковъ прошлой духовной жизни народа; онъ зналъ, что эти памятники таятся въ архивахъ нетронутыми и неразобранными. Трудно ихъ изучать, но еще труднѣе приводить въ порядокъ. И вотъ, по его идеѣ Арх. Институтъ долженъ былъ приготовить такихъ людей, которые бы съ знаніемъ и безкорыстною любовью могли охранять и расчищать архивныя дебри . . . Неожиданная смерть Н. В. нанесла страшный ударъ и его любимому дѣтищу — Институту. Онъ совершенно осиротѣлъ и осиротѣлъ притомъ слишкомъ рано. Матеріальное его положеніе не обезпечено; вниманіе и сочувствіе къ нему общества и ученыхъ-едва начало только обнаруживаться и то, конечно, благодаря всѣмъ извѣстному авторитетному имени Калачова. Но съ другой стороны было бы крайне тяжело и не хочется вѣрить, чтобы такая прекрасная идея, и весь трудъ, понесенный Калачовымъ для ея осуществленія погибли бы съ его смертью безслѣдно. Небольшая институтская семья съ величайшею готовностію желаетъ сомкнуться въ тѣсный кружокъ около тѣхъ лицъ, которыя станутъ теперь воглавѣ Института, для того, чтобы въ память Н. В. продолжать все начатое имъ, полагая, что это со стороны бывшихъ слушателей Института будетъ самый лучшій вѣнокъ на могилу ихъ незабвеннаго учителя.

Дѣйствит. чл. Института А. Львовъ.

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО, ВЪ 1886 ГОДУ, ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Ровно два мѣсяца назадъ, какъ Николай Васильевичъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, и на этотъ разъ *последнимъ* въ его жизни! И, конечно, въ тотъ день, именно 3-го октября, не могла придти мысль, чтобъ въ настоящую минуту мнѣ пришлось бы говорить предъ вами, милостивые государи и милостивыя государыни, о послѣднихъ дняхъ его жизни, по возвращеніи изъ-за границы! Но такъ какъ, по несповѣдному Промыслу, этому суждено было свершиться, то, исполняя свой печальный долгъ, заблаговременно прошу извинить меня, если нескучный рассказъ мой не удовлетворитъ вашего ожиданія.

Изъ-за границы возвратился Николай Васильевичъ 22-го сентября, крѣпко сѣтуя на себя за то, что ошибшись въ расчетѣ, по движенію желѣзныхъ дорогъ, онъ просрочилъ противъ даннаго ему двухмѣсячнаго отпуска, на одинъ день, и черезъ это прибылъ изъ Аркашона въ Москву не 21-го, какъ бы слѣдовало, а 22-го сентября, чего бы, по его строгому къ самому себѣ отношенію, не долженствовало быть. Возвратился Николай Васильевичъ какъ бы обновившимся въ своемъ здоровьѣ, которое потерялъ онъ главнѣйше отъ тяжелой и продолжительной борьбы съ непріязненностью обстоятельствъ, долго мѣшавшихъ ему одолѣть всѣ препятствія къ созданію въ Москвѣ помѣщенія для архива министерства юстиціи, а также и при самомъ сооруженіи этой постройки, стоившей ему усиленныхъ хлопотъ, тяжелыхъ непріятностей и порчи крови, и сведшихъ, подконецъ, его въ преждевременную могилу.

Въ виду этого горестнаго обстоятельства, я дозволю себѣ коснуться исторіи сооруженія этой постройки или той *высокой заслуги*, которую Николай Васильевичъ оказалъ государству и обществу чрезъ это сооруженіе.

Въ то время, когда явилась безотлагательная потребность: или произвести капитальный ремонтъ того стараго зданія, въ которомъ дониндѣ помѣщается архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, на Старой Васманной, въ домѣ Межеваго Института, или построить новое для него зданіе, Николай Васильевичъ предложилъ сооруженіе новаго архива, со всеми научными и практическими приспособленіями къ удобному храненію дѣлъ и къ свободному пользованію относительно извлеченія изъ нихъ справокъ и выписокъ.

Но такъ какъ большинство чиновныхъ лицъ, обсуждавшихъ эту задачу, стояло за передѣлку стараго помѣщенія, на что и исчисляло израсходовать сумму въ 450,000 рублей, то Николай Васильевичъ, не сочувствовавшій этой, по мнѣнію его, не соответствующей пользамъ государства мѣрѣ, немедленно, съ присущей его характеру энергіею, выхлопоталъ у московскаго городского общества въ безвозмездный даръ участокъ земли на Дѣвичьемъ Полѣ, о чемъ заявивъ министру юстиціи, объявилъ, что на участкѣ этомъ онъ выстроитъ новый архивъ и не дороже 300,000 рублей. За симъ, чтобъ начать безотлагательно дѣло, пожертвовалъ свои деньги на преміи за лучшіе проекты онаго, для чего и составилъ комиссію изъ техниковъ и знатоковъ архивнаго дѣла, — которую министръ юстиціи и утвердилъ.

Комиссія эта выработала, подѣ председательствомъ и руководствомъ Николая Васильевича, подробную программу для новаго зданія, и въ числѣ важнѣйшихъ требованій ея было: устройство наилучшаго освѣщенія и удобнаго доступа какъ для храненія, такъ и для пользованія дѣлами архива.

Всѣхъ проектовъ было представлено до 14-ти, изъ которыхъ комиссія остановилась на проектѣ академика архитектора Абр. Ив. Тихобразова, и утвердила его къ исполненію.

Признанныя комиссіею достоинства проекта г. Тихобразова суть слѣдующія.

При высотѣ архива до 6 сажень, онъ не имѣетъ ни простыхъ, ни рѣшетчатыхъ половъ, ни висячихъ галлерей, какъ обыкновенно принято это при устройствѣ за-границею архивовъ и библиотекъ. Попятно, что при такой высотѣ зданія, для удобнаго доступа къ шкафамъ съ дѣлами, необходимо

имѣть, по крайней мѣрѣ, до пяти въ немъ этажей, а по такому дѣленію два нижнихъ этажа остаются въ темнотѣ, не смотря на освѣщеніе иллюминаторовъ, т. е. освѣщенія съ верху, что при нашихъ климатическихъ, вообще, сумрачныхъ условіяхъ и немислимо, такъ какъ и при рѣшетчатыхъ полахъ только слабая часть свѣта изъ иллюминаторовъ доходитъ до низу.

Въ проектѣ же г. Тихобразова и въ нынѣ осуществленномъ зданіи новаго архива на Дѣвичьемъ Полѣ состоятъ тѣ же пять этажей, но въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ, одинаково свѣтло, по отсутствію половъ, которые замѣнены четырьмя галлереями, пристроенными къ одной сторонѣ зданія, и входъ на нихъ производится чрезъ посредство двухъ лѣстницъ, помѣщенныхъ съ боку зданія въ особыхъ пристройкахъ, — и съ этихъ-то галлерей происходитъ сообщеніе съ шкафами, помѣщенными въ безпольномъ пространствѣ зданія, чрезъ посредство стоящихъ на галлерейхъ подвижныхъ платформъ, или телѣжекъ, которыя съ галлерей движутся къ шкафамъ по рельсамъ, укрѣпленнымъ къ стойкамъ шкафовъ, на высотѣ каждаго этажа, т. е. въ 4-хъ мѣстахъ. Эти-то рельсы и телѣжки замѣняютъ собою полы, ибо телѣжки, двигающіяся по рельсамъ впередъ и обратно, представляютъ изъ себя небольшую часть пола, *идь онъ нуженъ для доступа къ шкафамъ*, и останавливаются по желанію у тѣхъ изъ нихъ, до дѣла котораго предстоитъ надобность. А такъ какъ рельсы помѣщены въ промежуткахъ между шкафами, то весьма удобно ставить и снимать дѣла, какъ изъ шкафовъ одной стороны, такъ и изъ шкафовъ другой противоположной ей стороны.

Но заботясь о сооруженіи такого зданія, Николай Васильевичъ заботился и о томъ, что бы оно было выстроено вполне основательно и отнюдь не дороже той суммы, 300,000 рублей, о которой онъ заявилъ министру юстиціи. И съ какою, бывало, радостью сообщалъ онъ о своей надеждѣ исполнить свою задачу въ точности и даже имѣть отъ нея остатокъ. „Вотъ всѣ увѣряли и спорили, говорилъ Николай Васильевичъ, что 300,000 рублей будетъ недостаточно и что безъ дополнительнаго кредита дѣло не обойдется; а между тѣмъ сооруженіе заканчивается и является увѣренность на остатокъ въ 20,000 рублей“.

На остатокъ этотъ Николаю Васильевичу страстно желалось создать при новомъ архивѣ домовую церковь и разбить при ономъ садикъ. И то и

другое желалось ему исполнить для того, чтобъ оберегаемые и награждаемые имъ чиновники архива имѣли бы и свою церковь для молитвы и спой садить для отдыха. Вообще должно сказать, что такого заботливаго о нуждахъ своихъ подчиненныхъ, такого внимательнаго къ ихъ заслугамъ и такого щедраго къ наградамъ своихъ сослуживцевъ начальника, какиимъ былъ Николай Васильевичъ, не было и едва ли будетъ, — что сослуживцами его и засвидѣтельствовано въ Москвѣ не краснорѣчивыми словами, а искренними и горькими слезами въ церкви, при совершеніи торжественной панихиды о своемъ скончавшемся отцѣ-начальникѣ.

И вотъ къ упомянутому излюбленному дѣтищу своему, поному архиву, обратился Николай Васильевичъ тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ изъ за границы въ Москву, — и проводилъ въ немъ время съ утра и до ночи, въ теченіе недѣли, не смотря ни на осеннюю сырую и холодную погоду, ни на сквозной вѣтеръ, такъ какъ въ зданіи архива нѣтъ еще рамъ, заботясь только о томъ, чтобъ архивъ былъ бы подготовленъ непременно къ открытію на 17-е мая 1886 года. Отдаваясь, какъ и всегда, съ полнымъ самоотверженіемъ исполненію каждой своей обязанности, Николай Васильевичъ хотя и чувствовалъ, что здоровье его, при такихъ неблагопріятствующихъ, послѣ леченія въ Эмсѣ и Аркашонѣ, условіяхъ сильно и вновь разстроивается, не остановился въ своей дѣятельности и прибылъ 1-го октября въ Петербургъ, чтобъ заняться дѣлами другаго, не менѣе любимаго имъ дѣтища Археологическаго Института. — Впрочемъ въ гибельное разстройство своего здоровья Николай Васильевичъ не вѣрилъ, убѣждая самого себя, что происходящій въ немъ упадокъ силъ, мѣшающій заниматься дѣлами съ прежнею энергіею, есть ничто иное, какъ послѣдствіе двухмѣсячной заграничной жизни, гдѣ пользуясь свободою, онъ отвыкъ будто бы отъ труда, такъ какъ по его словамъ, сказаннымъ имъ мнѣ, при посѣщеніи 3-го октября, за границую онъ только восхищался природою и дивился тамошней культурѣ и геніальнымъ дѣламъ и предпріятіямъ.

И оживленно, съ юношескимъ увлеченіемъ, не покидавшимъ Николая Васильевича при его 66-лѣтнемъ возрастѣ, передавалъ онъ мнѣ свои полныя высокаго интереса впечатлѣнія о видѣнномъ имъ за границею. Всего болѣе заинтересовало Николая Васильевича предпріятіе французскаго инспектора путей сообщенія Бремонтъе, жившаго въ концѣ прошлаго столѣтія и пре-

вратившаго существовавшіе, въ то время, по всему берегу Аркашонскаго залива сыпучіе пески или дюны въ плодотворную мѣстность,—и мнѣ кажется, что если я ознакомлю васъ, милостивые государи и милостивыя государины, съ разсказомъ Николая Васильевича, объ этомъ предметѣ, то не обременю вашего вниманія, тѣмъ болѣе что разсказъ этотъ принадлежитъ къ послѣднимъ въ его жизни.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, такъ разсказывалъ Николай Васильевичъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ городокъ Аркашонъ, былъ дикій океанійскій берегъ, засыпаемый по всему протяженію своему сыпучими песками, поглощавшими всю прилегающую къ нему мѣстность и образовавшими изъ нея ни на что непригодныя дюны. По почину жившаго въ то время г. Бремонтье и по распоряженію французскаго правительства началось укрѣпленіе этихъ песковъ посредствомъ разсаживанія на нихъ сѣянцевъ приморской сосны. Послѣдствіемъ этого стало, что весь берегъ Аркашонскаго залива, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, покрытъ теперь уже строевымъ сосновымъ лѣсомъ, и на бывшихъ когда то сыпучихъ пескахъ возникъ городъ Аркашонъ, привлекающій къ себѣ массу путешественниковъ и больныхъ, надъ которыми благотворный морской воздухъ океана, пропитываемъ бальзамическимъ испареніемъ сосны, производитъ спасительное для нихъ здоровья дѣйствіе, а пребываніе иностранцевъ, развивая мѣстную промышленность, упрочиваетъ благосостояніе жителей.

Это патріотическое дѣло г. Бремонтье сильно подѣйствовало на воспріимчивую душу Николая Васильевича, и онъ съ восхищеніемъ разсказывалъ объ немъ; но тутъ же и горевалъ, что ничего подобнаго ни кѣмъ еще не сдѣлано у насъ. И, конечно, говоря такъ, не замѣчалъ, что самъ лично всю жизнь свою, не зная о дѣлѣ г. Бремонтье, сослужилъ родинѣ своей точно такую же плодотворную службу, превративъ наше сухое, какъ бы мертвое архивное дѣло въ оживотворенное поле дѣятельности, на которомъ питомцы основаннаго имъ Археологическаго Института, сослуживцы его въ архивѣ министерства юстиціи, и трудящіеся въ открытыхъ имъ въ Твери, Рязани, Орлѣ, Тамбовѣ и Костромѣ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ развиваютъ это одушевленное имъ дѣло для пользы государства, общества и науки.

Въ Петербургѣ Николай Васильевичъ пробылъ не долго, и простившись съ своимъ Археологическимъ Институтомъ, уѣхалъ 4-го октября въ

Москву, крѣпко погоревавъ о невозможности совершить, по случаю поздняго осенняго времени, поѣздки въ Екатеринбургъ, для розыска въ архивахъ документовъ о жизни и дѣятельности въ тамошнемъ краю перваго русскаго историка В. Н. Татищева, документовъ необходимыхъ для составленія жизнеописанія послѣдняго, по порученію данному Николаю Васильевичу отъ Академіи Наукъ, и предназначавшемуся для выхода въ свѣтъ къ 19-му апрѣля 1866 года, въ день 200 - лѣтней годовщины рожденія Татищева.

Въ Москвѣ Николай Васильевичъ, перемогаясь отъ развивающейся въ немъ болѣзни, пробылъ до 8-го октября. Затѣмъ отправился къ своей семьѣ въ свое родовое имѣніе, село Волхонцину, Сердобскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобъ оттуда побывать въ Саратовѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, для открытія въ нихъ губернскихъ учено-архивныхъ комиссій.

Встрѣтившись въ Волхонцинѣ съ своимъ семействомъ, Николай Васильевичъ какъ бы забылъ о гнетущемъ его недугѣ и немедленно объѣхалъ съ управляющимъ свои поля. Найдя и озими и овецъ въ прекрасномъ состояніи и выразивъ управляющему, съ присущею ему деликатностью, полнѣйшее удовольствіе, Николай Васильевичъ вдался было, по своей предпріимчивости, въ предположенія объ улучшеніи хозяйства.

Но судьбѣ благоугодно было опредѣлить по своему: къ вечеру 11-го октября, у Николая Васильевича появилось рожистое воспаленіе лѣвой ноги, вполнѣдствіи болѣзнь усилилась лимфатическими пятнами на лѣвой рукѣ, явилось, вслѣдъ за этимъ, страданіе плеча, вселился бредъ, жаръ, неотступное горячее желаніе уѣхать въ Петербургъ, явиться Государю Императору съ отчетомъ о своихъ дѣлахъ, и ожесточеніе противъ доктора и семейства, недопускавшихъ его встать съ постели, — въ концѣ же — агонія и смерть, въ 25-й день октября.

Замѣчательно, что какъ просто и скромно жилъ Николай Васильевичъ, чуждаясь всякой представительности въ чемъ бы то ни было и заискиваній въ комъ бы то ни было, а довольствуясь вездѣ и во всемъ своими средствами и скромною житейскою обстановкою, — такъ суждено было совершиться и его похоронамъ, на которыхъ вся сердобская служебная, такъ называемая нинѣ, интеллигенція, начиная съ предводителя дворянства и кончая исправникомъ, блистала своимъ отсутствіемъ, — по на которыя

явилось все живущее населеніе селъ Волхонщины и Салтыкова съ ихъ деревнями.

И неся на себѣ гробъ усопшаго, и опуская его въ тихую могилу въ созданной покойнымъ при селѣ Волхонщинѣ церкви, это добродушное православленное сонмище бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, смиренно вторившее священному пѣнію — „покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“ — какъ бы знало, что ихъ бывший баринъ, сенаторъ и Александровскій кавалеръ смиренно же изучалъ ихъ бытъ, ихъ исконную правовую мудрость, собиралъ ихъ народные юридическіе обычаи, предполагая создать изъ нихъ сводъ сельскаго судоустройства, собиралъ матеріалы для исторіи ихъ сословія, написалъ книгу объ ихъ артеляхъ, участвовалъ въ комиссіяхъ по освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, и настоялъ, чтобъ въ Судебные Уставы Императора Александра II-го, была включена 130-я статья, позволяющая мировымъ судьямъ руководствоваться, при постановкѣ рѣшеній, мѣстными народными обычаями.

За тѣмъ, милостивые государи и милостивыя государыни, если С.-Петербургъ и Москва, Казань и Тверь, Рязань и Тамбовъ, Кострома и другіе города почтили память нашего незабвеннаго Николая Васильевича торжественными панихидами, засѣданіями, адресами, рѣчами, некрологами и искренними слезами, говорящими объ общей скорби въ понесенной государствомъ и наукою незамѣнимой утратѣ, то мнѣ остается только примѣнить къ памяти о скончавшемся полнымъ христіанскаго смиренія слова нашего симпатичнѣйшаго поэта, В. А. Жуковскаго, о людяхъ, подобныхъ Николаю Васильевичу:

„О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: были.“

8-е декабря 1885 года.

Аскалонъ Труворовъ.

ПО ПОВОДУ ЧЕСТВОВАНІЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИНСТИТУТОМЪ ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА, НАХОДИМЪ УМѢСТНЫМЪ ПОМѢСТИТЬ ЗДѢСЬ И СЛѢДУЮЩІЯ ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ И СООБЩЕНІЯ, ВЫЗВАННЫЯ ЕГО КОНЧИНОЮ.

Министръ Юстиціи.

Милостивая Государыня

Лидія Александровна.

Поставляю себѣ въ обязанность увѣдомить Ваше Превосходительство, что на всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ о кончинѣ супруга вашего, Сенатора, Тайнаго Совѣтника Николая Васильевича Калачова, послѣдовавшей 25 сего октября, Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: „*Весьма сожалею о немъ*“.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Д. Набоковъ.

№ 15648.

Октября 28 дня,

1885 г.

Ея Пр—ству

Л. А. Калачовой.

I.

Телеграмма изъ Сердобска, 26-го октября 1885 года.

Петербургъ, Вольшая Московская, 5, Труворову.

Мужъ мой скончался въ Волхонщинѣ 25 октября. Сообщите куда слѣдуетъ. Панихиду публикуйте въ Новомъ Времени. Похороны здѣсь 28-го.
Калачова.

II.

† Н. В. КАЛАЧОВЪ.

25-го октября скончался Калачовъ...

Довольно произнести это имя, чтобы понятна была незамѣнная для науки утрата, соединяемая съ его свѣжою могилою. Профессоръ, историкъ, археологъ, сенаторъ, академикъ—Николай Васильевичъ Калачовъ на всѣхъ этихъ многообразныхъ и трудныхъ поприщахъ явилъ доблести, дающіяся столь немногимъ, только избраннымъ.

Съ 1846 года, изданіемъ своей магистерской диссертациі, капитальнаго труда по исторіи русскаго права („Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“), онъ началъ свои работы въ области права, исторіи и археологіи, которыхъ не покидалъ до самой смерти; имъ составлены и изданы многіе томы, цѣлая библіотека, и все — дѣльное, цѣнное, много двинувшее нашу науку.

Въ разработкѣ архивовъ (Государственнаго Совѣта, Сената, Министерства Юстиціи, котораго онъ былъ директоромъ), въ собираніи документовъ и ихъ изданіи Калачовъ не зналъ ни усталости, ни отдыха. Какъ-бы обрѣкши себя на эту вѣчную службу Россіи, онъ вербовалъ на святое для него архивное дѣло всѣхъ, съ кѣмъ сталкивала его сорокалѣтняя научная дѣятельность, и отъ его неумолимой энергіи не могли устоять весьма многіе: хорошія силы навербованы имъ для великаго научнаго служенія историческому дѣлу Россіи.

Въ этой области онъ не вѣрилъ въ затрудненія и препятствія. И невозможное для цѣлой совокупности людей—дѣлалось возможнымъ при тру-

долюбія и энергія Калачова. Плъненный работами французской „Ecole des chartes“, онъ задумалъ и въ Россіи создать таковую. Многимъ его смѣлая мечта казалась хорошею, но поэтической мечтою. Но Калачовъ началъ дѣйствовать, и по его почину и на средства привлеченныхъ имъ жертвователей созданъ въ Петербургѣ Археологическій Институтъ, поддержанный затѣмъ и правительствомъ. Убѣдившись въ практической возможности такового, Калачовъ желѣлъ уже планъ открыть такой же институтъ и въ Москвѣ, при Архивѣ министерства юстиціи.

Получивъ въ своемъ институтѣ плеяду архивистовъ, Калачовъ двинулся въ своихъ смѣлыхъ планахъ далѣе: сталъ заводить по губерніямъ ученыя архивныя комиссіи.

Въ Октябрѣ торопился онъ изъ Москвы въ Саратовъ, чтобы открыть и тамъ эту комиссію, и открылъ бы, такъ какъ и заботъ и энергіи было достаточно, но съ злымъ недугомъ не удалось побороться. Не доѣхавъ до Саратова, Калачовъ принужденъ былъ внезапною болѣзнію остановиться въ своемъ имѣніи, Сердобскаго уѣзда (при селѣ Волхонщинѣ), и здѣсь, 25-го октября, на 66-мъ году, навсегда замолегла его трудовая энергическая жизнь.

Во многихъ учрежденіяхъ отправлены будутъ по Калачовѣ панихиды. Въ университетской церкви (Калачовъ былъ почетнымъ докторомъ С.-Петербургскаго Университета) будетъ панихида въ понедѣльникъ, 28-го октября (въ этотъ день назначено погребеніе въ его имѣніи) въ 12 час., а въ 2 час. 30 мин.—въ его любимомъ, созданномъ имъ и теперь осиротѣвшемъ Археологическомъ Институтѣ.

26-го октября 1885 г.¹⁾

И. Андреевскій.

III.

Телеграмма изъ Петербурга, 27 октября 1885 г.

Сердобскъ, въ село Волхонщину, Лидіи Александровнѣ Калачовой.
Внезапная кончина Калачова—незамѣнимая утрата наукѣ. Петербург-

¹⁾ *Новости*, 27-го октября, 1885 г., № 296.

скій Университетъ шлетъ почтенной семьѣ покойнаго сердечное соболъзнованіе.

Ректоръ университета Андреевскій.

IV.

Телеграмма изъ Петербурга, 27 октября 1885 г.

Сердобскъ, въ село Волхонщину, Лидіи Александровнѣ Калачовой.

Члены Академіи Наукъ, присутствовавшіе сегодня на панихидѣ по незабвенномъ Николаѣ Васильевичѣ, поручили мнѣ выразить вамъ свое глубокое соболъзнованіе о невознаградивой утратѣ сотоварища, въ которомъ они чтили не только многостороннія ученныя заслуги, но и высокія душевныя качества.

Гротъ.

V.

Телеграмма изъ Москвы, 27 октября 1885 г.

Сердобскъ, Лидіи Александровнѣ Калачовой, село Волхонщино.

Отъ имени Московскаго Юридическаго Общества, которое высоко почитаетъ заслуги покойнаго Николая Васильевича предъ русскою наукою, я прошу васъ принять выраженіе глубокаго сочувствія въ постигшей васъ тяжелой утратѣ.

Предсѣдатель общества Сергій Муромцевъ.

VI.

Телеграмма изъ Петербурга, 28 октября 1885 г.

Сердобскъ, въ село Волхонщину, Лидіи Александровнѣ Калачовой.

Археологическій Институтъ въ полномъ составѣ, съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, статсъ секретарями, Куломзиннымъ и Селифонтовымъ, массою присутствовавшихъ на отслуженной

архієпископомъ Саввою панихидѣ почитателей и всѣми архивистами, Калачовымъ обученнымъ, шлютъ сердечное соболѣзнованіе вамъ, Лидія Александровна, и почтенной семьѣ покойнаго. Селифонтовъ, Куломзинъ, Бычковъ, Андреевскій, Прозоровскій, Покровскій, Труворовъ, Ясенскій, Султановъ, Ягичъ, Галаховъ, Петровъ, Даниловъ, Тимоеевъ, Яковлевъ, Львовъ, Гавриловъ, Поповскій, Селивановъ и другіе.

VII.

Телеграмма изъ Москвы, 28 октября 1885 г.

Сердобскъ, Ея Превосходительству Лидіи Александровнѣ Калачовой.

Служащіе въ Архивѣ Министерства Юстиціи, помолившись въ помѣщеніи Архива объ успокоеніи души дорогаго незабвеннаго и незамѣннаго своего начальника Николая Васильевича, находясь въ сердечной скорби, поразившей васъ, насъ и русскую историческую науку, шлютъ вамъ, многоуважаемая Лидія Александровна, глубокое соболѣзнованіе о невозвратной потерѣ, тѣмъ болѣе грустной для насъ, что мы не могли помолиться надъ усопшимъ, проститься съ нимъ и, вмѣстѣ съ вами, поплакать. Зубовъ, Поповъ, Николаевъ-Холмогоровъ, Петровъ, Голубевъ, Ogлоблинъ, Востокъ, Сергіевскій и другіе чины Архива.

VIII.

Телеграмма изъ Москвы, 28 октября 1885 г.

С.-Петербургъ, Васильевскій островъ 12 линія. Археологическому Институту.

Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи выражаютъ Археологическому Институту, какъ учрежденію всего болѣе лишившемуся съ преждевременной кончиной незабвеннаго Николая Васильевича, свою глубочайшую скорбь объ утратѣ одного изъ первыхъ ученыхъ, честнѣйшаго дѣятеля на поприщѣ науки.

Директоръ Музеевъ Дашковъ.

IX.

Телеграмма из Твери, 28 октября 1885 г.

С.-Петербургъ, Археологическій Институтъ.

Пораженные глубокой скорбію о незамѣнной утратѣ Николая Васильевича, члены тверской архивной комиссіи возносятъ самыя горячія молитвы объ усопшемъ.

Жизневскій.

X.

ПАНИХИДЫ О Н. В. КАЛАЧОВЪ.

Сегодня, 28-го октября, въ день похоронъ директора Археологическаго Института, сенатора и академика Николая Васильевича Калачова, была отслужена панихида въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ присутствіи помощника попечителя учебнаго округа, профессоровъ и студентовъ. Затѣмъ, въ 2 $\frac{1}{2}$ часа дня, когда, по приблизительному расчету, прахъ покойнаго долженъ былъ быть опущенъ въ землю, состоялась въ большомъ залѣ Археологическаго Института общая соборная панихида. На стѣнѣ, направо отъ входа, устроенъ былъ большой траурный щитъ, съ портретомъ Николая Васильевича, украшеннымъ лавровымъ вѣнкомъ и обставленнымъ тропическими растеніями; залъ и каедре были также задрапированы чернымъ сукномъ. Къ назначенному часу прибыли: министръ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, статсъ-секретари: Куломзинъ и Селифонтовъ, директоръ Императорской публичной библіотеки академикъ А. Ѳ. Вычковъ, ректоръ петербургскаго университета И. Е. Андреевскій, тайный совѣтникъ М. И. Семевскій, помощникъ Н. В. Калачова, по московскому архиву, дѣйствител. статскій совѣтникъ Орловъ, академики: Вутлеровъ, Ягичъ и др., профессора высшихъ учебныхъ заведеній, сенаторы, члены и слушатели Археологическаго института, многочисленныя ученики и почитатели покойнаго. Панихиду служилъ преосвященный архіепископъ тверской Савва, въ сослуженіи съ нѣсколькими священниками и при хорѣ пѣвчихъ.

Во время гвѣнія „со свѣтлыми упокой“ и „вѣчная память“, присутствовавшіе опустились на колѣни и многіе плакали.

По окончаніи панихиды, тотчасъ-же была составлена и отправлена на имя вдовы покойнаго слѣдующая телеграмма. „Археологическій институтъ, въ полномъ составѣ, съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, статсъ-секретарями Булозиннымъ и Салифонтовымъ, археологистами, обученными Калачовымъ, и массою присутствовавшихъ на панихидѣ почитателей, шлютъ сердечное соболѣзнованіе Лидіи Александровнѣ и почтенной семьѣ покойнаго“.

По инициативѣ И. Е. Андреевскаго, присутствовавшими рѣшено было устроить въ помѣщеніи Археологическаго Института, въ непродолжительномъ времени, вечернее чтеніе въ память Н. В. Калачова, и возложить на трехъ-четырехъ лекторовъ трудъ ознакомленія публики съ обширными научными трудами покойнаго.

Такъ какъ совѣтъ и члены Археологическаго Института, по неожиданности внезапной кончины Николая Васильевича, не могли лично присутствовать на похоронахъ, то на могилу покойнаго будетъ посланъ металлическій вѣнокъ съ перечисленіемъ именъ всѣхъ его товарищей и сотрудниковъ по институту ¹⁾.

XI.

ПАМЯТИ Н. В. КАЛАЧОВА.

Телеграфъ сообщилъ скорбную вѣсть о тяжелой потерѣ, понесенной русскою наукой: 25 октября скончался въ своемъ имѣніи Саратовской губерніи извѣстный нашъ ученый, директоръ Московскаго Архива министерства юстиціи и Археологическаго Института, сенаторъ Н. В. Калачовъ. Подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ нежданной утраты, вспомнились намъ слова, сказанныя Е. В. Барсовымъ надъ свѣжею еще теперь могилкой незабвеннаго графа А. С. Уварова: „Мечъ Божій видимо носится надъ нами. Посвѣкаются богатыри, а равныхъ имъ не видится. О, мечю Божій! Доколя будешь

---

¹⁾ Новости, 29-го октября 1885 г., № 298.

сѣщи насъ?—Вниди въ ножа твоя, почій и помолчи!“ Не прошло и десяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, и вотъ на томъ же поприщѣ молодой русской археологической науки отнять у насъ и другой равный ему. Чѣмъ былъ графъ Уваровъ для русской археологін, тѣмъ же Н. В. Калачовъ для русской архивной науки. Въ эту минуту не время подводить итоги его долголѣтней и многоплодной дѣятельности: долго ее будутъ поминать добрымъ словомъ русскіе юристы, ибо его труды въ этой области на долго останутся классическими и незамѣнимыми. Таковы его *Предварительныя юридическія сѣднія для полного объясненія Русской Правды*, писанныя для полученія степени магистра, почти сорокъ лѣтъ назадъ (1846), таково его изслѣдованіе *О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права*. Кромѣ того, Н. В. Калачовъ въ разное время предпринималъ обширныя изданія сырыхъ матеріаловъ: *Архивъ историко-юридическихъ сѣдній относящихся до Россіи*; *Архивъ историческихъ и практическихъ сѣдній*; *Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи*; подъ его же редакціей выходили изданія Археологическаго института: *Сборникъ Археологическаго Института и Вѣстникъ Археологій и Исторіи* (послѣдніе выпуски этого изданія приготовлялись имъ за нѣсколько дней предъ смертью). Вѣчными памятниками о немъ будутъ служить Московскій Архивъ министерства юстиціи, основанный имъ Археологическій Институтъ и открытыя въ нѣсколькихъ губерніяхъ архивныя комиссіи. Благодаря его неустаннымъ заботамъ, готово наконецъ новое зданіе Архива, представляющее послѣднее слово архивной архитектуры; при немъ предполагалось открыть отдѣленіе Археологическаго института... И вотъ когда настало время осуществиться его завѣтнымъ мечтамъ, пришла вѣсть о его безвременной кончинѣ. Но память о знаменитомъ историкѣ-юристѣ будетъ жить. Надо надѣяться, что мѣстомъ послѣдняго его упокоенія будетъ Москва, именно Новодѣвичій монастырь, въ виду любимаго имъ Архива, вблизи историческихъ могилъ: графа Уварова, Погодина, Соловьева.

Ал. Тр—ковъ¹⁾.

---

¹⁾ Московскія Вѣдомости, 30-го октября, 1886 г., № 300.

XII.

Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства:

Кострома, 30-го октября. Сегодня, въ присутствіи членовъ губернской архивной ученой комиссіи и представителей дворянства и земства, совершена торжественная панихида по Н. В. Калачовѣ.

Тамбовъ, 2-го ноября. Губернаторъ пригласилъ членовъ здѣшней архивной комиссіи и всѣхъ мѣстныхъ почитателей отечественной археологіи почтить память Н. В. Калачова панихидой 3-го ноября.

XIII.

Телеграмма изъ Тамбова, 3-го ноября 1885 г.

Археологическій Институтъ. С.-Петербургъ.

Тамбовская архивная комиссія, помянувъ торжественною панихидою незабвеннаго Николая Васильевича, выражаетъ институту свою скорбь и вмѣстѣ увѣренность въ прочности основанныхъ покойнымъ научныхъ учрежденій.

Предсѣдатель Комиссіи Дубасовъ.

XIV.

Телеграмма Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Казань, 4-го ноября. Вчера отслужены въ университетѣ панихиды по Н. В. Калачовѣ и К. Д. Кавелинѣ, а въ собраніи Общества Археологіи произнесена профессоромъ Корсаковымъ рѣчь, посвященная ихъ памяти.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Засѣданіе Юридическаго общества въ понедѣльникъ, 4-го ноября, посвященное частью памяти недавно умершаго Н. В. Калачова, частью текущимъ дѣламъ и реферату М. М. Ковалевскаго, собрало въ круглый залъ правленія университета довольно многочисленную публику.

Почтенный предсѣдатель общества С. А. Муромцевъ въ немногихъ, но достаточно сильныхъ, словахъ охарактеризовалъ покойнаго Н. В. Калачова какъ юриста, историка и археолога. Несомнѣнно въ лицѣ его русская наука понесла тяжелую новознаградимую утрату: кто знаетъ, какъ мало было сдѣлано до покойнаго Николая Васильевича въ области разработки и изученія памятниковъ древне-русскаго законодательства, тому излишне указывать и перечислять заслуги, оказанныя покойнымъ русской наукѣ. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды открываютъ собою рядъ работъ въ области исторіи, права и археологій; появляется изслѣдованіе за изслѣдованіемъ, предпринимается изданіе за изданіемъ, пыльное достояніе архивовъ появляется на свѣтъ Божій... Заслуги покойнаго далеко не исчерпываются этимъ. Онъ былъ предсѣдателемъ перваго съѣзда юристовъ въ Москвѣ, много способствовавшимъ успѣхамъ и плодотворности занятій этого съѣзда.... Не смотря на неблагопріятныя условія, онъ не переставалъ надѣяться на возможность созванія втораго съѣзда. По энергической инициативѣ Н. В. Калачова былъ открытъ въ Петербургѣ Археологическій Институтъ, въ судьбахъ котораго покойный принималъ самое живое участіе... Долгое время Н. В. состоялъ директоромъ Архива министерства юстиціи, что ставило его, конечно, въ благопріятныя условія при археологическихъ изслѣдованіяхъ и вообще всѣхъ его научныхъ работахъ. Покойный былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ московскаго Юридическаго Общества, давно избравшаго его своимъ почетнымъ членомъ.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Николая Васильевича, вдовѣ его была отправлена предсѣдателемъ Общества телеграмма отъ имени Общества съ выраженіемъ чувства глубокой скорби по поводу постигшей ее и русскую науку утраты.

Утвердивъ и одобрявъ дѣйствию предсѣдателя, Юридическое Общество, въ лицѣ собравшихся на засѣданіе членовъ, почтило память усопшаго почетнаго члена своего обычнымъ вставаньемъ¹⁾.

XVI.

Н. В. КАЛАЧОВЪ.

25-го минувшаго октября скончался въ своемъ имѣніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и видныхъ представителей русской исторической науки, сенаторъ, тайный совѣтникъ Николай Васильевичъ Калачовъ.

Покойный родился въ 1819 году; воспитаніе получилъ въ моск. Дворянскомъ институтѣ, гдѣ пробылъ съ 1833 по 1836 годъ, а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ. Въ 1840 году, тотчасъ же по окончаніи курса въ университетѣ, со степенью кандидата, Н. В. Калачовъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, съ откомандированіемъ для занятій въ Археографическую Комmissiю. Съ этого времени и начинается многолѣтняя плодотворная дѣятельность покойнаго въ области права, исторіи и археологіи. Въ 1846 году вышла въ свѣтъ магистерская диссертация Н. В. Калачова: „Предварительныя юридическія изслѣдованія о Русской Правдѣ“, представляющая капитальный трудъ по исторіи русскаго права. Въ 1848 году началась профессорская дѣятельность покойнаго въ Московскомъ Университетѣ, сначала въ качествѣ адъюнкта по кафедрѣ исторіи російскаго законодательства, а съ 6-го іюня 1850 г. — въ качествѣ экстраординарнаго профессора.

Въ 1851 году, Н. В. Калачовъ снова былъ назначенъ членомъ Археографической Комmissiи и оставилъ университетъ. Въ 1857 году онъ поступилъ на службу во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, оставаясь въ то же время членомъ Археографической Комmissiи. 29-го декабря 1858 года Академія Наукъ избрала Н. В. Калачова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ февралѣ 1862 года по-

---

¹⁾ Русскій Курьеръ, 9-го ноября 1885 г., № 309.

койный былъ назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ 1863 году ему было поручено составленіе описанія архивовъ: Государственнаго Совѣта, Государственной Канцеляріи и Комитета Министровъ, съ причисленіемъ къ Государственной Канцеляріи. Въ томъ же году онъ назначенъ членомъ редакторомъ учрежденной при Государственной Канцеляріи комисіи для составленія проекта преобразованія судебной части. 9-го ноября 1864 года С.-Петербургскій университетъ призналъ Н. В. Калачова достойнымъ полученія степени доктора гражданского права. Въ 1865 году Высочайшимъ указомъ покойному было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ назначеніемъ управляющимъ московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, въ каковой должности онъ и оставался до своей смерти.

Многочисленные ученые труды Н. В. Калачова доставили ему званіе почетнаго члена С.-Петербургскаго, Московскаго и Казанскаго университетовъ, а также многихъ ученыхъ обществъ. Помимо другихъ трудовъ, почти вся жизнь покойнаго была посвящена археологической дѣятельности. Такъ, по его почину, возникла особая комисія для разработки документовъ московскаго Архива министерства юстиціи. Далѣе онъ основалъ цѣлое учрежденіе для развитія архивнаго дѣла въ Россіи, а именно Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Въ короткое время своего существованія, институтъ обратилъ на себя общее вниманіе своею полезною дѣятельностію. Заслуги Н. В. Калачова въ дѣлѣ изученія археологіи обширны и его смерть — невознаградимая потеря для науки ¹⁾.

XVII.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА.

Въ послѣдніе годы своей жизни покойный Николай Васильевичъ особенно былъ преданъ дѣлу устройства московскаго Архива министерства юстиціи. Вступивъ въ 1865 году въ управленіе Архивомъ, онъ изъ наличнаго состава служащихъ, получившихъ высшее образованіе, сформировалъ

---

¹⁾ Смоленскій Вѣстникъ, № 129.

особое „ученое отдѣленіе“, задачей коего поставилъ систематическое описаніе документовъ, хранящихся въ Архивѣ. Этимъ отдѣленіемъ, разумѣется подъ ближайшимъ руководствомъ покойнаго, были изданы въ свѣтъ четыре тома *Описанія документовъ Архива*; въ нихъ между прочимъ находятся въ высшей степени интересныя и важныя въ научномъ отношеніи статьи: С. А. Петровскаго, *О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго*, П. Н. Дроздовскаго, *Областное управленіе Россіи въ царствованіе Петра Великаго*, Н. Е. Сѣвернаго, *Устройство, составъ и длгопроизводство Сыскаго приказа*, А. А. Голубева, *Сыскаго приказа*, Д. М. Мейчикъ *Грамоты и другіе акты XIV и XV вѣковъ московскаго Архива Министерства Юстиціи*, Н. Н. Оглоблина, *Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII столѣтій, заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа* и мн. др. Кроме того, по Высочайшему повелѣнію, по документамъ, относящимся къ царствованію Іоанна Антоновича, хранившимся отдѣльно отъ другихъ документовъ Архива и извѣстнымъ подъ именемъ „Дѣла съ извѣстнымъ титуломъ“ былъ изданъ въ свѣтъ первый томъ изслѣдованія *Внутренній бытъ Россіи въ 1740—41 годахъ*; второй томъ въ настоящее время находится въ печати. Сознывая крайнюю непригодность для пользованія описей документовъ Архива, составленныхъ еще въ 1835 году, и признавая важное значеніе ихъ въ особенности для стороннихъ ученыхъ, занимающихся въ Архивѣ, Николай Васильевичъ приступилъ къ составленію болѣе точныхъ описей документовъ при помощи чиновниковъ „ученаго отдѣленія“, коими ко дню его смерти почти уже окончено составленіе описей Московскаго стола Разряднаго приказа за время царствованія Михаила Ѳеодоровича. Эта работа въ высшей степени интересовала его и лишь недостатокъ средствъ мѣшала ему повести ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ будущемъ онъ хотѣлъ воспользоваться для этой работы силами студентовъ создаемаго имъ при Архивѣ Археологическаго Института. Ко дню открытія новаго зданія Архива, на Дѣвичьемъ Поля, онъ хотѣлъ изготovitъ *Памятную книжку*, составленіе которой поручилъ профессору Московскаго университета Н. А. Попову, который уже и приступилъ къ собиранію нужныхъ матеріаловъ. Нельзя не упомянуть также объ изданныхъ имъ по порученію Академіи Наукъ *Примоворы и протоколы Сената за время царствованія Петра Великаго*, такъ какъ

приговоры эти извлечены изъ документовъ Архива при помощи чиновниковъ; а также о массѣ собранныхъ имъ по порученію Академіи же Наукъ приговоровъ Разряднаго приказа конца XVI и начала XVII столѣтія. Таковы результаты двадцатилѣтней дѣятельности Николая Васильевича въ должности управляющаго Архивомъ.

Изданіе „Описанія документовъ хранящихся въ Архивѣ“ возбудило въ ученыхъ, занимающихся русскою исторіей, стремленіе къ знакомству съ подлинными документами Архива и не мало было ими добыто въ Архивѣ свѣдѣній. Сочиненія нѣкоторыхъ ученыхъ, занимавшихся въ Архивѣ, писаны исключительно по документамъ Архива. Достаточно указать на Соловьева, Костомарова, Сергѣевича, Горчакова, Фойницкаго, Ключевского, Цвѣтаева, Загоскина, Дитятина, Перетятковича и иныхъ, пользовавшихся для своихъ работъ документами Архива, чтобъ увидѣть то важное значеніе Архива, на которое указалъ можно сказать впервые Николай Васильевичъ.

Необезпеченность зданія Архива (на Васманной) отъ огня и разныя другія неудобства заставили Николая Васильевича ходатайствовать о постройкѣ новаго зданія для Архива. Не малыхъ усилій стоило ему добиться этого. Несмотря однако на всѣ препятствія, новое зданіе Архива красуется на Дѣвичьемъ Поля. Увы! покойному не пришлось открыть его. Многихъ заботъ стоила ему постройка этого зданія и оно же послужило ближайшею причиною его смерти: 7 октября, осматривая зданіе Архива, онъ простудился отъ сквознаго вѣтра и больнымъ уже поѣхалъ въ Саратовскую губернію. Будучи въ сильномъ жару, за нѣсколько часовъ до смерти, онъ все твердилъ, что ему нужно ѣхать въ Архивъ, такъ занимало его это дѣло.

2 ноября, въ церкви Константиновскаго Межеваго института была совершена заупокойная литургія и потомъ панихида преосвященнымъ Александромъ, епископомъ можайскимъ, по усопшемъ управляющемъ Московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, сенаторѣ, тайномъ совѣтникѣ Николаѣ Васильевичѣ Калачовѣ. При богослуженіи присутствовала вдова покойнаго Лидія Александровна Калачова, многіе изъ знакомыхъ покойнаго и всѣ служащіе въ Архивѣ¹⁾.

А. Востоковъ.

---

¹⁾ Моск. Вѣдомости, 6-го ноября 1885 г., № 307.

XVIII.

Ваше Превосходительство,
Милостивая Государыня
Лидія Александровна.

Поставляю долгомъ препроводить къ Вамъ, Милостивая Государыня, копію съ журнала Временнаго Строительнаго Комитета по постройкѣ новаго зданія для Московскаго Архива министерства юстиціи, состоявшагося 18-го ноября сего 1885 года. Произнесенныя, предъ началомъ означеннаго засѣданія, членомъ комитета тайнымъ совѣтникомъ Павломъ Николаевичемъ Зубовымъ глубокопрочувствованныя слова о той великой и незамѣнимой потерѣ, которую понесъ комитетъ въ лицѣ покойнаго супруга Вашего, бывшаго предсѣдателя комитета, тайнаго совѣтника Николая Васильевича Калачова навсегда будутъ памятны мнѣ и членамъ Комитета.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Веніаминъ Ахшарумовъ.

20 ноября, 1885 года.

Копія.

1885 года ноября 18 дня, Временной Строительный Комитетъ по постройкѣ новаго зданія для Московскаго Архива министерства юстиціи, на Дѣвичьемъ полѣ, слушалъ: его превосходительство г. членъ комитета, тайный совѣтникъ П. Н. Зубовъ, предъ началомъ настоящаго засѣданія, обратился къ его превосходительству и предсѣдателю комитета, генераль-лейтенанту В. И. Ахшарумову, съ слѣдующими словами: ваше превосходительство, прошу Васъ позволить мнѣ, какъ старшему нынѣ члену комитета, произнести нѣсколько скорбныхъ словъ, достойныхъ памяти почившаго въ Возѣ г. предсѣдателя комитета тайнаго совѣтника Николая Васильевича Калачова. Не сомнѣваюсь, что какъ ваше превосходительство, такъ и всѣ остальные гг. члены комитета вполне сознаютъ великую потерю, которую понесъ нынѣ комитетъ въ лицѣ бывшаго своего предсѣдателя, высокоуважаемаго, добрѣйшаго и симпатичнѣйшаго изъ людей, — незабвеннаго и дорогаго Николая Васильевича, вложившаго, такъ сказать,

всю душу свою въ излюбленное имъ дѣло, которому онъ посвящалъ себя всецѣло и которое и было отчасти причиною преждевременной его кончины, и той плодотворной дѣятельности, которую онъ предъявлялъ неустанно всегда и вездѣ, какъ на служебномъ поприщѣ, такъ и въ тишинѣ своего кабинета, разработывая любезныя ему науки: исторію, юриспруденцію и археологію вообще, — повторяю, той кипучей дѣятельности, которая была присуща ему во все время его труженической и вполне честной для науки и для службы жизни. По этому, предлагая комитету въ настоящемъ его засѣданіи почтить память незабвеннаго и дорогаго всѣмъ намъ бывшаго нашего предсѣдателя, приглашаю всѣхъ встать съ своихъ мѣстъ и провозгласить ему „вѣчная память“. — При послѣднихъ словахъ сдѣланнаго предложенія гг. предсѣдатель и всѣ члены комитета встали съ своихъ мѣстъ и единогласно присоединились къ означенному предложенію г. члена комитета П. Н. Зубова, который затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ г. предсѣдателю комитета: позвольте ваше превосходительство дополнить мои слова еще тѣмъ, что если и велика наша общая скорбь о почившемъ дорогомъ нашемъ Николаѣ Васильевичѣ, то она облегчается для насъ назначеніемъ вашего превосходительства въ преемники ему и возлюбленнаго его дѣла, которое при вашей опытности и знаніи строительнаго искусства, не могло быть лучше вручено никому другому, какъ именно вашему превосходительству. — Г. предсѣдатель комитета В. И. Ахшарумовъ, поблагодаривъ его превосходительство П. Н. Зубова за лестное для него привѣтствіе, прибавилъ при этомъ, что, по его мнѣнію, самое лучшее чѣмъ можно почтить память умершаго Николая Васильевича, такъ это тѣмъ, чтобы общими усиліями привести къ исполненію и до конца всѣ предположенія его относительно устройства новаго зданія для Архива Министерства Юстиціи. *Постановилъ:* о всемъ вышеизложенномъ записать въ журналъ, копію съ котораго препроводить къ вдовѣ тайнаго совѣтника Н. В. Калачова, — Лидіи Александровнѣ Калачовой. Подлинный журналъ подписанъ гг. предсѣдателемъ и членами комитета.

Съ подлиннымъ вѣрно: членъ комитета В. Холмогоровъ.

Съ подлиннымъ читалъ дѣлопроизводитель комитета А. Зерцаловъ.

XIX.

С.-Петербургскій
Городской Голова.
30 ноября 1885 года.

Милостивая Государыня
Лидія Александровна.

Собраніе гласныхъ С.-Петербургской Городской Думы, съ чувствомъ глубочайшего душевнаго прискорбія узнавъ о кончинѣ супруга Вашего, Николая Васильевича, замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, принесшаго своими многочисленными учеными трудами большую пользу всему русскому обществу, а также много потрудившемуся и собственно для Петербургскаго городского общественнаго управленія, единогласно постановило: выразить Вамъ, Милостивая Государыня, отъ лица городского общества, искреннее чувство соболѣзнованія о понесенной тяжелой утратѣ. Постановля такое рѣшеніе, гласные, въ знакъ особаго уваженія и почитанія заслугъ покойнаго, встали съ своихъ мѣстъ.

Считая долгомъ увѣдомить о семъ Васъ, Милостивая Государыня, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

В. Лихачевъ.

Ея Прев—ству Л. А.
Калачовой.

XX.

ПАМЯТИ Н. В. КАЛАЧОВА ¹⁾.

Глубокая скорбь объемлетъ душу при мысли о тѣхъ утратахъ, какія несутъ въ послѣднее время наши историко-археологическія и историко-юридическія науки. Не успѣли еще, такъ сказать, закрыться могилы до-

---

¹⁾ Настоящая записка была приготовлена для торжественнаго собранія, имѣвшаго мѣсто, въ 40-й день по кончинѣ Н. В. Калачова, въ помѣщеніи Археологическаго Института, 3-го декабря 1885 года, но осталось непрочитанною по обстоятельствамъ, исключительно отъ меня зависѣвшимъ. Авторъ.

блестныхъ труженниковъ, графа Уварова и Н. И. Костомарова, какъ открылась новая, третья могила, чтобы принять дорогого намъ Николая Васильевича Калачова. Такъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены гиганты науки, не оставляя по себѣ замѣстителей. А давно-ли, кажется, было время, когда здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, названные ученые на нашихъ вечернихъ собраніяхъ дѣлились съ нами своими занятіями по исторіи и археологіи? Давно-ли было время, когда незабвенный учитель нашъ собиралъ въ этотъ залъ на вечернія институтскія занятія представителей русской науки и искусства? И вотъ уже сорокъ дней, какъ его нѣтъ среди насъ!

Кончина Николая Васильевича — невознаградимая потеря и для Археологическаго института и для нашей небольшой институтской семьи. Институтъ и мы лишились въ Николаѣ Васильевичѣ могучей нравственной силы, связывавшей насъ, бывшихъ и настоящихъ слушателей института, въ одну семью и направлявшихъ нашу дѣятельность къ одной общей цѣли, — къ изученію памятниковъ родной старины.

Высокочтимый учитель нашъ былъ не только учредителемъ института и первымъ его директоромъ, но и душою этого учрежденія, центромъ, вокругъ котораго группировалась вся институтская жизнь. Онъ сумѣлъ привлечь къ своему учрежденію и въ институтъ distinguished professors, сумѣлъ и насъ заставить полюбить родную старину. Едва-ли, по этому, я ошибусь, если скажу, что нашъ институтъ, при отсутствіи точно сформулированныхъ правъ его слушателей, при равнодушіи къ нему со стороны нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, своимъ почти семилѣтнимъ существованіемъ обязанъ исключительно неутомимой, энергической дѣятельности Николая Васильевича. Правда, не легко ему было иногда держать на своихъ плечахъ всю тяжесть института. Я не могу забыть, какъ съ этой кафедрой, въ день открытія института, торжественно, со слезами радости, провозглашалась благовременность именно подобнаго учрежденія, причѣмъ учредителю рассыпались самыя восторженныя похвалы, но когда пришлось отъ фразы перейти къ дѣлу, — Николай Васильевичъ остался почти одинокимъ, и только глубокая вѣра его въ полезность дѣла, которое онъ началъ, спасла институтъ отъ крушенія.

Слушатели перваго курса были свидѣтелями той тяготы, которую несъ Николай Васильевичъ въ первое время существованія института, и глубоко

полюбили его за безкорыстную преданность наукѣ. Да и какъ было не полюбить этой благороднѣйшей симпатичнѣйшей личности?—Николай Васильевичъ, не смотря на свое значеніе въ наукѣ, не смотря на свое высокое общественное положеніе, всегда являлся предъ нами не болѣе какъ старшимъ членомъ нашей семьи. Онъ не скрывалъ отъ насъ ни своихъ затрудненій по завѣдыванію институтомъ, ни своихъ надеждъ на лучшее будущее. Для насъ онъ не щадилъ ни времени, ни труда. Я никогда не забуду, съ какими благодушными терпѣніемъ Николай Васильевичъ училъ насъ читать старинныя грамоты, столбцы и свитки: цѣлые часы проходили иногда въ этихъ занятіяхъ, весьма полезныхъ для насъ и совершенно бесполезныхъ для нашего учителя.

Мало этого, Николай Васильевичъ не щадилъ и матеріальныхъ средствъ, когда заходила рѣчь объ ознакомленіи насъ съ тою или другою отраслю археологій. Для однихъ изъ насъ, пожелавшихъ заниматься въ московскихъ архивахъ, онъ устраивалъ поѣздки въ Москву, для другихъ, пожелавшихъ практически испытать приемы раскопокъ кургановъ, онъ снаряжалъ экскурсіи въ Новгородскую, Тверскую, Ярославскую и Московскую губерніи, и лично сопровождалъ эти экскурсіи, благодушно раздѣляя съ нами всѣ труды и лишенія. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что самъ Николай Васильевичъ не много скептически относился къ смѣлымъ иногда выводамъ гробкопателей. Припомню такой случай: въ одно изъ вечернихъ институтскихъ собраній однимъ любителемъ археологій было сдѣлано сообщеніе о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи, причемъ древность этихъ построекъ опредѣлялась въ 7,000 лѣтъ до нашего времени; но содержаніе сообщенія невольно возбуждало вопросъ: не принадлежать-ли эти постройки къ числу тѣхъ, которыя имѣются и у насъ на взморьѣ, въ Чекушахъ?—Такой вопросъ и былъ предложенъ Николаю Васильевичу, и послѣдній съ улыбкою отвѣтилъ: „можетъ быть“. Когда представишь себѣ недавній случай съ пещернымъ человѣкомъ въ Кіевѣ, невольно вспомнишь и это „можетъ быть“. Тѣмъ не менѣе, и при своемъ скептицизмѣ, Николай Васильевичъ не лишалъ насъ удовольствія раскопокъ кургановъ, не допуская однако насъ, при редактированіи нашихъ отчетовъ, переступать въ выводахъ предѣлы умѣренности и аккуратности.

Совсѣмъ инымъ человѣкомъ становился Николай Васильевичъ, когда

дѣло шло объ архивахъ. Архивамъ онъ придавалъ высокое государственное значеніе; не разъ и не два обращалъ на этотъ предметъ вниманіе правительственныхъ лицъ и учрежденій, настаивая, чтобы старня дѣла не подвергались уничтоженію безъ придварительной провѣрки ихъ опытными и знающими лицами. Незадолго до открытія Археологическаго института, въ 1877 году „крылатая мечта переносила Николая Васильевича за нѣсколько десятилѣтій впередъ, когда въ разныхъ наиболѣ людныхъ городахъ нашихъ губерній не только устроятся центральныя историческія архивы, но и будутъ завѣдывать ими служители науки, спеціально приготовленные къ своему дѣлу; когда, благодаря ихъ неусыпнымъ трудамъ, ихъ горячимъ розысканіямъ и примѣру, и въ нынѣшнихъ глухихъ и повидимому непробудныхъ степяхъ появятся не только отдѣльныя любители нашей прежней письменности и памятниковъ, но и возникнутъ цѣлыя провинціальныя общества — археологическія и историческія; когда составлены будутъ рукописи, собраннымъ въ этихъ хранилищахъ, описи и указатели, и когда наконецъ любознательная молодежь, съ свойственнымъ ей увлеченіемъ и жаромъ, будетъ неутомимо отыскивать здѣсь драгоценныя, еще неизвѣстныя намъ данныя для занесенія ихъ въ свои изслѣдованія ¹⁾:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

Эту мечту Николай Васильевичъ многократно высказывалъ намъ и на своихъ лекціяхъ объ устройствѣ архивовъ и при посѣщеніи наиболѣ благоустроенныхъ архивовъ С.-Петербурга и Москвы, и не только высказывалъ, но и практически знакомилъ насъ съ способами устройства архивовъ, составленія описей и указателей: а) именъ личныхъ, т. е. фамилій и собственныхъ именъ; б) географическихъ названій, и в) предметовъ. Руководство наше въ этомъ отношеніи шло далѣ стѣнъ Археологическаго института. Николай Васильевичъ предоставлялъ намъ и самостоятельныя работы по описанію архивовъ. Такъ одинъ изъ насъ работалъ въ Харьковѣ по описанію архива Малороссійской коллегіи, нѣсколько человекъ занимались описаніемъ архива упраздненной канцеляріи оренбургскаго генераль-

¹⁾ См. брошюру: «Архивы, ихъ госуд. знач., составъ и устройство» Сиб. 1877 г., стр. 39.

губернаторства, а нѣкоторые и доселѣ продолжаютъ занятія по разбору архива петербургской думы. Инициаторомъ и главнымъ руководителемъ этихъ работъ былъ, конечно, Николай Васильевичъ. Укажу на отношенія его къ оренбургскому архиву. Въ 1881 году было упразднено оренбургское генераль-губернаторство; чиновники канцеляріи генераль-губернатора оставлены за штатомъ, а съ ними остался за штатомъ и архивъ. Ни мѣстное губернское правленіе, ни городъ не находили ни возможнымъ, ни удобнымъ принять осиротѣвшій архивъ въ свое вѣдѣніе. Тогда, по указанію находившагося въ Оренбургѣ для ликвидаціи генераль-губернаторскаго управленія, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Ѳ. К. Гирса, обратились къ Археологическому институту съ предложеніемъ принять на себя трудъ по разбору и описанію этого архива. Николай Васильевичъ, съ свойственною ему энергіею, взялся за это дѣло. Въ первыхъ числахъ сентября 1881 года я и мой сотоварищъ по институту А. Н. Львовъ, по личной просьбѣ Николая Васильевича, отправились въ Оренбургъ для предварительнаго ознакомленія съ содержаніемъ архива. Въ какомъ положеніи мы нашли архивъ, объ этомъ можно прочесть въ нашемъ печатномъ отчетѣ. Ровно черезъ мѣсяцъ, по нашемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ, прибылъ туда же въ 11 часовъ вечера и Николай Васильевичъ. Встрѣтивъ его на вокзалѣ и проводивъ до гостиницы, въ которой и сами помѣщались, мы хотѣли идти къ себѣ въ увѣренности, что Николай Васильевичъ пожелаетъ съ дороги отдохнуть. Но не тутъ-то было. Онъ приказалъ подать чай и попросилъ насъ передать, въ какомъ положеніи мы нашли архивъ и что нужно сдѣлать для его сохраненія. Веседа длилась до двухъ часовъ пополудни, но она могла-бы, кажется, продлиться и до разсвѣта, если-бы мы почти насильно не оставили Николая Васильевича, чтобы дать ему отдыхъ. Утромъ, часовъ въ 7-мъ, раздается стукъ въ нашу дверь, открывемъ и, къ изумленію, видимъ Николая Васильевича совершенно одѣтаго съ бумагою въ рукахъ. „Прошу васъ, господа, извинить меня“, обратился онъ къ намъ: „я, кажется, немного рано васъ обезпокоилъ; но мнѣ хотѣлось прочитать вамъ записку о дальнѣйшихъ работахъ по оренбургскому архиву, которую вчера набросалъ, по выслушаніи вашего отчета“.— Не могу сказать, чтобы въ это время мы хорошо себя чувствовали. Эта изумительная подвижность человѣка почтенныхъ лѣтъ, сдѣлавшаго переѣздъ почти въ 3 тысячи

версть, глубоко насъ поразила и, скажу по совѣсти, пристыдила. Въ тотъ же день была образована комиссія, постановившая приступить къ систематическому описанію архива, что впоследствии и исполнено, частію въ Оренбургѣ, частію здѣсь, въ институтѣ.

Таковъ былъ Николай Васильевичъ Калачовъ, какъ руководитель занятіями архивистовъ. Чѣмъ-же и какъ эти архивисты могли бы почтить память столь славнаго по уму и сердцу человѣка? —

Николай Васильевичъ, по своимъ духовнымъ дарованіямъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ у насъ ученыхъ, которые не только при жизни оказываютъ могущественное просвѣтительное вліяніе на современный имъ ходъ науки, но и по смерти, чрезъ свои письменные труды, остаются учителями и руководителями позднѣйшихъ поколѣній. Прямой, поэтому, долгъ, скажу болѣе, прямая обязанность современниковъ сохранить труды такихъ лицъ на память и въ поученіе потомства. И если-бы наша небольшая институтская семья, проникнувшись мыслию о своемъ незабвенномъ учителѣ, какъ о руководителѣ на поприщѣ науки позднѣйшихъ поколѣній, приняла на себя трудъ, подъ руководствомъ совѣта Археологическаго Института, привести въ извѣстность всѣ начатія Николаемъ Васильевичемъ работы, окончить ихъ и издать въ свѣтъ, то это былъ-бы лучшій съ нашей стороны памятникъ дорогому нашему учителю. Глубокая любовь, которую всѣ мы питали къ Николаю Васильевичу, даетъ мнѣ смѣлость надѣяться на это ¹⁾.

А. В. Гавриловъ.

XXI.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

Одинъ за другимъ сходятъ съ поприща общественной жизни и литературы послѣдніе дѣятели сороковыхъ годовъ. 25-го октября умеръ въ селѣ Волхонщинѣ Сардобскаго уѣзда Саратовской губерніи Н. В. Калачовъ, се-

---

¹⁾ Церковно-общественный Вѣстникъ, 1895 г., № 108.

наторъ и академикъ, управлявшій Московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, а нѣкогда, въ сороковыхъ годахъ, профессоръ Московскаго Университета. Калачовъ родился 26-го мая 1819 г., во Владимірской губерніи, въ семьѣ, которая вела свое происхожденіе отъ Посопка Калачова, бывшаго въ XVI—XVII вѣкахъ дьякомъ земскаго приказа, дворцовымъ ключникомъ и московскимъ объѣзжимъ головой; какъ будто не случайно таковъ былъ предокъ ученаго юриста нашего времени, который положилъ много труда именно на изученіе стараго русскаго права, стараго юридическаго быта и обычая. Послѣ домашняго воспитанія, Калачовъ учился въ извѣстномъ нѣкогда въ Москвѣ паціонѣ Чермака, потомъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, а съ 1836 года въ Московскомъ Университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса, онъ поступилъ-было въ Археографическую комиссію, но вскорѣ оставилъ ее и занялся хозяйствомъ въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Въ 1846 году онъ вернулся въ Москву и занялъ должность бібліотекаря въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1848 года получилъ въ университетѣ, за выходомъ Кавелина, каюедру исторіи русскаго законодательства.

Его ученныя работы начались, впрочемъ, еще раньше. Бывши студентомъ, онъ написалъ уже изслѣдованіе о судебникахъ Ивана III и Ивана IV, напечатанное въ „Юридическихъ Запискахъ“ Рѣдкина, въ 1841 и 1843 годахъ. Его магистерская диссертация: „Предварительныя юридическія свѣденія для полнаго объясненія Русской Правды“ (М. 1846), и вслѣдъ затѣмъ изслѣдованіе: „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“, явившееся сначала въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1847, а потомъ отдѣльной книгой, 1850, — сразу доставили ему авторитетное имя въ вопросахъ исторіи русскаго права. Уже съ тѣхъ поръ чрезвычайно дѣятельный и трудолюбивый Калачовъ началъ въ 1850 году изданіе „Архива историко-юридическихъ свѣденій о Россіи“, гдѣ, кромя вопросовъ древняго русскаго законодательства, нашли мѣсто изслѣдованія о древней жизни въ широкомъ смыслѣ, съ тѣми новыми приемами, какіе развивались тогда въ нашей исторической наукѣ, напр., въ сочиненіяхъ Кавелина и Соловьева, и въ историко-филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ Вуслаева, Аванасьева и др. Труды этихъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ новой школы, а также и самаго Калачова

сдѣлали „Архивъ“ очень важнымъ явленіемъ тогдашней исторической литературы.

На московской кафедрѣ Калачовъ оставался недолго. Въ концѣ 1852 года его замѣнилъ на кафедрѣ И. Д. Вѣляевъ. Калачовъ переселился въ Петербургъ и здѣсь работалъ во Второмъ отдѣленіи Собственной Канцеляріи Е. В., гдѣ ему поручена была редація третьяго изданія свода гражданскихъ законовъ, и въ Археографической комиссіи. Онъ приготовилъ тогда весьма отчетливое изданіе „Актонъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“ (3 тома), „Писцовыхъ книгъ“ (2 тома), „Докладовъ и приговоровъ сената 1811 и 1812 годовъ“ (три книги). Въмѣсто прежняго „Архива“ онъ началъ, съ 1858, изданіе „Архива историческихъ и практическихъ свѣденій, относящихся до Россіи“; работалъ въ Географическомъ обществѣ по этнографическому отдѣленію и т. д.

Рядомъ съ этими учеными работами, Калачовъ ревностно трудился и для практическихъ вопросовъ русскаго права и суда, когда съ возникшимъ, въ началѣ прошлаго царствованія, вопросомъ о реформахъ въ этой области открылась возможность излагать и примѣнять созрѣвавшія ранѣе мысли. Онъ работалъ въ комиссіи, составлявшей проекты судебныхъ уставовъ, и по словамъ г. Джаншіева, „личной инициативѣ Калачова наше новое судебное законодательство обязано однимъ изъ своихъ лучшихъ постановленій, а именно ст. 130 уст. гражд. суд., впервые узаконившей на судѣ примѣненіе обычнаго права. . . Если постановленіе это не принесло всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ, то виною тому не ошибочность постановленія, а незнакомство нашего судебного персонала съ обычнымъ правомъ, имѣвшее послѣдствіемъ почти полное упраздненіе этой статьи“. Въ тѣ годы, въ видахъ образованія юридическихъ силъ для предполагаемаго новаго порядка суда, Калачовъ собралъ (въ Петербургѣ) кружокъ молодыхъ юристовъ и занимался съ ними вопросами пракческаго судопроизводства, а позднѣе, въ Москвѣ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ перваго нашего Юридическаго Общества, московскаго, гдѣ нѣсколько лѣтъ былъ председателемъ, и положилъ основаніе „Юридическаго Вѣстника“, перваго въ Россіи частнаго изданія этого рода. Въ 1870-хъ годахъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія новыхъ судебныхъ уставовъ, когда въ средѣ юристовъ возникла потребность обмѣна мыслей, опытовъ и вопросовъ, и состоялся первый юри-

дической съездъ въ Москвѣ, Калачовъ былъ выбранъ его председателемъ, дѣлательно участвовалъ въ его работахъ, а потомъ въ ихъ изданіи. Какъ говорятъ, мечтою Калачова было упрочить правильные юридическіе съезды, и еще немного лѣтъ назадъ онъ, по порученію Московскаго Юридическаго общества, много хлопоталъ объ устройствѣ другого съезда, но безуспѣшно.

Изучая издавна и до послѣдняго времени юридическую жизнь древней Россіи, Калачовъ одинъ изъ первыхъ поднялъ ученый вопросъ о древнемъ правѣ съ его живой стороны и именно относительно уцѣлѣвшаго донынѣ обычнаго права. Ему несомнѣнно принадлежитъ заслуга возбужденія этого вопроса, который къ нашему времени сталъ прочнымъ интересомъ нашей юридической и этнографической науки. Таково было, напр., его давнишнее изслѣдованіе объ „Артелях“ и пр.

Въ послѣдніе годы его поглотила новая мысль, которая была впрочемъ естественнымъ продолженіемъ его давнишнихъ ученыхъ стремленій— мысль о правильномъ устройствѣ нашего архивнаго дѣла и о приготовленіи настоящихъ специалистовъ для устройства и изслѣдованія архивовъ. Знамениталъ парижская „Ecole des Chartes“, которая въ послѣдніи десятилѣтія не разъ привлекала вниманіе нашихъ ученыхъ путешественниковъ, историковъ и юристовъ, представлялась и для Калачова образцомъ, примѣръ котораго ему хотѣлось примѣнить и къ устройству русскаго архивнаго дѣла. Получивъ начальство надъ Архивомъ министерства юстиціи, Калачовъ съ обычной ровностью принялся за работу и вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ основаніе Археологическаго Института, гдѣ могли бы приготовляться будущіе организаторы и изслѣдователи столичныхъ и мѣстныхъ архивовъ. При своемъ служебномъ положеніи, обширныхъ связяхъ и также при значительныхъ матеріальныхъ средствахъ онъ успѣлъ осуществить свою мысль и основалъ небольшую спеціальную школу, гдѣ преподаваніе нѣсколькихъ археологическихъ предметовъ было примѣнено въ особенности къ изученію архивнаго дѣла и откуда должны были выходить (и уже многія вышли) лица, способныя къ правильной организаціи архивовъ. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ по его мысли и настояніямъ, уже устроены такъ называемыя архивныя комиссіи, которыя ему хотѣлось распространить по всѣмъ главнымъ городамъ имперіи. Свои научно-практическіе интересы онъ, какъ всегда, желалъ перевести въ литературу и въ результатѣ вышло подъ его

редакціей нѣсколько томовъ „Сборника Археологическаго института“, а въ послѣдніе дни своей жизни онъ приготовлялъ послѣдніе выпуски „Вѣстника Археологій и Исторіи“ (Спб. 1855, четыре выпуска съ атласомъ археологическихъ рисунковъ).

Такова была долготѣнная и неустанная дѣятельность покойнаго ученаго. Изъ сказаннаго видно, какіе обильные результаты далъ его трудъ для разработки исторіи и археологій, между прочимъ въ такихъ не легко одолюваемыхъ вопросахъ, какъ устройство архивнаго дѣла, вопросахъ сложныхъ не только съ научной, но и съ чисто матеріальной стороны. Съ самаго начала его ученыхъ работъ въ немъ видно было стремленіе къ приведенію въ извѣстность и къ систематизаціи историческаго матеріала, особливо по исторіи права, и очевидно, что забота объ архивахъ и ихъ изученіе были одной изъ важныхъ потребностей, которымъ нужно было удовлетворить для того, чтобы ихъ огромный матеріалъ могъ быть приведенъ въ научное обращеніе. Какъ мы видѣли, онъ не остался чуждъ и тѣмъ бытовымъ вопросамъ, которые возникали изъ изученія старины, какъ напр. вопросъ обычнаго права, и, наконецъ, не былъ чуждъ практическимъ вопросамъ права и суда нашего времени. Къ общимъ вопросамъ нашей исторіи онъ обращался рѣдко и въ этой области сдѣлалъ меньше, чѣмъ его современники по Московскому Университету, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, но сдѣлалъ много для разработки источниковъ нашего юридическаго быта.

Археологическій Институтъ былъ личнымъ дѣломъ Калачова и только полу-официальнымъ учрежденіемъ. Со смертію Калачова судьба его становилась вопросомъ. Какъ мы слышали, можно ожидать продолженія его дѣятельности здѣсь или въ Москвѣ, и на первое время завѣдываніе этимъ учрежденіемъ предоставлено И. Е. Андреевскому ¹⁾.

---

¹⁾ Вѣстникъ Европы, Декабрь, 1885 года.

XXII.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

25-го октября, скончался въ своемъ имѣніи, въ селѣ Волховщинѣ, Сердобскаго уѣзда, Николай Васильевичъ Калачовъ. Обширная, учено-литературная дѣятельность стяжала ему очень крупное имя въ русской исторической наукѣ. Услуги, оказанныя имъ Россіи въ качествѣ сановника энергическаго и глубоко просвѣщеннаго, создали ему извѣстность въ ряду выдающихся государственныхъ людей нашего отечества. Подвести итогъ этой дѣятельности и этихъ услугамъ не настало еще время, равнымъ образомъ и полная біографія покойнаго принадлежитъ будущему. Но, подѣлжымъ впечатлѣніемъ этой утраты для науки и общества, нельзя не отмѣтить важнѣйшихъ заслугъ Николая Васильевича и выдающихся фактовъ изъ его долготѣнейшей ученой карьеры.

Николай Васильевичъ родился 26-го мая, 1819 года, въ селѣ Алексипѣ, Владимірской губерніи, Юрьевъ-Польскаго уѣзда. Дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ отца, и съ юныхъ лѣтъ исторія была для Николая Васильевича любимымъ занятіемъ. Еще мальчикомъ онъ читалъ Тита Ливія и въ подлинникѣ, и въ нѣмецкомъ переводѣ. 12-ти лѣтъ Калачова отвезли въ Москву и помѣстили въ пансіонъ Чермака. Но уже въ 1833 году Николай Васильевичъ перешелъ оттуда въ бывшій Московскій дворянскій институтъ. Любимымъ предметомъ его здѣсь была отечественная словесность. Николай Васильевичъ и въ университетѣ предполагалъ спеціально заниматься ею. Но желаніе отца рѣшило иначе. По окончаніи курса въ дворянскомъ институтѣ (1836 г.) Николай Васильевичъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ и посвятилъ себя всецѣло историко-юридическимъ занятіямъ.

Прямо съ студенческой скамьи открылось широкое поле для его изысканій. М. П. Погодинъ рекомендовалъ Николая Васильевича министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову. Въ то время (1840 г.) Уваровъ былъ въ Москвѣ. Министръ назначилъ даровитаго молодого человѣка въ Археографическую комиссію. Николай Васильевичъ скоро научился разби-

рать старинные почерки и принялся отыскивать древніе матеріалы для отечественной исторіи и права, не оставляя и теоретическихъ занятій. Въ 1843 году, онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и, по случаю смерти отца, вынужденъ былъ бросить службу въ Археографической комиссіи. Втеченіе трехъ лѣтъ онъ, какъ старшій въ семействѣ, отдавался заботамъ хозяйственнымъ и попеченію о младшихъ братьяхъ.

Въ 1846 году, онъ поступилъ бібліотекаремъ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и тогда же, защитивъ магистерскую диссертацию „О Русской Правдѣ“, снова получилъ мѣсто въ Археографической комиссіи, съ откомандированіемъ въ Москву. Три года прослужилъ Николай Васильевичъ въ Московскомъ архивѣ и въ этотъ періодъ имѣлъ возможность ознакомиться здѣсь съ богатыми матеріалами по русской исторіи. Въ 1847 году, Московское общество исторіи и древностей російскихъ избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1848 году, онъ занялъ въ Московскомъ Университетѣ кафедру русскаго законодательства (на мѣсто К. Д. Кавелина).

Черезъ три года Калачова назначили членомъ Археографической комиссіи, а въ 1852 году, вмѣстѣ съ порученіемъ ему изданія „Дополненія къ актамъ юридическимъ“, разрѣшено было ему отправиться въ археографическое путешествіе по Россіи, для изысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Въ томъ же году онъ объѣхалъ губерніи Орловскую, Владимирскую и Саратовскую. Описаніе найденныхъ имъ матерьяловъ юридическаго содержанія сдѣлано частью въ статьѣ „Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ“, частью же въ особыхъ донесеніяхъ о путешествіи предсѣдателю Археографической комиссіи. Въ слѣдующее лѣто Николай Васильевичъ объѣхалъ губерніи Самарскую, Тамбовскую и Рязанскую.

Исторію русскаго законодательства Калачовъ преподавалъ втеченіе четырехъ лѣтъ, причемъ главное вниманіе обращалось на источники, какъ матеріалъ для этой исторіи. По мнѣнію Калачова, ознакомившись съ источниками, студенты впослѣдствіи и безъ его руководства могутъ имѣть всѣ средства къ самостоятельному изученію и къ разработкѣ исторіи русскаго законодательства. Одновременно Николай Васильевичъ читалъ и критическое обзорѣніе юридическихъ памятниковъ Россіи. Кромѣ того, особня

лекціи посвящались имъ для ознакомленія студентовъ историко-филологическаго, математическаго и медицинскаго факультетовъ съ „государственными и губернскийми учрежденіями“, а также съ „законами о состояніяхъ“.

Учено-литературная дѣятельность Калачова была весьма обширна уже въ то время. Въ „Рѣчахъ“, произносившихся на актахъ Московскаго дворянскаго института и напечатанныхъ въ 1834 и 1835 годахъ, желающіе могутъ ознакомиться съ первыми опытами Николая Васильевича по этой части. На 3-мъ и на 4-мъ курсахъ онъ написалъ изслѣдованіе „О судебникѣ царя Іоанна Васильевича“, напечатанное въ „Юридическихъ Запискахъ“ П. Г. Рѣдкина. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ критическомъ отдѣлѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Тогда же въ „Маякѣ“ имъ напечатанъ переводъ съ итальянскаго о Дмитріи Самозванцѣ (Чили), снабженный предисловіемъ объ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о русской исторіи. Въ 1846 году, Калачовъ издалъ въ Москвѣ „Тексты Русской Правды, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій“ и первую часть „Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. Въ слѣдующемъ году въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей российскихъ явилось замѣчательное изслѣдованіе „О Кормчой книгѣ“ (вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ 1850 г.). Въ томъ же и въ слѣдующихъ годахъ, онъ находилъ время заниматься редакціей „Иностранныхъ сочиненій и актовъ, относящихся до Россіи“, собранныхъ княземъ М. А. Оболенскимъ. Въ эти годы и потомъ Калачовъ принималъ участіе въ „Москвитянинѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ 1850 году начато имъ изданіе „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (вышло три книги, причеиъ вторая—въ двухъ частяхъ). Это—сборникъ, заключающій въ себѣ изслѣдованія и критическій разборъ памятниковъ по исторіи, статистикѣ и права древней Россіи. Но главнымъ занятіемъ Калачова въ 50-хъ годахъ было собраніе матеріаловъ для изслѣдованія „О сошномъ письмѣ въ древней Россіи“ и для „Дополненія къ актамъ юридическимъ“.

Въ этой обширной учено-литературной дѣятельности уже тогда обнаружилась весьма замѣтно особенность, отличавшая всѣ дальнѣйшіе труды Николая Васильевича. Историческое изученіе русскаго быта, историческая разработка общественныхъ вопросовъ, въ его трудахъ поставляются въ

связь съ современнымъ рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ. „Такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны,—писалъ Калачовъ, приступая къ издацію „Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (этотъ петербургскій журналъ въ 1858 г. смѣнилъ собою московскій „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній“), — что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы взглянуть пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и, слѣдовательно, могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны какъ народомъ европейскимъ“. Иначе сказать, по мнѣнію Калачова, при разсмотрѣніи вопросовъ нашего общественнаго быта твердая основа замѣчается въ историческихъ розысканіяхъ. Такую основу Николай Васильевичъ и старался установить во всѣхъ своихъ изысканіяхъ. Новый „Архивъ“ служилъ той же цѣли, и въ немъ читатели знакомились вообще съ древнимъ бытомъ Россіи и съ тѣми данными современности, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ русскаго общества и въ разныхъ частяхъ нашего отечества, могли притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принимаемыхъ правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами, для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ ими потребностей.

Весьма знаменательнымъ временемъ въ ученой карьерѣ Калачова былъ 1857-й годъ. Николай Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и обратился къ графу Д. Н. Влудову съ ходатайствомъ о допущеніи его для занятій въ архивъ II-го Отдѣленія его величества канцеляріи. Графъ Влудовъ, отказавъ Калачову въ этой просьбѣ, какъ лицу стороннему, предложилъ ему поступить на службу въ это учрежденіе. И Николай Васильевичъ вскорѣ, по вступленіи во II-е Отдѣленіе, принялъ на себя редакцію третьяго изданія свода гражданскихъ законовъ. Какъ опытный законовѣдъ, глубоко изучившій свое дѣло, Калачовъ затѣмъ оказалъ большія услуги при выработкѣ главнѣйшихъ законоположеній прошлаго царствованія.

Къ этому же періоду относится изданіе, исполненное Калачовымъ, по порученію Археографической комиссіи: „Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи“, два тома, и цѣлый рядъ учено-критическихъ этюдовъ по поводу сочиненій историко-юридическаго содержанія, представ-

лявшихся на Демидовскую и Уваровскую преміи при Академіи Наукъ (Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“, Дмитріева „Исторія судебныхъ инстанцій“, Чебышева-Дмитріева „О преступномъ дѣйствіи“, Андреевскаго „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“, Энгельмана „О давности по русскому гражданскому праву“). Въ 1858 году, Академія Наукъ избрала Калачова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ 1860 году, Николай Васильевичъ напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ свой „Очеркъ царствованія Федора Алексѣевича“ по актамъ, собраннымъ Археографическою комиссіею, и въ своемъ „Архивѣ“ опубликовалъ „Матеріалы для своднаго уложенія 1701 г.“ изъ подлинныхъ дѣлъ. Сверхъ того, въ видѣ приложенія къ тому же „Архиву“ онъ сталъ издавать и „Юридическій Вѣстникъ“, за 1860—1864 гг.

Немало услугъ наукъ оказалъ Николай Васильевичъ въ качествѣ председателя этнографической комиссіи при Географическомъ Обществѣ, занимавшейся собираніемъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Въ это время въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ (т. VI) напечатано имъ изслѣдованіе „Артеи въ древней и нынѣшней Россіи“ и къ той же области изученія русскаго общаго права относится помѣщенное въ VIII т. „Сборника государственныхъ знаній“ изслѣдованіе „О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи“.

Въ 1865 году, Николай Васильевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и сталъ во главѣ Московскаго архива министерства юстиціи. Съ тѣхъ поръ и до конца дней своихъ онъ посвящалъ себя всецѣло организаціи архивнаго дѣла въ Россіи. Въ этотъ третій періодъ своей ученой дѣятельности Николай Васильевичъ получилъ отъ Петербургскаго Университета степень доктора гражданскаго права въ 1865 г., а черезъ четыре года былъ избранъ почетнымъ членомъ университета. По его почину возникла особая комиссія для разработки документовъ Московскаго архива министерства юстиціи. Онъ же сталъ во главѣ высочайше учрежденной комиссіи объ устройствѣ архивовъ, начавшей свою дѣятельность въ 1873 г. Мысль объ этой комиссіи возникла на 2-мъ археологическомъ съѣздѣ, открывшемся въ Петербургѣ въ 1872 г. Тогда же задумано Калачовымъ и то учрежденіе, безъ котораго не можетъ быть прочнымъ самое существованіе архивовъ.

Разумѣемъ Археологическій Институтъ, это дѣтище покойнаго, имъ созданное, имъ поставленное на ноги.

Археологическій Институтъ открытъ 15-го января 1878 г. въ видѣ частнаго заведенія на пожертвованія частныхъ лицъ. Заведеніе это ставитъ себѣ цѣлью приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ, знатоковъ хранящихся въ архивахъ сокровищъ и способныхъ привести послѣднія во всеобщую извѣстность путемъ описанія ихъ и разработки. Подъ руководствомъ такого энергическаго дѣятеля, каковымъ всегда былъ Николай Васильевичъ, институтъ въ короткое время успѣлъ заявить о плодотворности своей дѣятельности. Покойный директоръ привлекъ къ участию въ дѣятельности и любителей древности, и ученые силы. Институтъ затѣмъ постарался войти въ сношенія съ провинціальными тружениками, работающими часто въ своемъ захолустьѣ безъ всякаго привѣта и поощренія. Для большаго общенія института со всѣми этими силами на пользу науки, Николай Васильевичъ предпринялъ изданіе „Сборника“¹⁾, гдѣ помѣщались отчеты о занятіяхъ слушателей института, самыя работы ихъ и результаты ихъ розысканій въ архивахъ, свѣдѣнія о сдѣланныхъ ими раскопкахъ и объ осмотрѣнныхъ памятникахъ древностей въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ числѣ этихъ результатовъ нельзя не отмѣтить въ особенности выясненія ими внѣшней и внутренней исторіи „Уложенія“ Алексѣя Михайловича и опубликованія любопытнѣйшихъ матеріаловъ о царствованіи Александра I, не говоря уже о другихъ документахъ, имѣющихъ важное значеніе для выясненія различныхъ сторонъ древняго политическаго строя, народнаго быта и законодательства Россіи. Уже одно это учрежденіе, вызванное къ жизни для глубоко-нравственнаго дѣла—усилить любовь къ родной землѣ, изучать минувшія дѣла предковъ—составляетъ огромную патріотическую заслугу Николая Васильевича и, безъ всякаго сомнѣнія, доставитъ ему признательность потомства²⁾.

Ө. В.

---

¹⁾ Теперь этотъ „Сборникъ“ переименованъ въ „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“.

²⁾ Историческій Вѣстникъ, Декабрь 1885 г.

XXIII.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

† 25-го октября 1885 г.

Николай Васильевичъ Калачовъ происходилъ изъ древняго рода: въ историческихъ актахъ встрѣчается Посникъ Калачовъ, жившій въ XVI и XVII вѣкѣ, который былъ дьякомъ Земскаго Приказа; родъ Калачовыхъ издревле владѣлъ помѣстьями и вотчинами и внесенъ въ шестую часть дворянской родословной книги. Н. В. Калачовъ, сынъ Василія Андреевича, служившаго по выборамъ предводителемъ дворянства Юрьевскаго уѣзда, родился 26-го мая 1819 года въ селѣ Алексинѣ Юрьевско-Польскаго уѣзда Владимірской губерніи. Дѣтство свое Н. В. провелъ въ домѣ родителей, въ селѣ Вескахъ, гдѣ онъ впервые ознакомился съ грамотой и получилъ первоначальное образованіе; послѣднее шло при исключительно-счастливыхъ обстоятельствахъ: руководимый довольно образованными родителями, ребенокъ пользовался уроками иностранныхъ наставниковъ, жившихъ постоянно въ домѣ. Это были не какіе-нибудь авантюристы, бравшіеся за незнакомое дѣло ради куска хлѣба, а истинно ученые люди, съ докторомъ философіи Гегерманомъ во главѣ. Занятія шли настолько успѣшно, что, будучи 12 лѣтъ, Н. В. уже читалъ произведенія Тита Ливія то въ подлинникѣ, то на нѣмецкомъ языкѣ. Заслуга д-ра Гегермана въ томъ, что онъ первый поселилъ въ Калачовѣ наклонность къ историческимъ занятіямъ.

Послѣ отъѣзда Гегермана за границу, Н. В. Калачовъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ его сначала отдали въ пансіонъ Чермака, а потомъ, въ 1833 г., помѣстили въ бывшій Московскій дворянскій институтъ. Здѣсь талантливый юноша, оказывая блестящіе успѣхи по всемъ предметамъ, съ особенною любовью занимался изученіемъ отечественной словесности, въ чемъ ему не мало помогалъ В. С. Межевичъ. Кромѣ этого, Н. В., готовясь поступить на словесный факультетъ, изучалъ съ особымъ усердіемъ греческій и латинскій языки. Мечтамъ юноши, однако, не пришло сбыться: онъ, по окончаніи курса въ институтѣ въ 1836 году, уступая желанію отца, поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета.

Въ 1835 г., какъ извѣстно, былъ введенъ новый уставъ въ университетахъ, внесшій въ жизнь этихъ заведеній свѣжую, здоровую струю: съ этого времени въ Москвѣ выступили первые русскіе представители исторической школы права, производившіе на своихъ слушателей обаятельное дѣйствіе. Увлеченный живымъ изложеніемъ съ кафедры, Н. В. рѣшился посвятить всю свою жизнь историко-юридическимъ занятіямъ, что, какъ извѣстно, и выполнилъ съ преизбыткомъ. Бывши же въ университетѣ, Калачовъ, подъ руководствомъ С. Я. Унковскаго, впервые познакомился съ англійскимъ языкомъ и съ литературою на немъ — въ подлинникахъ.

Университетскіе годы въ жизни Н. В. Калачова были и исходнымъ пунктомъ для его серьезной литературной дѣятельности: еще студентомъ онъ написалъ изслѣдованіе судебниковъ Ивана III и Ивана IV, обвиняющее какъ предшествующіе имъ памятники, такъ и послѣдующіе законы вплоть до соборнаго уложенія (1649 г.) Этотъ трудъ напечатанъ былъ въ „Юридическихъ запискахъ“ Рѣдкина (1841—1843 гг.).

Окончивъ курсъ въ университетѣ въ 1840 г., Н. В. Калачовъ прямо со студенческой скамьи былъ опредѣленъ на службу, по рекомендаціи М. П. Погодина, въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія: онъ сначала былъ откомандированъ для занятій въ Археографическую комиссію, а потомъ опредѣленъ и чиновникомъ оной. Археографическія занятія открыли много новаго для Калачова, — онъ выучился разбирать старинные почерки и рѣшился приступить къ отысканію древнихъ матеріаловъ для отечественной исторіи и права. Служба въ комиссіи не помѣшала ему сотрудничать въ различныхъ журналахъ и готовиться къ магистерскому экзамену, который и былъ сданъ имъ въ 1843 году. Въ этомъ же году умеръ отецъ Калачова, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ оставить службу въ комиссіи, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Въ 1846 г. Н. В. снова поступилъ на службу, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москвѣ; онъ принялъ мѣсто бібліотекаря въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ же году онъ защищалъ въ Московскомъ Университетѣ магистерскую диссертацию — „Предварительныя юридическія изслѣдованія о Русской Правдѣ“, встрѣченную весьма сочувственно и критикою.

Служба въ Московскомъ архивѣ дала возможность Калачову ознако-

миться съ хранящимися здѣсь богатыми матеріалами русской исторіи, изъ которыхъ особенно интересны онъ отсылалъ въ Археографическую комиссію. Кромѣ этого, въ 1847 г., въ „Чт. Моск. Общ. Ист. и Дѣл. Россійскихъ“ было имъ помѣщено изслѣдованіе „О Коричней книгѣ“ и редактированы „Иностранные акты и сочиненія, относящіеся до Россіи“, собранные вн. М. А. Оболенскимъ и помѣщавшіеся сначала въ тѣхъ же „Чтеніяхъ“.

Въ 1848 году выбылъ изъ числа профессоровъ Московскаго Университета К. Д. Кавелинъ (ум. въ 1885 г.), и катедра исторіи русскаго законодательства, оставшаяся поетому праздною, была замѣщена Н. В. Калачовымъ, который явился достойнымъ преемникомъ своего предшественника. Кореннымъ правиломъ профессорской дѣятельности Калачова было не столько учить, сколько направлять молодыхъ людей къ самостоятельному изученію памятниковъ древняго права, и потому онъ знакомилъ студентовъ только съ такъ называемою внѣшнею исторіею русскаго законодательства въ собственномъ смыслѣ. Онъ читалъ и исторію русскаго законодательства и объясненіе важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ русской старины и, кромѣ того, для студентовъ прочихъ факультетовъ — „Государственныя и губернскія учрежденія“ и „Законы о состояніяхъ“.

Состоя профессоромъ, онъ въ то-же время не оставлялъ службъ и въ Археографической комиссіи, по порученію которой онъ въ 1852 и 1853 годахъ предпринялъ на свой счетъ археографическое путешествіе по Россіи для отысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Плодомъ этой поѣздки были богатые матеріалы, частью вышедшіе отдѣльно, частью помѣщенные въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Руси“.

Еще ранѣе путешествія Н. В. принялъ участіе, какъ сотрудникъ, въ „Москвитянинѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ помѣщалъ разборъ выходящихъ вновь книгъ историческаго и юридическаго содержанія, а въ 1850 году, издалъ 1-ю книгу «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», 2-я книжка котораго вышла въ 1854 году; съ 1852 году онъ собиралъ матеріалы для „Дополненій къ актамъ юридическимъ“.

Какъ важное послѣдствіе его путешествія по Россіи, необходимо отмѣтить то, что имя его, послѣ этого, стало однимъ изъ первыхъ въ ряду

ислѣдователей обычно-правовыхъ воззрѣній: это онъ заслужилъ своими трудами: — „О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи“, „Артели въ древней и нынѣшней Россіи“ и др.

Въ 1857 г., прибывъ на короткое время въ Петербургъ, Н. В. Калачовъ для своихъ ученыхъ занятій встрѣтилъ надобность въ дѣлахъ архива II Отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Графъ Влудовъ, начальникъ Отдѣленія, прямо заявилъ Калачову, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ, что, какъ стороннее лицо, онъ не будетъ допущенъ въ архивъ, — необходимо, чтобы Н. В. поступилъ на службу во Второе Отдѣленіе. Калачовъ согласился, и на него было возложено участіе въ редактированіи третьяго изданія гражданскихъ законовъ; помимо этого, онъ участвовалъ въ различныхъ комиссіяхъ, результатомъ занятій которыхъ явились важнѣйшія законоположенія минувшаго царствованія.

Въ 1865 году Калачовъ былъ назначенъ управляющимъ Московскаго архива министерства юстиціи, съ производствомъ въ сенаторы. Съ этого времени начинается рядъ мѣръ, предпринятыхъ имъ на пользу русской юридической науки. Такъ, въ составѣ Московскаго архива образовано ученое отдѣленіе, занимающееся разработкою хранящихся въ архивѣ документовъ.

Приведа дѣла Московскаго архива въ блестящій порядокъ, Н. В. задумалъ какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы и во всей Россіи было все бережно и сохранно въ архивахъ. Для этого, во 1-хъ, была учреждена комиссія для выработки общихъ правилъ объ устройствѣ архивовъ, и во 2-хъ, по инициативѣ его открытъ въ Петербургѣ Археологическій Институтъ для подготовки научно-образованныхъ архивистовъ. Плоды этихъ предпріятій уже на лицо: во многихъ уже губернскихъ городахъ учреждены архивныя комиссіи. . .

Слишкомъ много мѣста заняло бы исчисленіе тѣхъ ученыхъ обществъ, почетнымъ членомъ, членомъ-корреспондентомъ и т. п. которыхъ состоялъ Николай Васильевичъ, — мы не знаемъ почти ни одного такого учрежденія, которое бы не почтило его тѣмъ или другимъ образомъ.

Для занимающагося библиографическими работами считаемъ не лишнимъ указать, что первые литературные опыты Калачова были напечатаны въ „Рѣчахъ“, произнесенныхъ на актахъ Московскаго дворянскаго института въ 1834 и 1835 годахъ. По окончаніи университетскаго курса, Н. В.

принималъ участіе въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ помѣщалъ, по преимуществу, статьи критическаго содержанія, разбирая выходившія вновь книги по русской исторіи и праву. Тогда же въ „Маякѣ“, изд. Вурачковъ, онъ напечаталъ переводъ итальянскаго писателя Чилли о Дмитріи Самозванцѣ, съ предисловіемъ переводчика ¹⁾).

А. В. Смирновъ.

Г. Судогда,
Владимірской губерніи.
7 ноября 1885 г.

XXIV.

ВОСПОМИНАНІЕ О НИКОЛАѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ КАЛАЧОВѢ.

Нѣтъ добраго, честнаго, милаго человѣка, на которомъ отдыхало наше сердце. Пусто мѣсто его, и взоръ нашъ возвращается къ нему со слезою. Вѣчная ему память — со многими, многими, кого мы любили и оплакали!

Но въ числѣ многихъ оплаканныхъ нами, Николай Васильевичъ намъ особенно дорогъ. Кого изъ насъ — онъ болѣзненно затронулъ, кого смутилъ, на кого произвелъ раздражительное впечатлѣніе? — Напротивъ того всѣ, кто подходилъ къ нему, видѣли на лицѣ его привѣтливую улыбку, слышали отъ него одушевленное слово, горѣвшее любовью къ наукѣ и во многихъ зажигавшее тотъ же огонь.

Это былъ человѣкъ науки по преимуществу, не потому чтобы онъ превосходилъ ученостью многихъ ученыхъ, и не потому даже, что трудолюбіе его было безгранично, — но потому, что онъ истинно любилъ науку, любилъ чистою, безкорыстною, священною любовью.

При томъ эта была не та платоническая любовь, какою одержимы иные ученые, витающіе въ отвлеченныхъ сферахъ мышленія, отрѣшеннаго отъ

---

¹⁾ Русская Старина, Январь, 1885 г.

дѣйствительной жизни. Для Калачова — наука его дышала жизнью и была нераздѣльна съ землею, по которой ходилъ онъ съ народомъ, къ которому онъ принадлежалъ, съ тѣмъ чувствомъ гражданина земли своей, которое понимаетъ явленія минувшей жизни въ живой, непрерывной связи съ бытомъ настоящаго времени.

Отъ того и полюбилъ онъ эту науку, что съ малыхъ лѣтъ привыкъ вдумываться въ памятники и слѣды прошедшаго, и въ нихъ искать исторической связи съ настоящею жизнью. Онъ шелъ не тѣмъ путемъ, какимъ идутъ теперь къ сожалѣнію многіе молодые ученые, воспринимая изъ той или другой англійской или нѣмецкой книги первыя впечатлѣнія и понятія о зарожденіи, развитіи и достоинствахъ нравовъ и учреждений. Калачовъ, сынъ земли своей, обратилъ прежде всего свою пытливость на то, что привлекало взглядъ его около него, на родной почвѣ, въ родной исторіи. Будучи еще ребенкомъ, потомъ юнымъ студентомъ Московскаго Университета, онъ съ жадностью погружался въ чтеніе лѣтописей, старинныхъ актовъ, — онъ ходилъ по старымъ монастырямъ и розыскивалъ надгробные камни на старыхъ полуразрушенныхъ кладбищахъ; изучалъ старыя свитки въ архивахъ. Здѣсь то съ юныхъ лѣтъ онъ воспиталъ въ себѣ и острогу смысла, драгоценную для историческаго изслѣдователя, и ту добросовѣстность въ работѣ, которая не опускаетъ ни одной черты въ изслѣдованіи предмета, и не позволяетъ себѣ скачковъ въ выводѣ и мечтательныхъ обобщеній.

Труды его извѣстны всѣмъ. Трудно и перечислить чѣмъ ему обязана наука русской исторіи и археологіи. Но еще цѣннѣе, по мнѣнію моему, то драгоценное свойство, что работая самъ, онъ постоянно думалъ и заботился о привлеченіи другихъ къ той же работѣ, о возбужденіи новыхъ силъ въ своей наукѣ, объ оживленіи интереса къ ней во всѣхъ, кто подходилъ къ труду его, особенно въ молодыхъ людяхъ. Имя учениковъ его — легионъ, и многіе ему обязаны пробужденіемъ мысли, направившей на истинный путь всю научную ихъ дѣятельность.

Огонь, горѣвшій въ немъ, не переставалъ горѣть живымъ и яснымъ пламенемъ. Многіе видали его усталымъ въ обыкновенномъ разговорѣ, но когда рѣчь касалась предмета науки его, онъ мгновенно оживлялся, и едва ли кто замѣчалъ въ немъ вялость мысли и ощущеній въ подобныя минуты.

Первыя его работы — *Изсѣдованіе о Русской Правдѣ, О сошномъ письмѣ, О писцовыхъ книгахъ*, совершались и получили извѣстность сначала въ тѣсномъ кругу ученыхъ. Это было въ 40-хъ годахъ. Но въ душѣ его жила потребность возбуждать движеніе мысли въ другихъ, около себя; онъ взялся за академическую дѣятельность въ аудиторіяхъ Московскаго Университета; а потомъ, когда стали возникать въ русскомъ обществѣ новые вопросы жизни и дѣятельности, онъ ловилъ эти вопросы съ жадностью, вводя ихъ въ сферу своего историческаго изслѣдованія. Въ 50-хъ годахъ онъ предпринялъ съ этою цѣлью — единственное въ своемъ родѣ изданіе *Архива Историческихъ и Практическихъ соденій о Россіи*, — и вскорѣ, увлекшись попросами юридической практики, назрѣвавшими у насъ передъ введеніемъ судебной реформы, началъ изданіе *Юридическаго Вѣстника*. За тѣмъ въ званіи директора Московскаго Архива министерства юстиціи, ставъ хозяиномъ массы драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ, онъ сталъ вносить въ нее свѣтъ и порядокъ трудами новыхъ, молодыхъ дѣятелей: трудно взвѣсить добро, которое сдѣлалъ онъ, отыскивая людей, жаждавшихъ поля для работы; онъ ставилъ ихъ на трудъ, онъ возбуждалъ въ нихъ живой интересъ къ дѣлу, руководилъ первые неопытные шаги ихъ и успѣвалъ воспитать въ нихъ дѣльныхъ работниковъ и ученыхъ для исторической науки. Голова его работала непрестанно и работала всегда за одно съ сердцемъ; новые планы, одинъ за другимъ возникали въ умѣ его и всѣ были направлены къ одной цѣли — къ возбужденію новой жизни тамъ, гдѣ она не было, къ поощренію таланта и добросовѣстнаго труда, въ комъ бы и то и другое ни встрѣчалось, къ вызову новыхъ силъ, новыхъ работниковъ на поле науки. Созданіе его — Археологическій Институтъ служитъ живымъ памятникомъ этой его дѣятельности. Не было въ немъ и слѣда мелкой зависти и мелкаго тщеславія, — пороковъ, которые, на бѣду, такъ часто соединяются съ талантомъ и знаніемъ; не было у него тайной склонности приближать къ себѣ и выставять около себя ничтожныхъ людей, чтобъ самому не утратить возлѣ нихъ своего блеска или величія... Эти свойства и наклонности были чужды благородной душѣ Николая Васильевича: онъ радовался — дѣтскою радостью — всякому успѣху въ ученикахъ своихъ и заботился всего болѣе о томъ, чтобъ выставить заслугу и значеніе каждаго труда, совершеннаго подъ его руководствомъ.

Въ своемъ дѣлѣ умѣлъ онъ распознавать и отыскивать людей и привлекать ихъ къ себѣ; умѣлъ, потому что Богъ далъ ему свойство простоты душевной, пособляющей входить въ прямое и искреннее общеніе съ людьми, помимо чиновничьяго величія, помимо бумаги и начальственнаго обращенія. Эта простота дала ему возможность и въ званіи сенатора и въ знатномъ чинѣ, сохранить *невинность* мысли и чувства, и подъ шитымъ мундиромъ соблюсти благожелательное, веселое и бодрое расположеніе, свойственное доброй молодости и доброму студенчеству прежнихъ временъ.

Съ простотою соединялась въ немъ *доброта* душевная, съ жалостью къ нуждѣ и съ заботою о помощи въ нуждѣ. Многие простые люди сохраняютъ въ душѣ своей трогательныя черты этой доброты, имъ улыбающейся. Иногда дороже самого дѣла — для простой души — сердечное движеніе другой души, ощутившей чужое горе и чужую нужду. Помню, какъ однажды въ Москвѣ, на утренней прогулкѣ встрѣтилъ я убогую похоронную процессію — деревянной гробъ въ самой бѣдной обстановкѣ, — и за гробомъ, въ числѣ немногихъ бѣдняковъ, шедшаго Николая Васильевича. Это онъ провожалъ тѣло бѣднаго старика труженика, столоначальника въ своемъ Архивѣ...

Съ простотою, въ русской душѣ его соединилось и свойство каждой истинно русской души — благочестіе, исполненное вѣры. Онъ родился въ доброй, коренной русской семьѣ, твердо хранившей добрыя завѣты и обычай старины. Цѣло, и до сихъ поръ стоитъ родное гнѣздо его въ Москвѣ, въ Хлѣбномъ переулкѣ, въ приходѣ Симеона Столпника; тамъ почтенная мать его, Варвара Петровна, — одна изъ доблестныхъ матерей и хозяйекъ русской семьи, вложила въ его душу — навсегда — вѣру, любовь къ церкви и благочестивое чувство. Тутъ мое дѣтство встрѣтилось съ его первою юностью, и я живо помню, и какъ будто вижу предъ собою, подъ сводами стариннаго храма, фигуру студента Калачова. И не измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, храня до послѣднихъ дней своихъ живую вѣру и привязанность къ храму Божию. Вѣруемъ, что добрая душа его, столько потрудившаяся здѣсь на землѣ, обрѣла себѣ вѣчный покой у Бога... Вѣчная ему память!

К. Побѣдоносцевъ.

ЛЖЕУЧИТЕЛЬ МЕНЗЕЛИНЪ.

(По архивнымъ документамъ).

Во 2-й книжкѣ „Русской Мысли“ 1885-го года помѣщена статья извѣстнаго изслѣдователя русскаго раскола г. Пругавина „о сектѣ самоистребителей“, въ которой между прочимъ говорится: „Въ 1782 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Сибири, по прельщенію лжеучителя Суерскаго острога, крестьянина Михайла Мензелина, утопилось въ озерѣ Сазыкуль, Песчанскаго зимовья, мужскаго пола, со вновь рожденными, десять душъ. Мензелинъ училъ приносить себя въ жертву „Тебя ради, Господи“. Соглашавшихся онъ топилъ въ озерѣ или запиралъ въ избу и сжигалъ“.

Извѣстіе это взято г. Пругавинымъ изъ статьи „Русской Старинѣ“ (1879, кн. 10): „Самосожигателя и самоутопленники въ Сибири“, А. А. Павлова. Оно не полно, не совсѣмъ вѣрно и не даетъ надлежащаго понятія объ ужасныхъ событіяхъ, совершившихся подъ вліяніемъ изувѣрства, возбужденнаго въ темной крестьянской массѣ такимъ же темнымъ лжеучителемъ, крестьяниномъ Мензелинымъ, ибо частію взято съ преданія, частію извлечено изъ нѣсколькихъ второстепенной важности бумагъ, найденныхъ г. Павловымъ въ архивѣ Моршхинскаго волостнаго Правленія, имѣющихъ отношеніе къ обширному дѣлу „о лжеучителѣ и злодѣѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ“, возникшему въ 1782 году и всецѣло сохранившемуся въ подлинникѣ, въ архивѣ Пермскаго Губернскаго Правленія. Познакомившись съ этимъ дѣломъ, представляющимъ полную картину среды, въ которой дѣйствовалъ Мензелинъ, сущности ужаснаго, но незамысловатаго ученія,

условіи, благопріятствовавшихъ его роковому успѣху, наконецъ, достаточно характеризующимъ самую личность лжеучителя, и находя свѣдѣнія, заключающіяся въ дѣлѣ, вообще интересными для изслѣдователей русскаго раскола, мы полагаемъ небезполезнымъ изложить ихъ въ возможной полнотѣ, на основаніи подлинныхъ документовъ.

Въ 1782 году Генераль-Губернаторомъ Пермскимъ и Tobольскимъ былъ генераль-поручикъ, лейбъ-гвардіи премьеръ-маіоръ Евгений Петровичъ Кашкинъ. Умный и дѣятельный правитель, получивъ донесеніе Tobольскаго намѣстника Осипова о бѣжавшихъ изъ разныхъ доревень Кызацкой слободы и Песчанскаго зимовья Ялуторовскаго вѣдомства 137 чело-вѣкахъ крестьянъ мужскаго и женскаго пола всѣхъ возрастовъ, съ цѣлію самостребленія, не ограничился соотвѣтственными распоряженіями о возвращеніи бѣглыхъ, строго воспретивъ всякое ненужное насиліе и грубое съ ними обращеніе, но озаботился въ тоже время освѣтить всѣ темные углы той среды, въ которой возникло столь ужасное изувѣрство, принявъ мѣры противъ ложныхъ донесеній и неосновательныхъ свѣдѣній, которые могли бы затемнить для него истину, а изъ Екатеринбургской судныхъ и земскихъ дѣлъ канцеляріи вытребовалъ всѣ дѣла, производившіяся въ ней о раскольникахъ, такъ какъ корень всякихъ лжеученій, какъ было извѣстно, гнѣздились въ раскольниковыхъ скитахъ, по лѣсамъ, окружавшимъ заводы Нижнетагильскій, Черноточинскій и Невьянскій Верхотурскаго и въ селѣ Шартанскомъ, Екатеринбургскаго уѣздовъ. Виѣтъ съ тѣмъ сдѣланы были распоряженія о розысканіи скитовъ и арестованіи людей, которые будутъ въ нихъ найдены. Сотни жившихъ въ нихъ раскольниковъ, имѣвшихъ, какъ видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ, своихъ послѣдователей и сообщниковъ въ средѣ заводскихъ жителей, были, конечно, предупреждены о посякахъ и разбѣжались, а изъ показаній арестованныхъ и изъ произведенныхъ розысковъ оказалось, что въ скитахъ жили „наставники-старцы“, разные выходцы съ Кержанца, Нижегородской губерніи, бѣглецы рекруты, дѣлатели фальшивой монеты, казаки съ Дону, какіе-то поляки и даже „бѣглый квакеръ, Московскій купецъ Осиповъ“.

Изъ допросовъ же лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію по обвиненію въ принадлежности къ ученію Мензелина и, повидимому, искренно убѣжденных въ своихъ заблужденіяхъ, выяснилось, что едва-ли не главною при-

чиною успленія за Ураломъ раскола во второй половинѣ прошлаго столѣтія были невѣжество, поборы и насилія сельскаго духовенства. Такъ, крестьяне Антроповъ и Ильинъ показали, что на исповѣди и у св. причастія „года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, а причина—депопы: табакъ нюхаютъ, ругаются матерно, упиваются виномъ до пьяна“. Другіе показывали, что они отъ роду въ церкви не бывали, но откупились отъ поповъ и потому были писаны бывающими у исповѣди и св. причастія ежегодно; а напротивъ, оказались и такіе, которые исполняли всѣ предписанія церкви, но отмѣчались небывшими у исповѣди и причастія, потому что „ничѣмъ поповъ не дарили“. Въ Ялutorовскомъ нижнемъ земскомъ судѣ крестьянинъ Сергѣй Сафоновъ показалъ, что желаетъ записаться въ расколъ потому, что „приходскіе священники записываютъ ихъ, бывшихъ на исповѣди, которые ихъ ничѣмъ не дарятъ, въ небывшихъ. Опять же сего (1782) года, въ Петровъ постъ, отъ игумена Маргарита (Рафаилова монастыря Тобольской епархіи) посланъ былъ по ихъ селеніямъ *гусаръ*, а какой именно не знаетъ, да монастырскій служитель Иванъ Авраимовъ Волковъ, съ приказомъ, чтобы всѣхъ, прежде бывшихъ и въ подписавшихъ (¶), гнать сильно на исповѣдь; а буде кто не пойдетъ, съ тѣхъ брали, а имянно; съ 18-ти душъ по два, да съ 5-ти по три рубля съ каждой души, а сколько имянно—теперь не помнитъ, о чемъ въ Исетской управительской канцеляріи и дѣло было произведено“.

Не ясно-ли приведенные факты указываютъ главныхъ виновниковъ успленія раскола за Ураломъ въ прошломъ столѣтіи! Тоже подтверждаютъ и письма Кашкина къ тобольскому епископу Варлааму, которыя будутъ намъ приведены ниже.

Первый документъ въ дѣлѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, есть письмо игумена Троицкаго Рафаилова монастыря Маргарита къ генераль-губернатору Кашкину, отъ 22 Апрѣля 1782 года, слѣдующаго содержанія:

„Высокопревосходительнѣйшій господинъ,

мой Милостивый Государь,

Евгеній Петровичъ!

Благоволѣніе вашего высокопревосходительства ко мнѣ, ревность ваша къ закону и горячесть къ отечеству подали мнѣ случай нѣсколько занять у васъ смѣхъ времени. При теченіи дѣлъ настоящей ревизіи, записные ра-

скольники, ходя по всѣмъ почти здѣшнимъ селеніямъ, развратнымъ ученіемъ своимъ развращаютъ слабыя сердца и предлагая могуція слабость преклонять причины, какъ-то, что жизнь будетъ для нихъ покойнѣе, будутъ отъ всѣхъ народныхъ службъ и отъ всякихъ подводъ уволены и не имѣвъ обязанности къ хожденію въ церковь, всѣмъ воспользуются временемъ къ производству своихъ домашнихъ дѣлъ, — отторгаютъ отъ церкви и такихъ истинныхъ христіанъ, которые до самого сего времени долігъ своей благоговѣнно и съ радостію исполняли. Число сихъ, записывающихся въ расколъ въ одномъ моемъ вѣдомствѣ не одну составляетъ тысячу душъ, на что безъ соболѣзнованія сердечнаго и отъ одной нынѣшней въ черни переимѣны, смотрѣть не можно, ибо остающаяся въ своей должности часть, предвидя ослабніе для понесенія общественаго бремени силъ, съ стономъ, трогаящимъ чувствительность, приуготовляютъ рамена для понесенія службъ общихъ и съ тѣми купно располагаются низпасть въ крайность разоренія и убожества. А нѣкоторые изъ сихъ, смотря на сіи слѣдствія, принужденными находятъ себя слѣдовать примѣру погибельному, нѣкоторые же и дѣйствительно послѣдовали. Удержать чтобъ отъ сего, помощи здѣсь не сыскиваю за тѣмъ, что собственная польза предпочитается отечественной. Къ уничтоженію зла сего въ единой особѣ вашего высокопревосходительства несомнѣнную уповаю надежду, всенкорнѣйше прошу, хотя тристрочными ордерами, Исетскаго и Ялutorовскаго дистриктовъ городовъ Тюмени, Шадринска и Далматова въ судебныя мѣста, по вѣдомству которыхъ поручены завѣдывать мнѣ духовныя дѣла, предписать, чтобы оной недугъ изцѣлить, чѣмъ Церковь Христову пребезмѣрно обрадуете и примете отъ раздающаго вѣнцы достойную почесть истиннаго попечителя о спокойствіи отечества, меня же на всегда начувствительно обяжете всеусерднѣйшимъ къ вамъ пребыть, каковъ и есмь“ . . .

За тѣмъ, собственно дѣло „о лжеучителѣ и злодѣѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ“ начинается съ донесенія Кашкину правящаго должность Тобольскаго губернатора оберъ-штер-кригсъ-комисара Григорія Михайловича Осипова о томъ, что Ялutorовская управительская канцелярія донесла ему рапортомъ отъ 22 мая (1782), что „на 15, 16 и 18 мая изъ разныхъ деревень Кызацкой слободы и изъ Песчанскаго зимовья бѣжало крестьянъ со всѣми семействами и малолѣтними дѣтьми: изъ Кызацкой

мужескаго, большаго возраста 60, женскаго 10, ихъ дѣтей, отъ 10 до 1 года, мужескаго 8, женскаго 10, и изъ Песчанскаго зимовья, большаго возраста, мужчинъ 10, женщинъ 11, и ихъ дѣтей, отъ 10 до 1 года, мужескаго 15, женскаго 14, всего 137 человекъ, изъ которыхъ пойманы посланными крестьянами: кызацкихъ 27, да зимовскихъ 2 мужиковъ и 1 женка. Изъ нихъ двое Данило Гладковъ, Ѳедоръ Пьянковъ и женка Катерина Абакумова, и съ ними сумы, присланы въ Ялуторовскъ. Въ суммахъ оказались: одни святцы, воску фунтовъ 10, свѣчъ восковыхъ фунтъ, 7 мѣдныхъ маленькиихъ образковъ, ладану 4 фунта и мелкіе кусочки просвиры^а.

Допрошенный Гладковъ показалъ, что „подговорилъ ихъ Ялуторовскаго вѣдомства, Суерскаго острогу, крестьянинъ Михайло Мензелинъ, пришедшій изъ Шарташой, бѣжать на озеро Савыкулъ, находящееся отъ зимовья верстахъ въ 50 внутрь линіи, и нибѣющее острова, и на тѣхъ мѣстахъ молиться Богу и *ничего не ѣсть и помереть съ голоду*. Исказывалъ онъ Мензелинъ, что уже *приходитъ время притти въ міръ антихристу и потому должно отъ него бѣжать въ горы и вертепы и помереть голодомъ и засыпаться пепломъ, отъ чего и изтаетъ тѣло аки воск и душа уйдетъ на небо*. Съ тѣмъ самымъ они и бѣжали, чтобъ имъ отъ поста помереть и дѣтей поморить, и потому не взяли съ собой нисколько хлѣба. Кусочки просвиры привезены наставникомъ ихъ изъ Шарташа, на тотъ случай, если кто запостится и станетъ помирать, то причащать ими. И самъ ихъ тотъ наставникъ исповѣдываетъ^а. Гладковъ не успѣлъ уйти на островъ, потому что ѣздилъ въ Уктусскую слободу раздавать милостыню и, возвратись обратно, былъ захваченъ посланными крестьянами на берегу озера.

21 мая Ялуторовская канцелярія отравила съ Гладкимъ поручика Озерова съ командою, для поимки бѣжавшихъ, а губернаторъ Осиповъ предписалъ управителю, секундъ-маіору Розингу строго внушить Озерову, чтобъ съ бѣглецами, буде пойманы будутъ, поступать человекѣлюбиво, увѣрить, что будутъ прощены, даже если что и совершили по заблужденію, и стараться отвратить отъ заблужденія, а если будетъ взятъ Мензелинъ, то отправить его въ Тобольскъ „въ крѣпкихъ отъ утѣчки оковахъ“^а.

12 іюня Осиповъ рапортуетъ, что, 3 того же мѣсяца, Ялуторовская

управительская канцелярія и секундъ-маіоръ Розингъ доносятъ, что Мензелинъ и его сообщники посланною командою на островахъ пойманы и допрошены; а того же числа другимъ рапортомъ доносятъ, что за секретаря коллежскій регистраторъ Кадниковъ докладывалъ присутствію Ялutorовской управительской канцеляріи, что неизвѣстный солдатъ, назвавшійся рядовымъ Верхнеуральскаго батальона Григоріемъ Кабаковымъ, представилъ ему кувертъ, завернутый въ бересто, съ надписью: „Рапортъ въ Ялutorовскую канцелярію изъ суерской конторы“, въ которомъ нашель 1) реестръ „выключеннымъ изъ суерскаго острогу въ Устькаменогорскую крѣпость крестьяномъ“, и 2) письмо пасквильное, составляющее въ себѣ ересь лжеучительскую, со включеніемъ при томъ и важныхъ хулильныхъ словъ, касающихся до государственной чести“. Солдатъ показалъ, что получилъ кувертъ отъ крестьянской жены Анисьи Вачаниной, а послѣдняя, что принесъ его ея сынъ, котораго она посылала за покупкой соли въ городъ, гдѣ онъ нашель его у кабака.

За тѣмъ, Кашкинъ, въ ордерѣ Пермскому губернатору Ламбу отъ 27 іюня (1782) сообщаетъ о полученіи имъ отъ Тобольскаго губернатора помянутаго, найденнаго въ Ялutorовскѣ письма (котораго ни въ подлинникѣ, ни въ копіи въ дѣлѣ къ сожалѣнію не оказалось), изъ котораго — пишетъ Кашкинъ — ваше превосходительство усмотрѣть изволите, какимъ образомъ злоучители посѣвають въ сердцахъ простомысленныхъ людей развратъ, совращая ихъ тѣмъ къ отдаленію отъ жительства въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, для погубленія себя, дабы оставшимъ послѣ сихъ уловленныхъ простаковъ имѣніемъ воспользоваться. По входящимъ же слухамъ извѣстно мнѣ, что называемый въ письмѣ молитвенный соборъ изъ нѣсколькихъ десятковъ старцевъ состоящій, обитаніе свое имѣетъ въ недалекомъ разстояніи отъ Нижнетагильскаго завода, по густымъ лѣсамъ, въ нарочно сдѣланныхъ къ укрывательству ихъ пещерахъ, куда, по разсѣвающемуся злоученію ихъ, многихъ простаковъ къ полученію отъ нихъ наставленія и благословенія зазываютъ, что, безъ особенной подати, подъ видомъ подаянія, по извѣстному корыстолюбію сихъ людей, обойтись не можетъ, потому что бродящіе благовѣстники никогда не пригласятъ къ своей ереси бѣдныхъ и стараются всегда совращать къ тому изъ имѣющихъ изрядное имущество, изъ которыхъ нѣкоторые и возвращаются въ свои дома, а

другіе безвѣстно пропадають. А что подлинно такой злоучительный соборъ есть, то я по дѣламъ бывшихъ присутственныхъ мѣсть, наипаче по канцеляріи главнаго заводовъ правленія или по земской конторѣ заводской извѣстно, ибо неоднократно вышесказанные старцы оказывались въ важныхъ преступленіяхъ и по нимъ осуждены были въ правительствахъ“... За тѣмъ предлагается принять всѣ мѣры къ открытію мѣстонахожденія помянутаго собора и розысканію старцевъ *Пахомія* и *Даніила* — учителей Мензелина ⁽¹⁾ и дѣвки *Матроны Михайловой*, у которой послѣдній жилъ, и роль которыхъ будетъ видна изъ слѣдующихъ за симъ показаній арестованныхъ лицъ.

Крестьяне *Михайло Мензелинъ*, *Федоръ Рухловъ*, *Осипъ Залафаловъ* и *Степанъ Коробицынъ* были допрошены сначала въ Ялutorовской управительской, потомъ въ *Тобольской губернской канцеляріяхъ*, и показали:

Ялutorовскаго вѣдомства, Суерскаго острогу крестьянинъ *Михайло Максимовъ Мензелинъ*, 70 лѣтъ, въ *Тобольской губернской канцеляріи* показалъ, что онъ „неученой русской грамотѣ и писать, кромѣ что самоучкою затвердилъ однѣ литеры, составляющія слогъ имя и прозванія его;“ что занимался прежде торговлею хлѣбомъ и имѣлъ своего капитала до тысячи рублей; у исповѣди и святаго причастія у православныхъ священниковъ не бывалъ, всегда отъ нихъ откупался и въ церковь никогда не ходилъ, кромѣ только что въ оной былъ вѣнчавъ и вовсе отъ нее сталъ удаляться еще до женитьбы, будучи лѣтъ 14. Въ этомъ возрастѣ онъ спознался съ умершимъ уже *Тобольскимъ ямщикомъ Чернышевымъ*, лѣтъ престарѣлыхъ, у котораго жительствовавъ города *Суздаля* незнаемо какой человекъ лѣтъ 50, *Осипъ Андреевъ*, съ которымъ читалъ книги *Ефрема Сирина* и толковали ему на словахъ, что въ церковь ходить, исповѣдываться и приобщаться есть грѣхъ, потому что *Никонъ патриархъ* и старецъ *Арсеній* перемѣнили преданія, стали младенцевъ крестить, свадьбы вѣнчать и Христа встрѣчать и церкви освящать противъ солнца и просвиры нынѣ печатають четверокопечнымъ крестомъ и служить уставили на пяти просвирахъ и крестъ на себѣ изображать троеперстно. И все то ихъ толкованіе почиталъ онъ за самую правду. А послѣ чрезъ людей наслышался, что есть въ заводѣ ста-

---

(1) Ни *Пахомій*, ни *Даніилъ* розысканы не были и личность ихъ осталась неизвѣстною.

рецъ Пахомій, который въ Писаніи искусенъ и ѣздить по Исети; тогда Мензелинъ поѣхалъ его розыскивать и нашелъ въ деревнѣ Андракахъ Вѣляковской слободы, у жившей тамъ Тюменскаго вѣдомства дѣвки Матроны Михайловой дочери, а чья пишется, не знаетъ. Пахомій носитъ чериую одежду и черннй клобукъ. Пробылъ съ нимъ Мензелинъ два дня, въ продолженіи которыхъ Пахомій читалъ ему книги — одну Апокалипсисъ, другую Іоанна Златоустаго и толковалъ тоже, что ямщикъ Чернышевъ и Суздалецъ, при чемъ подтверждалъ, что кто-де что убавить или прибавить въ книгахъ, тотъ да будетъ анаема. На третій день Мензелинъ увезъ Пахомія къ себѣ въ домъ, гдѣ послѣдній пробылъ трои сутки, сказывался изъ города Ростова, а какой человекъ — не сказался, а живетъ въ Черноисточенскомъ заводѣ, гдѣ и въ старцы поставленъ. Проживая у Мензелина, убѣждалъ его оставить домъ, продать имѣніе и притти къ нимъ въ заводъ. На третій день Мензелинъ отвезъ Пахомія обратно къ дѣвкѣ Михайловой. Наставленія Пахомія онъ не забывалъ и проживъ послѣ знакомства съ этимъ старцемъ лѣтъ десять дома, принялъ рѣшеніе оставить домъ, жену и дѣтей и ѣхать къ наставнику. Домъ свой онъ продалъ, выданныя впередъ деньги крестьянамъ подъ муку, уступилъ, оставилъ женѣ съ дочерью 100 рублей, да другой замужней дочери 50 р., да себѣ 100 руб. и въ 1770 году, на другой день вешняго Николая отправился въ путь. По дорогѣ зашелъ въ Шарташъ, гдѣ выпросился ночевать въ незнакомомъ домѣ, хозяинъ котораго назвался старцемъ Даніиломъ. Поутру отправился въ Черноисточенскій заводъ, до котораго шелъ три дня, на квартиры нигдѣ не приставалъ, ночи проводилъ на пустыхъ мѣстахъ, въ деревняхъ сказывался идущимъ на заводъ работникомъ. Придя въ Черноисточенскій заводъ, нашелъ Пахомія и прожилъ у него годъ. Хозяинъ училъ его молиться за Царя, дабы Богъ обратилъ его въ истинную православную вѣру и называлъ свой толкъ безпоповщиной. Когда отъ него Мензелинъ пошелъ далѣе, онъ далъ ему ломаной просвиры больше половины, сказавъ: „ты того удостоился, ты человекъ скитникъ и гдѣ тебѣ прилучится найти больнаго и при смерти человека, возьми воды въ ложку и опусти отъ той просвиры самую маленькую крошечку и тѣмъ причащай и говори: тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите“. Отъ Пахомія Мензелинъ направился чрезъ Исетскій дистриктъ на озеро Кабанье въ Ишанскомъ вѣдомствѣ, на берегу

котораго жилъ два года, а потомъ пошелъ на озеро Лебяжье, гдѣ жилъ „въ выкопанныхъ избушкахъ“ годъ три мѣсяца, а оттуда Ялаторовскаго вѣдомства подѣ Кызацкую слободу, на займище Черное, гдѣ прожилъ въ такой же избушкѣ два года. На всѣхъ трехъ озерахъ ловилъ рыбу и вымѣнивалъ ее прѣзжавшимъ для рыболовства людямъ на хлѣбъ. Съ Чернаго займища Мензелинъ пришелъ въ деревню Шушарину, въ домъ ко крестьянину Григорію Шушарину, у котораго прожилъ дней съ шесть и свидѣлся съ Захаромъ Шушариннымъ и совѣтовалъ обоимъ *ради Христа дѣтей ихъ закопать въ яму*. Тѣ согласились и поѣхали съ намѣреніемъ исполнить совѣтъ, въ боръ, впередъ, а Мензелинъ остался въ домѣ и присоединился къ нимъ уже на другой день и засталъ въ бору Захара Шушарина съ двумя сыновьями и дочерью, а *Григоря съ женою и дочерью и Захаровыхъ дѣтей посадили въ яму*, а прочіе не пошли. Оставивъ сяхъ, Мензелинъ бродилъ „по степямъ и островамъ и пашеннымъ избушкамъ“ и назадъ тому четыре года (1778) вышелъ въ жило и пришелъ въ домъ Казацкой слободы деревни Грамотѣвой крестьянина Егора Першина, за которымъ была родная дочь Мензелина; жилъ у зятя недѣли три, пріобщалъ данною отъ Пахомія просвирую своего заболѣвшаго полугодоваго внука, да дочь крестьянина Ивана Трушникава-Круглаго, по третьему году, да двухлѣтняго, бывшаго въ оснѣ сына брата Трушникава, и ушелъ опять въ степь, пристававалъ въ пашенныхъ избушкахъ и наконецъ пришелъ въ деревню Вагулину, Красноярской слободы Ишимскаго вѣдомства. Здѣсь присталъ у крестьянина Мартына Коклявина, сказавшійся жителемъ Осиповой слободы и такъ какъ хозяинъ срижался ѣхать за линію на озеро Чагла для рыболовства, то упросилъ взять его съ собою. На Чаглахъ онъ прожилъ съ годъ и послѣ Свѣтлой недѣли возвратился въ Кызацкую слободу, къ зятю своему Першину, гдѣ прожилъ недѣли съ четыре. Живучи на озерѣ Чаглахъ Мензелинъ слышался, что есть въ Петропавловской крѣпости донской казакъ Семенъ Леденевъ бывалець въ степяхъ, и любопытствуя узнать отъ него „не знаетъ-ли гдѣ за линіей къ Камню мѣста“, отправился въ Петропавловскъ для свиданія съ Леденевымъ, коего однакожъ дома не засталъ, а между тѣмъ, ходя по базару, слышался въ людскихъ разговорахъ, что у тутоняго купца Алексѣя Пиленка есть Евангеліе толковое, зовомое „Благовѣстникъ“ и обратился къ Пиленку, прося эту книгу ему

почитать. Тотъ исполнилъ его просьбу, а Мензелинъ понялъ изъ того Евангелія, что и въ немъ напечатано: „*въ послѣднія времена бѣжатъ въ горы и вертепы, засыпаться пескомъ, хрящемъ, землею и пепломъ и помирать съ голоду*; самое то, онъ Мензелинъ слыхалъ, и въ книгѣ Ефрема Сирина напечатано“. Возвратившись изъ Петропавловска къ зятю и переночевавъ у него, Мензелинъ уѣхалъ въ домъ къ старому своему знакомому, крестьянину Рухлову. Такъ какъ былъ въ то время Великій Постъ, то Мензелинъ Рухлова со всѣми семействомъ исповѣдывалъ. Потомъ опять возвратился къ зятю, а отъ него ушелъ въ домъ къ Трушникову, гдѣ исповѣдывалъ самого Трушникова, трехъ его братьевъ, отца и мать со всѣми семействами и крестьянина Гладкова съ семействомъ. Иванъ Трушниковъ и Данило Гладковъ ѣздили по деревнямъ и созывали людей къ Мензелину, вслѣдствіе чего домъ Трушникова стало посѣщать много народу, котораго Мензелинъ исповѣдывалъ, наставляя, что „*приходитъ время притти въ міръ антихристу и надобно бѣжать въ горы и вертепы, засыпаться пескомъ и пепломъ и закапываться въ землю и помирать постомъ и голодомъ*“. Отъ Трушникова Мензелинъ вновь возвратился къ Першину и въ Троицынъ день былъ у Рухлова и сказывалъ, что „*намѣрены они бѣжать на острова, и онъ съ ними не согласенъ-ли, на что Рухловъ отвѣчалъ, что онъ уже мѣсто себѣ прискалъ*“. Отсюда Мензелинъ отправился въ деревню Крѣпостную, къ крестьянину Вѣлыхъ и сказывалъ послѣднему, что многое число людей бѣжитъ съ нимъ и съ Першинимъ на островъ; за ними слѣдовать согласились самъ Вѣлыхъ и крестьянинъ Иванъ Антроповъ, которыхъ Мензелинъ и исповѣдывалъ со всѣми ихъ семействами, наставляя ихъ въ томъ же, что выше сказано. Потомъ возвратился къ зятю, куда вслѣдъ за нимъ прибыли Трушниковъ и Федоръ Пьянковъ и стали сговариваться бѣжать на озеро Сазыкуль, при чемъ Трушниковъ говорилъ, что Гладковъ подговорилъ челоуѣкъ съ 50. Трушниковъ и Пьянковъ за тѣмъ уѣхали, а Першинъ со всѣмъ домомъ и Мензелинъ стали собираться „на островъ“. Къ нимъ пристали крестьяне Иванъ Конишевъ съ семействомъ, Першина зять Иванъ Грамотѣевъ съ женою, а всѣхъ собралось челоуѣкъ съ 30; и взяли съ собою воску, ладану, образа мѣдныя и принесенную отъ Пахомія просвиру, положивъ все это въ сумы, выѣхали ночью, съ намѣреніемъ постыться и помереть съ голоду, и доѣхали до того озера къ обѣду и пристали въ колоуѣ

(молодой лѣсъ), гдѣ уже Трушниковъ ихъ дожидался и сказалъ, что съ нимъ людей болѣе 50, а Гладковъ-де уѣхалъ раздавать милостыню и подговаривать отца. Затѣмъ тотчасъ же начали въ бѣтахъ (лодкахъ) переправляться на островъ, и хотя тогда набѣжали на нихъ крестьяне, но удержать ихъ не могли, — захватили только однѣ съ воскомъ, ладаномъ и просвирой сумы. Безумцы вышли на безлѣсный островъ, а къ вечеру перебрались на другой, средній, на которомъ застали крестьянъ Осипа Замиралова съ товарищи, съ семействомъ, всего 10 человекъ, и нашли избушку, срубленную изъ бревенъ, и два стана, „да сдѣланъ одинъ изъ земли называемый *сертменъ*, въ который сажаютъ тѣхъ, кто пожелаетъ запоститься“, а сами же Мензелинъ съ приведенными людьми сдѣлали станы. По утру же, въ четвертокъ, *дѣвка Шмакова, заморившись постомъ, померла*; ее всѣ провожали до могилы; Журавлевъ читалъ по ней канонъ, а Мензелинъ кадиль „изъ *черепени* ладаномъ и пѣлъ: святой крѣпкій, — и погребли ее въ землю“. Всѣ въ тотъ день молились Богу, всякъ на своемъ мѣстѣ, а въ пятницу, около обѣда, увидѣли, что на берегу озера стоитъ за поимкою ихъ команда. Тогда стали опасаться быть пойманными и наказанными, а Мензелинъ, какъ наставникъ, говорилъ: „если боятесь мученія, то ступайте и съ дѣтьми въ воду и за Христа топите, такъ, какъ сорокъ мучениковъ въ Ефесѣ потопились“. Послѣ такихъ рѣчей, „сдѣлали на глубокомъ мѣстѣ плотъ“, и когда онъ былъ готовъ, Мензелинъ всѣхъ исповѣдалъ и причастилъ большихъ и малыхъ взятою отъ Пахомія просвирой, хранившейся у его дочери. За сямъ, помолившись Богу, всѣ переодѣлись и малыхъ ребятъ переодѣли въ бѣлыя рубашки, дѣвки расчесали волосы, подходили къ Мензелину, надали ему въ ноги и просили благословенія: „Богъ васъ благословитъ умереть за Христа!“ отвѣчалъ Мензелинъ. Въ это время жена Трушникова начала рожать младенца и въ ожиданіи окончанія родовъ, исполненіе общаго намѣренія замедлилось. Родился мальчикъ, котораго Мензелинъ окрестилъ тремя погруженіями въ воду и назвалъ Константиномъ, и всѣ положили предъ Богомъ за того младенца 4000 поклоновъ въ землю, послѣ чего мать новорожденного переодѣлась въ бѣлую рубаху и всѣхъ дѣтей посадили въ два бата. Старикъ Першинъ, взявъ съ собою двухлѣтняго внука, а за нимъ Иванъ Трушниковъ пошли въ воду, а всѣ прочіе, руководимые Замираловымъ и Шуша-

ринимъ, баты съ малолѣтними потащили. Мензелинъ же остался на берегу, а потомъ сѣлъ въ баты и поѣхалъ къ плоту, на коемъ засталъ въ живыхъ человекъ до десяти, въ томъ числѣ и свою замужнюю дочь; *младенцы же всѣ уже были утоплены*. И сталъ онъ говорить своей дочери, чтобы за Христа умерла, которая и бросилась въ воду, но не могла скоро утонуть и потому просила ее освободить, обѣщая поститься, но отецъ не послушалъ и, придавивъ ее жердью, утопилъ. Иванъ Трушниковъ, съ держащейся за него малолѣтнею дочерью, просилъ Мензелина помолиться Богу, чтобы онъ скорѣе могъ утонуть, и тотъ пригрузилъ ихъ жердью ко дну и утопилъ. Иванъ Грамотьевъ съ женою связались вмѣстѣ женинымъ платомъ и его гоитаномъ⁽¹⁾ и послѣдняя сдѣлала на концѣ плата петлю на тотъ конецъ, если долго не утонуть, то бы Мензелинъ вложилъ въ ту петлю жердь и ихъ пригрузилъ, но когда Мензелинъ сталъ ихъ жердью придавливать, то гоитанъ оборвался и Грамотьевъ вылезъ на плотъ, а жену его Мензелинъ придавилъ ко дну и утопилъ. Оставшіеся въ живыхъ поплыли къ берегу, а къ Мензелину на плотъ привезъ баты крестьянинъ Сутягинъ, съ которымъ онъ и доѣхалъ до другаго плотика; тутъ Сутягинъ подѣзъ подъ плотъ и утопился, а крестьянинъ Коробицынъ, спасшійся отъ потопленія, о женѣ своей рассказывалъ, что она-де совѣтовала ему утопиться, а сама не хотѣла, тогда онъ взялъ ее насильно въ берема, подѣхалъ подъ плотъ и утопилъ. Наконецъ, всѣ оставшіеся „вышли на берегъ и разбѣжались въ разные мѣста: кто Богу молится, кто сидитъ подъ кустомъ — плачетъ“; а Мензелинъ съ Замираловымъ, Шушаринимъ и прочими ушли въ станъ и на другой день, въ субботу, помолившись Богу, вырыли яму и отправились вытаскивать изъ воды утопшихъ, конхъ и оказалось большихъ и малыхъ 53 человекъ. Всѣхъ ихъ сложили въ вырытую яму и Мензелинъ кадилъ надъ ними ладаномъ и нѣлъ: святой крѣпкій, и зарывъ яму, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ понедѣльникъ явился къ нимъ Гладковъ и сказалъ, что пріѣхала изъ Ялutorовска команда и тогда Мензелинъ, Замираловъ, Шушаринъ, Евсей Пьянковъ съ сыномъ Петромъ и съ его женою, Андрей Коробицынъ, Гаврило Першинъ и принесшій извѣстіе Гладковъ бѣжали на третій островъ въ батахъ, а прочіе остались на среднемъ островѣ, гдѣ и были

---

(1) Гоитанъ — узкій тканый поясскъ, которымъ подпоясываются по рубахѣ.

взяты командою, а во вторникъ команда явилась и на третій островъ, откуда Чернинъ, Гладковъ и Цыанковъ уплыли въ бату, а Мензелинъ, Замираловъ и Шушаринъ съѣхали на берегъ, гдѣ и были взяты.

При допросѣ, Осипъ Замираловъ и Андрей Коробицынъ показали въ дополненіе, что когда прельщенные Мензелинымъ люди пошли въ воду топиться, то Мензелину помогали ихъ топить Осипъ Замираловъ и Захаръ Шушаринъ; идя за Мензелинымъ, они послали идущихъ впереди въ воду, при чемъ Мензелинъ держалъ въ рукахъ ножъ, а Замираловъ косу. Замираловъ и Шушаринъ втащили въ воду малолѣтнихъ, бывшихъ въ батахъ, и всѣхъ утопили, въ томъ числѣ Замираловъ и своихъ двухъ дѣтей утопилъ. Когда же крестьяне Дружининъ и Лоткинъ, раздумавъ топиться, хотѣли съ острова бѣжать, то Мензелинъ, Шушаринъ и Замираловъ ихъ не отпускали, а Дружинина связали и били. Крестьянинъ Андрей Коробицынъ показалъ, что когда жена его выплыла на плотъ и топиться раздумала, то, по наученію Мензелина, онъ взялъ ее въ бедра, столкнувъ въ воду и подпихавъ подъ плотъ, утопилъ. О Ѳеодорѣ Рухловѣ показали, что будучи съ семействомъ своимъ въ бору, *«двоихъ своихъ малолѣтнихъ внучатъ заморилъ съ голоду и, еще дышавшихъ, закопалъ въ землю; сына своего Андрея зарылъ ножомъ и самъ себя въ брюхо зарылъ»*.

Вѣжавшіе по прельщенію Мензелина же на островъ, но недопущенные на него командою, крестьяне деревни Крѣпостной Иванъ Антроповъ, Иванъ Ильинихъ съ семействами и съ ними прочіе показали, что „на исповѣди и у причастія года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, представляя причину на священниковъ, что нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и упиваются вина до пьяна“. Токмо по подаваемымъ отъ духовнаго правленія о небывшихъ вѣдомостямъ, оныхъ крестьянъ даже съ 1777 по 1782 г. небывшими не показано“.

Посланный изъ Ялutorовска съ командою подпоручикъ Озеровъ нашелъ на острову законанными въ землю утопшихъ: взрослыхъ мужчинъ 4, женщинъ 9, малолѣтнихъ дѣтей, мальчиковъ 22, дѣвочекъ 21, всего 56 человекъ.

По окончаніи слѣдственнаго дѣла состоялось мнѣніе палаты уголовного суда, представленное съ заключеніемъ генераль-губернатора Кашкина Правительствующему Сенату, кофирмаціе коего 6 февраля 1784 г. опредѣлено:

„Злодѣю, лжеучителю и смертоубійцѣ крестьянину Мензелину и сообщникамъ его Осипу Замиралову и Данилѣ Гладкову присужденное палатою уголовнаго суда и вами, генералъ-поручикомъ и кавалеромъ, по силѣ изъясненныхъ во мнѣніи той палаты и вашемъ законѣ, вмѣсто смертной казни, наказаніе кнутомъ произвестъ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они пагубныя свои ереси разсѣвали и гдѣ особенно, по разсужденію вашему полагается; потомъ вырвать ноздри и поставя на лбу и на щекахъ указныя знаки, заклѣпавъ въ кандалы, отправить вѣчно въ каторжную работу, Рижской губерніи, на островъ Эзель, сдѣлавъ между тѣмъ всѣмъ имъ, послѣ учиненія опредѣленнаго наказанія, вновь еще увѣщаніе, не обратятся-ли они отъ своего заблужденія на путь истинный, и если окажутъ къ тому свое желаніе, то о присоединеніи ихъ къ святой церкви сообщить въ тамошнюю духовную консисторію. Крестьянину Андрею Коробицину, учинить также публичное наказаніе кнутомъ, но не оставляя на соблазнъ прочимъ на прежнемъ жительство, сослать вѣчно въ работу, Новороссійской губерніи въ городъ Херсонъ. Всѣмъ прочимъ, участвовавшимъ въ преступленіяхъ упомянутаго злодѣя Мензелина и его сообщниковъ, кои отъ своего заблужденія донинѣ не обратились и впредь по упрямству своему, раскаянія въ томъ не окажутъ, и обратиться не пожелаютъ, а останутся въ заблужденіи упорными, дабы единожды навсегда изъ среды тамошнихъ жительство истребить совсѣмъ и названіе раскольника, которое нынѣ уже болѣе не существуетъ, и двойнаго съ таковыхъ людей оклада имяннымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ собирать не велѣно, слѣдовательно и записки въ расколъ нынѣ никакой быть не можетъ, за содѣянное ими преступленіе учиня наказаніе кнутомъ, разослать на поселеніе въ отдаленныя жительство, по собственному вашему разсмотрѣнію, гдѣ не будетъ настоять опасности, чтобъ могли они и въ тамошнемъ краю разсѣвать свои заблужденія. А кои изъ подсудимыхъ обратятся и впредь обратиться пожелаютъ въ соединеніе Святой Церкви, тѣхъ въ страхъ другимъ, дабы впредь подобныхъ преступленій дѣлать было не повадно, наказавъ плетью, оставить на прежнихъ жительство, подтвердя при томъ, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ и наименованіе раскольника отнюдь было не употребляемо“. Затѣмъ, Сенатъ, согласно мнѣнію уголовной палаты и заключенію генералъ-губернатора, всѣхъ отчасти прикосновенныхъ къ дѣлу, но бывавшихъ постоянно

у исповѣди и св. причастія и впредь отъ того не отрицающихся, а равно и несовершеннолѣтнихъ отъ наказанія освободилъ.

27 июня 1784 года Тобольскій вице-губернаторъ Сергѣй Ивановичъ Протопоповъ рапортуетъ Кашкину, что въ исполненіе рѣшенія Сената, Мензелинъ и сообщники его Осипъ Замираловъ и Данило Гладковъ наказаны кнутомъ, при собраніи народа, въ трехъ мѣстахъ, въ деревняхъ Каменной, Монайской и Песчаной, и каждому дано столько ударовъ, чтобъ не могло ихъ тѣло крайне изнурено быть и всѣ трое препровождены въ деревню Шарташскую, гдѣ снова биты кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей и поставленіемъ на лбу и щекахъ указныхъ знаковъ и сданы въ Екатеринбургъ оберъ-коменданту генераль-маіору Судовщикову, гдѣ они, закованные въ ножныя и ручныя желѣза, а двое и въ шейныя цѣпи со стульями, были увѣщиваемы священникомъ Коченгинимъ; но изъ нихъ только Замираловъ обратился къ церкви, прочіе же и слушать увѣщанія не хотѣли. Прочіи осужденныя также учинено наказаніе согласно приговора и дѣлаемо было увѣщаніе; но многіе изъ нихъ пребыли упорными въ своемъ заблужденіи.

Лжочленіе Мензелина не ограничилось сказанными выше прискорбными послѣдствіями. 23 июня 1783 года крестьяне Ишимской округи, Моршихинскаго зимовья, деревни Кабаковой Владиміръ, Яковъ и Иванъ Кабаковы, со всѣми своими семействами, заперлись на крѣпко въ своихъ домахъ, съ намѣреніемъ сжечься. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ старосты Бехтелина, Ишимскій капитанъ-исправникъ Фантрейблютъ (sic) отправился 24-го того же мѣсяца, куда и прибылъ 25-го, но предупредить преступное намѣреніе не успѣлъ. Не смотря на старанія старосты Бехтелина съ другими крестьянами, Кабаковы сидѣли крѣпко запершись и на увѣщанія отвѣчали, что если станутъ ломать двери, то они зажгутъ имѣющіеся у нихъ порохъ и солому, а потому лучше бы де ихъ не трогали, вслѣдствіе чего Бехтелинъ съ помощниками и не посмѣли насильно дѣйствовать, ожидая прибытія начальства. Между тѣмъ 24 числа, на зарѣ, сынъ Владиміра Кабакова Василій успѣлъ изъ избы чрезъ дымовое окно убѣжать; замѣтивъ это, запершіеся въ избѣ громко кричали: „ахъ, душу потеряли! назадъ пошла!“ и вслѣдъ за тѣмъ, дымъ внутри загорѣлся, и не смотря на усилія Бехтелина и другихъ крестьянъ, старавшихся спасти находившихся въ

избѣ, имъ удалось избавить отъ огня только 16 человѣкъ, а 27 человѣкъ сгорѣли.

По слѣдствію оказалось, что въ мартѣ 1782 года, въ Великій постъ, къ Якову Кабакову, прѣвѣжалъ лжеучитель Мензелинъ и говорилъ ему о скоромъ пришествіи антихриста, увѣщавая умереть за Христа.

При дѣлѣ приложенъ списокъ сгорѣвшихъ. Изъ оставшихся въ живыхъ, 12 человѣкъ, по увѣщанію заказчика священника Григорія Попова, соглашались присоединиться къ церкви и тѣ изъ нихъ, которые возрастомъ были старше 20 лѣтъ, наказаны плетью и оставлены на мѣстахъ своего жительства; остальные же бѣжали и были-ли впоследствии розысканы, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ, Тобольское намістническое правленіе отъ 19 марта 1784 г. рапортуетъ Кашкину слѣдующее: „Сего марта 18 дня Ишимской округи капитанъ-исправникъ рапортомъ доносить, что съ 17 числа минувшаго февраля сего года находился онъ для разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ и обзрѣнія ввѣренныхъ ему Ишимской округи селеніевъ и по бытности въ Моршининскомъ зимовьѣ, по отправленію тѣхъ дѣлъ къ законному суду, а 4 сего марта, Кызацкой слободы отъ крестьянскаго старосты Рыльскихъ присланъ къ нему репортъ, писанный 3 числа тогожъ теченія, которымъ доносятъ, что сей часть, вѣдѣнія Кызацкой слободы деревни Тарской, уличной десятникъ, прибѣжавъ къ нему, объявилъ, што той деревни крестьянинъ Егоръ Самойловъ, онъ же и Осетровъ, въ своемъ домѣ — не знаетъ пошто — запершись и никого не пускаетъ, по которому объявленію тотъ староста въ ту деревню, обще съ копейстомъ Григорьемъ Загибаловымъ, того жъ часу прѣхалъ; но уже того крестьянина Осетрова домъ горитъ, гдѣ и онъ Осетровъ съ семействомъ сгорѣли. Но только отъ сожженія спаслись чрезъ пришедшихъ для разговору той деревни обывателей, бывшіе тутъ же, по прельщенію, сказаннаго Осетрова тоща, а деревни Шелеповой крестьянина Патракея Задорина жена Дарья, да дочь ея дѣвка Ксенія, которыя и объявили, что сгорѣло тутъ всего 16 человѣкъ, а имено: Егоръ Самойловъ, онъ же и Осетровъ, жена его, дѣтей трое; деревни Крѣпостной Григорій Коркинъ, дѣтей его трое, Козьма Антроповъ, дѣтей его двое, деревни Утечьей Никита Новопащенный, жена его и двое дѣтей. И тѣ, спасенныя отъ сгорѣнія, женка и дѣвка, содержатся подъ стражею, до прибытія его

капитанъ-исправника, въ селѣ Мокроусовскомъ, по случаю тому, что то село по сполучности его къ Кызацкой слободѣ состоитъ на тракѣ; — почему онъ (т. е. капитанъ-исправникъ) того жъ самаго часа въ то селеніе отправился съ тѣмъ старостой Рыльскихъ, при священникѣ, бывшемъ для увѣщанія углубившихся въ раскольнической ереси людей тобольскаго софійскаго собора Петръ Топорковъ. Показанныя, оставшія отъ гибели жена Дарья Задорина и дочь ея дѣвка Аксинья спрашиваны, которыя показали: первая — зовуть ее подлинно Дарьей Алексѣевой, пятидесяти дву годовъ, слѣпа, живетъ въ деревнѣ Шелеповой съ мужемъ своимъ, крестьяниномъ Патракѣемъ Задоринимъ; у исповѣди и св. причастія каждагодно въ селѣ Мокроусовскомъ у священниковъ Василья Брызгалова и Ивана Паникаровскаго, кромѣ нынѣшняго года, бывала, и впредь быть не отрекается. За недѣлю предъ Сырною недѣлею, выписанный ея мужъ отвезъ ее въ деревню Уварову, къ зятю ихъ крестьянину Егору Самойлову сыну Осетрову, въ гости, у котораго и гостила пять дней. И на 3 число сего марта, пріѣхали къ тому же зятю крестьяне деревень Крѣпостной — Григорій Коркинъ, съ дѣтьми малолѣтними — тремя сыновьями, Козьма Антроповъ, съ малолѣтнимъ сыномъ и дочерью; Утечѣй — Никита Новопашенной съ женой и малолѣтними сыномъ и дочерью, а какъ ихъ зовутъ — того не знаетъ. И во всю ту ночь они не спали, а все ходили въ сѣни, во дворъ и въ горницу и што-то стучали. Поутру, какъ разсвѣтало, между собой они разговаривали о поставленныхъ на домахъ ихъ досчечкахъ, отъ коихъ яко-бъ уже житья имъ не будетъ, потому что называютъ ихъ они антихристовою печатью. И взявъ ее за руку, тотъ Осетровъ повелъ въ горницу, гдѣ и зажгли приготовленную ими солому, отъ которой тотъ домъ загорѣлся, въ коемъ и они, т. е. зять ея Осетровъ съ женой съ своей Анной и съ дѣтьми — однимъ сыномъ Александромъ пятилѣтнимъ, съ двумя дочерьми Саломеей двулѣтней, Аграфеной полугодовой, и выписанные пріѣхавшіе ночью крестьяне Коркинъ, Антроповъ и Новопашенной съ привезенными семействами сгорѣли. А она, Дарья, отъ дыму стала по полу ползать и, по слѣпотѣ своей, ущупала руками въ подполье дыру, въ которую спустивъ ноги, и за оныя прибѣжавшимъ къ той дырѣ крестьянникомъ Михайломъ Федотовымъ вытащена и отъ сгорѣнія избавилась. Напредъ же сего, даже до самаго сожженія того дому, она, Дарья, какъ отъ того зятя

ея, такъ и отъ жены его и отъ прочихъ, бывшихъ тутъ, вышписанныхъ людей никакого къ сожженію согласія не знала, а дочь ея, дѣвка Ксенія, тутъ же съ нею была въ гостяхъ и отъ сожженія какъ освободилась, того не знаетъ, въ чемъ и утвердилась. Вторая, противъ ея показанія, дочь ея Аксинья: отъ роду ей 20 лѣтъ, живетъ она у отца своего, написаннаго крестьянина Задорина, въ дер. Шелеповой; и на третій день Великаго поста пріѣхала она къ зятю своему Егору Осетрову въ гости, а болѣе для излѣченія имѣющейся у ней въ головѣ болѣзни. И какъ зажгли тотъ домъ, то она Ксенія, увидя въ той горницѣ имѣющуюся въ низъ, въ подполье, дыру, въ которую бросаясь и подбѣжавъ къ подпольнымъ дверямъ, оныя отперла и вышла на улицу. Тогда бывшіе тутъ крестьяне, вошедши въ тою дверь, и мать ея Дарью вытащили-жъ. Въ прочемъ же во всемъ, противъ показанія матери ея, показала сходно, и въ томъ утвердилась. Третья, деревни Крѣпостной сгорѣвшаго крестьянина Григорья Коркина жена Катерина Васильева: сказанной мужъ Григорій Коркинъ послалъ ее для молотья хлѣба на мельницу, въ дер. Уварову. Тутъ же съ нею былъ отправленъ для прошенія милостыни, сынъ ихъ Аванасій; но хлѣба она не смоловши, поѣхала къ ночѣ домой, а написаннаго ея мужа и дѣтей Дмитрія восьми, Ѳодора шести, Никифора четырехлѣтнихъ, въ домѣ уже не оказалось, чего убоясь, переночевавъ ночь, а по утру, т. е. 3 числа сего мѣсяца, той деревни Крѣпостной десятнику Осипу Воинкову о томъ объявила. И послѣ того увѣдомилась, чрезъ того десятника, какъ онъ ѣздилъ съ репортомъ въ слободу Рызацкую, а сверхъ того и отъ сына своего, который ходилъ для прошенія милостыни, пріѣхавши домой, объявилъ, что тотъ ея мужъ и съ дѣтьми, вышписанными тремя сыновьями, въ дер. Уваровой, въ домѣ крестьянина Осетрова сгорѣли. Намѣренія-жъ она къ тому, напредъ сего, никогда отъ мужа своего не слыхала и не знала, а въ 782 году, по прельщенію злодѣя Мензелина, тотъ ея мужъ куда-то въ поле ѣздилъ и посланною тогда жъ командою вороченъ въ домъ свой, а злодѣя Мензелина она не видала, въ томъ и утвердилась. Четвертая, сгорѣвшаго крестьянина Кузьмы Антропова жена Авдотья Степанова дочь показала: 2-го числа сего Марта, послѣ обѣда, пришедъ она въ пригонъ ко скоту давать сѣна и съ повѣти отъ сѣна пала, и какъ она была беременна, то и повредилась, для чего и принуждена была ѣхать въ деревню Кукарскую, ко вдовѣ Матрешѣ

Шалковой, у которой и ночевала. А на завтра, т. е. 3 числа увѣдомилась через нарочнопосланнаго дер. Крѣпостной отъ десятника, что мужъ ея Кузьма Антроповъ и съ дѣтьми, сыномъ и дочерью, изъ дому убѣжали и обще-де въ дер. Уваровой съ крест. Егоромъ Осетровымъ сгорѣли. Намѣренія же къ тому сгорѣнію отъ мужа своего напередъ и никогда не слыхала и не знала, а въ 782 году, видно что по прельщенію лжеучителя Мензелина, оной ея мужъ куда-то убѣгалъ; но токмо посланною командою воровчель; а Мензелина она не видала и не знаетъ, въ томъ и утвердилась. Пятая, въ сходствіе онаго, деревни Кукарской вдовая крестьянская жена Матрена Яковлева дочь Шалкова показала, что 2 сего Марта, дер. Крѣпостной крестьянская женка Авдотья Антропова къ ней для излеченія, какъ расчиблась, точно пріѣзжала и ночевала, а по утру—не знаетъ какой чловѣкъ изъ дер. Крѣпостной пріѣзжалъ и тое женку' увезъ, въ томъ и утвердилась. Шестой, дер. Уваровой сотникъ Миронъ Максимовъ: 3 числа Марта пошедши онъ по деревнѣ, для осмотра по должности своей, и у дома крестьянина Егора Осетрова увидѣвъ домашнюю ево посуду, кади и прочее выставленные на улицу, въ чемъ онъ усунись, а болѣе что и на спрость ево отвѣту никто изъ того дому не отдасть, собравъ обывателей, вторично спрашивали и никакого отвѣту получить, дверей и оконъ отпереть не могли, а было все на крѣпко заперто. Напоследокъ же хозяинъ того дому крест. Егоръ Осетровъ сквозь окно сказалъ, во первыхъ, что заперся онъ въ домѣ своемъ, для исканія себѣ въ немъ конца отъ безвиннаго на него всклену дер. Куртанской крестьяниномъ же Алексѣемъ Шевалинымъ въ потерявшейся ево жепѣ, которую онъ Осетровъ якобы куда-то дѣвалъ; а потомъ изъяснился: звать-де, что приходитъ конецъ его жизни, въ разсужденіи томъ болѣе, что какія-то ставятъ на домахъ досчечки, и думаетъ онъ, что конечно она антихристова суцая печать, — отъ чего намѣренъ сгорѣть. И сказавъ сіе, со всѣми тутъ собравшимися крестьянами простился. Но хотя онъ Максимовъ и предстоящіе крестьяне старались его Осетрова разговаривать, чтобъ онъ намѣреніе свое отложилъ, но не смотря на ихъ увѣщеванія, пошедъ въ клѣтъ, и вдругъ тотъ домъ загорѣлся, и по бывшему того дня немалому вѣтру къ отнятію съ лица приступиться было не можно, а только неуспыннымъ стараніемъ жителей задней скотской дворъ отъ сгорѣнія снасли. Ктожь въ томъ домѣ были и сколько сгорѣло людей,

того не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые въ окно глядѣли съ нинѣ Осетровымъ, а именно: Григоріемъ Коркинъ и Козьма Антроповъ, а болѣе другихъ не видѣлъ, а равно и о намѣреніи къ сгорѣнію не зналъ же и ни отъ кого не слыхалъ. Напредъ же сего, тотъ Осетровъ въ 782 году, съ Маіа по Октябръ мѣсяцъ, видно что по прельщенію извѣстнаго лжеучителя Мензелина, въ бѣгахъ находился, а сынъ его Степанъ и отецъ его Савелей съ сыномъ же Ефимомъ въ то время потерялись, которыхъ послѣ отысканы только уже одни тѣла, закопанныя въ землѣ, въ томъ и утвердился. Седьмое, бывшіе по повѣскѣ сотника Мирона Максимова деревни Уваровой жители крестьяне Алексѣй и Никита Третьяковы, Тимошей Коркинъ, Василій и Михайло Лихаревы, Егоръ Шевелинъ, Михайло Уваровъ, Андрей Шелеповъ, Степанъ Артамоновъ, Ѳедоръ и Петръ Ѳедотовы, Козьма и Григорій Сбродовы, Михайло Кунгуровъ, Михайло и Никита Ѳедотовыхъ, Ѳедоръ и Андрей Шмонины, Осипъ Шелеповъ, Михайло Андреяновъ, Алексѣй Марковъ, Самойло Шушаринъ, Степанъ и Гаврила Коркины, Леонтіи Шевелинъ, Дмитрій Уваровъ, противъ сотника Максимова, показали во всемъ сходственно. Восьмое, жители дер. Утячей повальнымъ обыскомъ утвердился, что той деревни крестьянинъ Никита Новопащенко съ женою его Авдотей и дѣтьми Степаномъ пятилѣтнимъ и дочерью Лукерьей дву годовъ, напредъ сего жилъ въ скудномъ состояніи, на исповѣдь и къ св. причастію ходилъ. А нинѣ къ сгорѣнію изъ дому какъ бѣжали, о томъ не знали и о намѣреніи ихъ ни отъ кого не слыхали. Девятое, жители-жъ дер. Брѣностной, повальнымъ же обыскомъ утвердился, что сгорѣвшій нинѣ въ дер. Уваровой обще съ крестьяниномъ Егоромъ Осетровымъ той деревни крестьянинъ же Григорій Коркинъ съ малолѣтними дѣтьми, тремя сыновьями, Козьма Антроповъ, съ малолѣтними дѣтьми, однимъ сыномъ и одной дочерью, напредъ сего жили они въ скудномъ состояніи, на исповѣди и св. причастія бывали или нѣтъ, того не знаютъ. А въ прошломъ 782 году знаютъ, что по прельщенію лжеучителя Мензелина Козьма Антроповъ одинъ, а Коркинъ съ семействомъ куда-то уходили и посланною командою постижены и возвращены обратно въ дома свои; нинѣ же къ сгорѣнію и къ побѣгу изъ домовъ ихъ намѣренія не знали и ни отъ-кого не слыхали¹⁾.

(¹⁾ Вся сгорѣвшая, кромѣ Новопащенко, были съ Мензелиномъ на озерѣ Сазымъль.

Крестьяне и староста, не принявшіе мѣръ къ отвращенію пожара оставлены безъ наказаній, въ виду ихъ малосмысленности.

Нѣкоторые документы, кромѣ вышеприведенныхъ дѣлъ, показываютъ, что склонность къ ученію Мензелина была вообще сильно распространена въ народѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Такъ, Ялutorовскій нижній земскій судъ рапортуетъ Кашкину, что капитанъ-исправникъ Мамѣевъ сообщилъ, что 5 Января 1783 года, въ проѣздѣ его чрезъ Камышенское село, пономарь Петръ Блохинъ объявилъ ему, что жительствующій въ томъ селѣ крестьянинъ Яковъ Сунгуровъ „прельщаетъ простыхъ обоего пола людей раскольниковому душепагубному суетумудрію“. Мамѣевъ, на основаніи этого, пошелъ въ домъ къ Сунгурову и нашелъ тамъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ хозяинъ назвалъ своими родственницами и которыхъ поучалъ расколу. Удостоверившись въ послѣднемъ, Мамѣевъ „почелъ долгомъ того Сунгурова отъ заблужденія въ православіе и повиновеніе законамъ приводить; но онъ (т. е. Сунгуровъ), по имѣвшей въ себѣ затвердѣлости, отвѣтствовалъ ему: буде ихъ стануть принуждать къ обращенію въ православіе, то непремѣнно будутъ предавать себя огню и удавленію, да и что православныхъ священниковъ видѣть не хочетъ, а производимый по обряду церковному у церкви колокольный звонъ и слышать не желаетъ, и для того приказываетъ дѣтямъ своимъ въ уши своя заколачивать спицы“. Сунгуровъ былъ арестованъ и о немъ заведено дѣло, направленное въ общемъ порядкѣ; но Кашкинъ распорядился—никого по дѣлу Сунгурова къ слѣдствію не привлекать, а судить только однѣ его дѣйствія, дабы было меньше шуму и разговоровъ; „Сунгурова-же приговорить къ отсылкѣ въ работу, потому что онъ принялъ на себя санъ учительскій, ему ни по чему неподлежащій, пбо крестьянинъ есть хлѣбопахатель, а не учитель“.

Курганскій нижній земскій судъ рапортовалъ Tobольскому намістническому правленію, что 29-го октября 1783 года, при рапортѣ крестьянскаго старосты Утяцкой слободы Плотникова, присланы той слободы деревни Глѣдянки „крестьянинъ Ефимъ Худяковъ съ женою Анною Васильевой и матерью Настасьею Лукиной дочерью, да съ незнающимъ шатающимся челоувкомъ, въ зажигательствѣ самихъ себя въ домъ своемъ на 27-е число того октября въ ночи, отъ суетвѣрія, которые, въ произведенныхъ имъ того-жъ октября 29 числа въ тамошнемъ земскомъ судѣ до-

просахъ — изъ нихъ-Ефимъ съ женою и матерью единогласно показали, что они по рожденіи молитвенны, крещены и вѣнчаны православными священниками, токмо у нихъ на исповѣди и у святаго причастія отъ роду своего не бывали, а имѣли потаенной расколъ и по нынѣшней ревизіи писались въ двойной оброкъ потому, что находящіеся въ селѣ Чернавскомъ священники Алексѣй Серебряниковъ и другой Аванасей—чей пишется, не знаютъ—пьютъ вино и табакъ безмѣрно и сквернословятся, а на исповѣди бывшими писали ихъ изъ взятокъ, коимъ давали они деньгами, хлѣбомъ, свѣжнкой и холстомъ и прочимъ, что только пригодится, а въ которыя точно времена и поскольку — того не упомянуть. Когда жъ напишутъ небывшими, тогда платили они въ казну положенный штрафъ. И сего году, въ Великой постъ пріѣзжалъ къ нимъ въ деревню Глѣдянку изъ села Чернавскаго священникъ Алексѣй Серебряниковъ, коего — братъ реченнаго Ефима (Худякова) незаконнорожденный Павелъ, пятнадцатилѣтній, обратно въ то село отвозилъ, и тогда онъ его, Павла, увелъ сильно въ церковь и чрезъ устрасіе исповѣдалъ и причастилъ. Да послѣ того, въ вешнее время пріѣзжая оной священникъ въ тое деревню, устращивалъ ихъ усиленнымъ приведеніемъ къ церковному покаянію; но какъ они имѣютъ расколъ и въ церковь ходить не желаютъ, — убоясь того устрасія, дабы тотъ священникъ, также ихъ какъ и Павла, не принудилъ исповѣдываться и приобщаться, — согласились въ домъ своемъ сгорѣть, и для того, таясь постороннихъ людей, неуримѣтнымъ образомъ приготовили дому ихъ въ горницѣ, въ подпольѣ, сосновыхъ дровъ, береста и соломы. Только тогда они не сгорѣли и все то приготовленіе въ горнишномъ подпольѣ лежало до нынѣшняго времени и та горница была заперта и въ нее сторонніе никто не ходили. А назадъ тому недѣли съ четыре, выписанный-же священникъ Серебряниковъ пріѣзжалъ къ нимъ въ домъ и устращивалъ ихъ, — и какъ-де нынѣшняя ревизія окончается, тогда-де онъ будетъ надъ ними власть имѣть, а командирамъ-де вашимъ никакого дѣла нѣтъ, — изъ за чего они болѣе къ сожженію себѣ и умиселъ стали имѣть, и на прошедшей недѣлѣ, въ горницѣ полъ — изъ нихъ — Ефимъ напарьей извергълъ, и въ четвертокъ ночью, то есть, на 27 число октября намѣрены были сгорѣть; но того дни, въ вечеру, пришедъ къ нимъ въ домъ ходящей по міру для испрашиванія милостыни, города Кургана подгородной деревни Брюковой крестьянинъ Василей Лѣс-

никовъ, для ночнаго наслегу, коему они приказали почевать въ избѣ; а отъ наслегу не отказали для того, чтобъ какъ онъ, такъ и сторонніе люди о ихъ намѣреніи къ сожженію не узнали. Они же, Ефимъ съ матерью, съ женою и со всѣми малолѣтними дѣтьми: Иваномъ десяти, Алексѣемъ восьми, Антономъ пяти, Дмитріемъ двухъ и дочерью Крестиною шестилѣтнею, кромѣ Павла, который находился тогда въ Утацкой слободѣ при мирской конторѣ въ караулѣ, ушедъ въ горницу, заперлись на крюкъ и въ имѣющіеся у оконъ ставни уперли шестью, и пошедъ — изъ нихъ — Ефимъ подѣ полѣ, приготовленное тамъ бересто и прочее зажогъ. И какъ все то загорѣлось, такъ имъ стало душно, чего они не стерпя, двери горнишныя отперли и вышедъ изъ горницы вонъ, огонь стали заливать водою, что узнали и сторонніе, живущіе въ сосѣдствѣ съ ними люди, прибѣжавъ къ нимъ въ домъ, огонь утушить пособили. А вышеписанный нищій и незаконнорожденный Павелъ и сторонніе люди никто о томъ ихъ намѣреніи къ сожженію не знали и не научали, напротивъ чего и они къ тому никого не подговаривали; у раскольничьихъ-же поповъ ни у кого они не исповѣдывались и не причащались, да и у православныхъ священниковъ за невоздержаніемъ ихъ, исповѣдываться и приобщаться святыхъ таинъ и въ церковь Божію ходить на молитву не желаютъ; а къ сожженію огнемъ себя впрядь намѣренія не имѣютъ. А вышеписанный курганской деревни Брюковой крестьянинъ Василій Лѣсниковъ показалъ, что по немиліиному дому своего и за невозможностію по болѣзни его работать, пытается между дворами подаіемъ отъ народу милостыни. Расколу и на церковь Божію и на священноцерковнослужителей сумнѣнія никакого не имѣетъ... „Въ 26 число октября, пришедъ онъ въ деревню Глѣдянку, выпросился почевать у крестьянина Ефима Худякова, которой и домашніе его, для ночнаго наслегу, въ домъ ихъ пустили и велѣли ему почевать въ избѣ, почему онъ, Лѣсниковъ, и легъ спать въ той избѣ на палати; а хозяйинъ съ матерью, женою и дѣтьми ушли всѣ въ горницу. И какъ онъ, Лѣсниковъ, уснулъ, то наприимѣръ около полуночи пробудясь, услышавъ въ горницѣ крикъ, и для того вставъ, отперши избныя двери, увидѣлъ дымъ и оной хозяйинъ Худяковъ, со всѣми домашними изъ горницы выбѣжалъ и сказалъ, что нечаянно ребята заронили, и тогда прибѣжавъ сторонніе люди и увидѣвъ ихъ къ сожженію умыселъ, огонь утушили, а ихъ всѣхъ перехватили“...

Тобольское наместническое правленіе отослало 25 ноября Худякова съ матерью и женою въ Бурганскую нижнюю расправу „на разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ она, не чиня о семъ изслѣдованія, а паче, не забирая къ тому таковыхъ же простодушныхъ и немсленныхъ заблуждающихся въ православіи крестьянъ, дабы чрезъ таковой заборъ не навлечь больше страха, а и самопроизвольной ниъ гибели, выслала-бъ того крестьянина Худякова съ женою и съ матерью въ Тобольскъ, за присмотромъ, единственно для одного отъ священнаго писанія истолкованія“... и т. д.

Не смотря на увѣщанія тобольскаго епископа Варлаама, Худяковъ съ женою и матерью остались въ своемъ заблужденіи непоколебимы и возвращены въ курганскій нижній земскій судъ, при указѣ наместническаго правленія, дабы означенныхъ лицъ, „по приводѣ, ни мало не держа подъ карауломъ, отпустить въ ихъ жительство; а чтобъ отъ сего Худякова, такъ какъ отъ закоренѣлаго въ заблужденіи отъ церкви святой, не могло происходить правотѣрнимъ какихъ либо пустыхъ толковъ, а паче и противныхъ церкви святой развратовъ, въ томъ—о имѣніи за нимъ неослабнаго наблюденія, кому надлежитъ, учинить строжайшее подтвержденіе“. Съ этимъ рѣшеніемъ Кашкинъ не согласился и предписалъ: „передать сказаннаго Худякова сужденію порядкомъ уголовного суда“. Какое-же послѣдовало окончательное по этому предмету рѣшеніе, изъ дѣла не видно.

За симъ, дабы ближе ознакомить со взглядомъ Кашкина на расколъ и мѣры къ его искорененію, мы приводимъ три письма его къ тобольскому преосвященному Варлааму и предложеніе Тобольскому наместническому правленію.

„Преосв. владыко, Мил. Гос. мой!

„Изъ полученнаго мною изъ Тобольскаго наместническаго правленія 24 числа ноября увѣдомленія и изъ приложенныхъ при ономъ копій съ доношеніевъ, поданныхъ въ Ялуторовскій нижній земскій судъ разныхъ той округи селеніевъ отъ крестьянъ, называемыхъ раскольниками, усмотрѣлъ я, что приходскіе священники, по поводу имяннаго Е. И. В. отъ 20 іюля прошедшаго года указа о'несобираніи какъ съ городскихъ, такъ и съ сельскихъ жителей двойнаго оклада, приходи насильно въ дома тѣхъ раскольниковъ, принуждаютъ ихъ съ угрозами ходить въ церковь, исповѣдываться и св. таинъ пріобщаться и требуютъ, дабы они дѣтей своихъ давали для крещенія“.

„А какъ такое своеволие и дерзновенные поступки священниковъ не только неприличны ихъ должности и не соотвѣтствуютъ возложенному на нихъ званію, которое по словамъ святаго писанія слѣдуетъ имъ проходить съ кротостію, долготерпѣніемъ и снисхожденіемъ, но и противны вышепомянутому Высочайшему 782 года іюля 20 дня указу. Ибо въ ономъ, хотя и не изображено, что состоявшимъ въ двойномъ окладѣ, по снятіи онаго, не должно, въ разсужденіи правилъ святаго церкви дѣлать со стороны духовной какое либо насильство и принужденіе, однако разсуждаю я, что для ослѣпленныхъ расколомъ невѣждъ такое правило необходимо нужно, тѣмъ паче, что одно насильство и принужденіе, безъ твердыхъ и основательныхъ предлагаемой истинны причинъ, не только не произведутъ никакого душеспасительнаго и съ намѣреніемъ премудрой не о временномъ только, но и о вѣчномъ спасеніи нашемъ декущейся Всемилоостивѣйшей всероссійскія Государыни согласнаго въ сердцахъ ихъ дѣйствія и не истребятъ изъ нихъ вкоренившася заблужденія, но могутъ еще быть поводомъ къ большому суевѣрію, разврату и утверженію въ прежнемъ ихъ раскольниковомъ зловѣріи, ибо они, кромѣ принужденія къ соединенію съ православною церковію, не видя никакихъ ясныхъ и убѣдительныхъ увѣреній, прелесть и заблужденіе ихъ изобличающихъ, непремѣнно остаются будутъ въ такомъ мнѣніи, что наше православіе не имѣетъ твердаго основанія, а ихъ раскольническое мудрованіе есть правильно и не противно Божію закону, и лучше согласится предать себя огню или водѣ (какъ таковыя плачевныя и крайняго сожалѣнія достойные случаи не въ одномъ мѣстѣ и по однажды уже и открылись), нежели имѣть сообщеніе и быть въ соединеніи съ православнымъ христіанскимъ обществомъ. А хотя бъ и могло такое случиться, то таковыя люди, не имѣя силъ устоять противъ дѣлаемаго имъ насильства и принужденія и не желая прѣкратить преждевременно теченіе своей жизни самопроизвольною смертію, вступятъ въ число православныхъ, но сіе вступленіе почитаю я не иначе какъ за ложное и лицемерное, а не отъ внутренняго усердія происходящее и что по одной только наружности будутъ показывать яко-бъ держатся истиннаго христіанскаго православія, сердцемъ же своимъ и мыслию останутся при первомъ своемъ глупомъ суевѣрїи“.

„Сказанный высочайшій указъ, до изданія котораго сіи суевѣры какъ бы

особенно нѣкоторое и отъ прочихъ отдѣльное составляли общество, все-милостивѣйше обнародовать съ такими по мнѣнію моему нагѣреніемъ, дабы они свободнѣе нежели прежде обращаясь между истинными сынами святца православныя греческія церкви и платя равныя съ ними государственныя подати, тѣмъ скорѣе могли очувствоваться и принѣтити свое заблужденіе, и оставя оное, обратились бы на истинный путь, къ спасенію ведущій“.

„Въ разсужденіи чего вашего преосвященства и прошу всеѣмъ епархіи ввѣреннымъ руководству вашему священноцерковнослужителямъ, а наипаче тѣхъ приходоѣвъ, въ которыхъ болѣе усмалось зловредное раскольническое ученіе, накрѣпчайше подтвердить, дабы они тѣмъ прельщеннымъ отнюдь не чинили ни малѣйшаго насильства, притѣсненія, обидъ и принужденія, но собравъ все свое терпѣніе, поступали-бы съ ними благосклонно, тихо, ласково, снисходительно, стараясь исправить ихъ по слову св. апостола Павла, духомъ кротости и отъ заблужденія отвращать скромнѣйшимъ и тихимъ образомъ, утверждая ученіе и увѣщаніе свое колико твердыми, разумительными, на священномъ писаніи и на правилахъ святыхъ отецъ основанными доводами, толико и собственнымъ примѣромъ честнаго и незазорнаго своего поведенія“.

„Въ Пермѣ, 8 октября 1783 г.“.

„Пресв. владыко, М. Г. мой! Три сообщенія вашего преосвященства я получилъ: 1) отъ 21 октября, что заблуждающіеся пребываютъ въ прежнемъ своемъ упорствѣ и что вашему п-ву угодно знать моего мнѣнія, какимъ образомъ извѣстить Уфимскую и Колыванскую губерніи, дабы бродящіе подъ названіемъ священниковъ люди не имѣли свободы посѣвать плевельныя свои ученія, 2) отъ 27, съ приложеніемъ выписки, на какомъ основаніи изъ консисторіи руководства вашего ко всеѣмъ духовнымъ начальствамъ наставленія отправлены, 3) отъ 28, съ прописаніемъ указа изъ Прав. Синода, по поводу сгорѣвшихъ Ишимской округи въ деревнѣ Кабаковой крестьянъ и какія по тому поводу отъ вашего п-ва повелѣнія отправлены, — изъ коихъ послѣдніе два съ благодарностію моею для свѣдѣнія моего приѣмлю, а на первое честь имѣю отвѣтствовать:

Что отпадшіе отъ церкви, по поводу суемудренныхъ ихъ толкованій, основываясь въ оныхъ на старинныхъ книгахъ, до бытія патриарха Никона изданныхъ и на Стоглавникѣ остаются при прежнихъ ихъ правилахъ, тому

я ни мало не удивляюсь, ибо когда человекъ или нѣкоторое число оныхъ отступя отъ общественныхъ правилъ, предвообразятъ особенныя, изъ собственномуудрїа своего истекшія, для снисканія тѣмъ якобы истиннаго пути ко спасенію ведущаго, и тѣмъ удова невѣдущихъ нивакихъ правилъ людей, привлекаютъ ихъ ко усердному принятію оныхъ, то такое вліяніе въ человѣческія души ученіе, хотя суемудренное и неистовое въ глазахъ просвѣщеннѣйшихъ, переходя между простыми людьми изъ роду въ родъ, тѣмъ сильнѣе укрѣпляется, что прїемлемо было не посредствомъ разсужденія, но слѣпымъ токмо подражаніемъ, а хотя нѣкоторые изъ оныхъ обучались письменамъ, но съ малолѣтства наставляемые въ тѣхъ же самыхъ правилахъ, таковыми познаніемъ не только не приближаются къ признанному отъ всего христіанскаго общества истинному пути, но тѣмъ паче при первоначальныхъ своихъ предразсужденіяхъ остаются, учинясь первенствующими въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ суемудріе вмѣсто истины принимается и тѣмъ получая предпочтеніе, пользуются многими выгодами, ихъ состоянію несвойственными.

Сходно сему примѣру представляются мнѣ не токмо въ предѣлахъ сибирскихъ отпадшія общества отъ церкви Христовой, но и во всѣхъ мѣстахъ обитаемой вселенной, гдѣ слово Спасителя нашего Іисуса Христа проповѣдуется, въ чемъ послышку сдѣлать можно и на самодревнѣйшія бытія, даже и до временъ апостольскихъ, а святая церковь, созданная на краеугольномъ камени, ея же и врата адовы не одолютъ, отъ таковыхъ, въ томъ числѣ и усильственнѣйшихъ противоборствовавіи отъ одного времени до другаго, тѣмъ только вящшую твердость и сіяніе пріобрѣтала, каковыя, по прежнимъ бытіямъ извѣстныя обстоятельства нечувствительно привлекаютъ человѣчскій разсудокъ къ восторгу, наполненному удивленіемъ и непостижимостію, и съ изрѣченіемъ по примѣру царя Давида: дивны дѣла твои Господи, и кто исповѣдать можетъ глубины судебъ твоихъ!“

„Посредствомъ же прежде бывшихъ происшествій почерпаются примѣры, каковымъ образомъ, въ настоящее представляющихся дѣлахъ поступать и какія употребленныя средства были наиспособнѣйшія къ достиженію въ желаемомъ предметѣ, а въ таковыхъ ваше п-во усмотрѣть изволите, что скоровременное и наглое настояніе, уподобясь насильству, не токмо въ семъ дѣлѣ желаемаго плода не принесетъ, но и произвестъ можетъ новыя и нео-

жиданныя затрудненія, ибо челоуѣческій умъ, бывшій долгое время въ развращенномъ неантїи по какому-бы то ни было предмету, а паче въ наглавиѣйшемъ до спасенія души касающемся, никакъ не можетъ въ короткое время и посредствомъ нѣкоторыхъ настояній, напоминающихъ только о истинныхъ правилахъ, превращенъ быть, а ежели таковой способъ получить гдѣ либо желаему пользу, то съ увѣреніемъ можно сказать, что то общество несправедливо причиталось къ числу яко-бы отпадшихъ отъ святой церкви, а было только въ нерадѣніи къ исполненію предписанныхъ каждому христіанину должностей; которые же отторгнулись по предразсужденію и по примѣру своихъ предковъ съ давнихъ временъ, то ежели-бъ оныя и объявили, что возвращаются нынѣ къ святой церкви, прїемля правила ея неоспоримо, то таковое объявленіе, по моему мнѣнію, не есть вѣродостоинно, ибо несвойственно невѣждѣ, закоренѣлому въ своеобразныхъ своихъ правилахъ переходить толь скоровременно изъ тѣмъ невѣдѣнія къ истинному просвѣщенію, на что потребно время, а со онымъ нечувствительно идущее общественное просвѣщеніе всѣхъ соживущихъ, кроткое и благоразумное настояніе церковныхъ учителей, ведущихъ порученную паству по словеси Спасителя нашего и по правиламъ святыя церкви. Доколѣ же сіе желаемое время не придетъ, то ко избѣжанію вящаго зла, каковое родиться можетъ отъ недостаточныхъ изъясненій Божіа слова отъ священниковъ и прочихъ церковнослужителей, въ богословіи недовольно наученныхъ, а потому и маломощныхъ къ ясному и на доводахъ основанному опроверженію лжеучительскихъ толкованій, то не угодно-ли будетъ вашему пр-ву по прежде-преподанному мною соразсужденію, запретить таковымъ священно и церковнослужителямъ ни въ какіе споры и разсужденія съ лжеучителями не вдаваться, а ежели въ томъ надобность настоять будетъ, то избирать искусныхъ и испытанныхъ мужей, дабы истина Божія весьма не была попраіа семуудріемъ“.

„Что принадлежитъ до прїѣзжающихъ въ образѣ священниковъ по селеніямъ отпадшихъ обществъ, то всякое, чинимое онымъ насильство можетъ подать только поводъ къ раздраженію закоренѣлыхъ въ лжемудріи людей и тѣмъ самымъ произвести пагубныя предпріятія, каковыя уже двоекратно и означивсь; и для того, разсуждаю я, къ пресѣченію способовъ къ объѣздамъ сихъ людей употребить нижеслѣдующее средство: Ежели гдѣ изъ

опредѣленныхъ заказчиковъ (о которыхъ я понимаю, что оны поступать будутъ въ семь дѣлъ не по пристрастіямъ, а по истинному усердію порученнаго сана) провѣдаютъ, что гдѣ либо знаменитый служитель ереси, объѣзжая развращенное стадо, укрѣпляетъ оное своими наученіями, то немедленно о томъ даютъ знать капитану исправнику той округи, съ требованіемъ, дабы онъ по должности своей разсмотрѣлъ пребываніе его въ той округѣ и съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣхалъ, имѣеть-ли узаконенный паспортъ и отъ кого именно, и промыселъ его, въ которомъ онъ по его округѣ обращается — свойственъ ли его роду или нѣтъ; а по такому разсмотрѣнію въ нижнемъ земскомъ судѣ, пекущемся по званію своему о благочиніи во всемъ уѣздѣ и имѣющемъ довольное наставленіе, по предположеніямъ моимъ въ прошедшемъ году преподааннымъ на подобныя случаи, если изобличенъ будетъ что бродяга, а паче безъ узаконеннаго паспорта, то есть безъ печатной покормешной, то отсылается къ сужденію въ нижнюю земскую расправу, которая свой приговоръ чинитъ по узаконенію; каковымъ способомъ лжеучитель отъ вреднаго намѣренія удержанъ быть можетъ безъ озлобленія и лжемудрія, да и церковныя служители не будутъ въ глазахъ ихъ казаться яко-бы гонителями старой ихъ вѣры“.

«Относительно до извѣщенія губернскимъ правленіямъ Колыванской и Уфимской губерній къ пресѣченію подобныхъ лжетолкованій, то какъ каждая губернія имѣеть свои постановленныя власти посредствомъ которыхъ всякое дѣло въ исполненіе приводится, то и несвойственно мнѣ кромѣ порученныхъ губерній брать каковое-либо въ томъ соучастіе въ другихъ, и для того, не угодно ли будетъ вашему и-ву отъ себя онымъ сообщить съ приложеніемъ указа изъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ прописано вѣдѣніе изъ Прав. Сената съ утвержденіемъ учиненнаго мною по Тобольской и Пермской губерніямъ распоряженія, что однако предано болѣе собственному вашему разсмотрѣнію. . . Въ Пермѣ, ноября 19 дня 1783 года“.

„Преосв. владыко, М. Г. мой! По поводу полученнаго мною сообщенія вашего преосвященства на учиненное отъ меня предписаніе тюменской округи капитану исправнику, каковъ я получилъ отъ него рапортъ, съ онаго при семъ препровождаю засвидѣтельствованную копию, изъ котораго ваше пр-во усмотрѣть изволяте, коль мало нижніе духовныя чины капитаны благонравіемъ, не повинуются не токмо правиламъ чину ихъ предписаннымъ,

ниже наставленія свят. прав. синода и повелѣніямъ вашимъ, а единственно корыстолюбіемъ и мщениемъ будучи ослѣплены, не предусматриваютъ, что волненію заблуждающихся въ правовѣрїи, а отъ того и происходившимъ сумасброднымъ предпрїятіямъ, главною причиною суть употребленныя ими примѣтки (sic) къ раскольникамъ, а потому за долгъ и почитая вашего преосвященства покорѣннѣе просить противъ описанныхъ поступковъ сельскихъ духовныхъ чиновъ принять должныя и дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію вчиняемыхъ ими дерзновеній въ противность учиненныхъ и впредь чинимыхъ предписаній, безъ чего какъ духовныя такъ и свѣтскія власти безконечно обременены будутъ слѣдствіями означенныхъ вновь волненій въ простомъ и въ правилахъ закона колеблющемся народѣ, по недовѣрїю къ соживущему церковному причту“.

„А хотя довольно извѣстно мнѣ, что суровыя поступки къ пресѣченію въ духовномъ чинѣ такового злоупотребленія съ природною кротостію вашего преосвященства несовмѣстны и слѣдующимъ вами правиламъ свойственны быть не могутъ, однако, на случай оказывающагося въ малопросвѣщенныхъ людяхъ упрямства и предписаннымъ отъ высшихъ правительствъ повелѣніямъ противности необходимо нужно, яко лѣкарство, хотя и весьма вкусу природному противное, но необходимо нужное для сохраненія поврежденнаго отъ болѣзней тѣла, въ каковомъ видѣ и признается благотвореніемъ“.

„Въ разсужденіи чего, ежели позволите мнѣ, то предпшю нижнимъ земскимъ судамъ, дабы оныя коль скоро свѣдаютъ, что кто либо изъ сельскихъ священно и церковнослужителей дѣлаетъ разнаго рода примѣтки къ тѣмъ изъ сельскихъ жителей, которые въ церковь Божию ходятъ отрицаются, то таковой поступокъ изслѣдовавъ и избличивъ посредствомъ постороннихъ безпристрастныхъ свидѣтелей съ обстоятельнымъ описаніемъ онаго отправляли таковыхъ священно и церковнослужителей въ Тобольскую духовную консисторію, каковое отлученіе отъ домовъ, неминуемо переѣзды и достодолжное поученіе въ бытность ихъ въ Тобольскѣ могутъ можетъ быть произвестъ то желаемое дѣйствіе, котораго, при всѣхъ чинимыхъ предписаніяхъ, какими бы нравоучительными поученіями оныя наполнены ни были, достигнуть было не можно“.

„Въ Tobольскѣ, 26 Генваря 1784“.

Тобольскому намѣстническому правленію
предложеніе.

„Просмотрѣвъ увѣдомленіе намѣстническаго правленія отъ 12 числа сего мѣсяца, подъ № 381, къ великому удивленію моему усмотрѣлъ я изъ онаго, что Ишимской округи капитанъ-исправникъ, по поводу сообщенія изъ Ишимскаго духовнаго правленія о оказавшемся въ развратѣ отъ святой церкви капралъ Михеевъ и о крещеніи новорожденныхъ младенцевъ безъ священства производилъ о томъ на мѣстѣ слѣдствіе, а тѣмъ самымъ и вступилъ въ такое дѣло, которое до него ни мало не принадлежитъ, ибо какъ всѣ таковыя дѣла относятся непосредственно къ разбирательству духовныхъ властей; капитанамъ же исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ, въ изданныхъ отъ меня по случаю расколовъ подробныхъ наставленіяхъ, точно предписано дабы брать соучастіе токмо по дѣламъ до благоустройства и спокойствія принадлежащимъ, дѣла же о законѣ (духовномъ)? ни къ какому суду изъ гражданскихъ по всѣмъ узаконеніямъ не подходятъ, тѣмъ же менѣе къ нижнимъ земскимъ, для благочинія по уѣздамъ и для исполненія учрежденнымъ, то и надлежало-бы капитану исправнику, какъ того, оказавшагося въ расколѣ, такъ и тѣхъ, которые сами собою крестили младенцевъ, препроводить, егда потребуютъ духовные чины, къ разсмотрѣнію въ духовное правленіе, наблюдая при томъ, дабы отсылаемые въ оное ни подъ какимъ видомъ долговременно задерживаны и чрезъ то отъ домашнихъ своихъ работъ отлучаемы не были. А еслибъ духовное правленіе, не имѣя власти приступить къ рѣшительному о нихъ положенію за нужно почитало отправить таковыхъ людей въ Tobольскъ, то нижній земскій судъ, или капитанъ-исправникъ, получа о томъ сообщеніе, долженствуетъ представить намѣстническому правленію и ожидать повелѣнія, а не самому собою оныхъ отправлять, отлучая отъ промысла и домоводства на немалое время, ибо намѣстническому правленію извѣстно колкое число раскольниковъ въ предѣлахъ Tobольской губерніи обитаетъ, то если всѣхъ таковыхъ отсылать по городамъ для слѣдствіевъ, то многія селенія совсѣмъ пусты останутся и произойдетъ изнуреніе токмо жителей безъ всякой пользы; ибо люди, долгое время въ заблужденіи истиннаго познанія въ законѣ пребывшіе, могутъ ли, съ вѣроподобіемъ судя, посредствомъ вчиняемыхъ слѣд-

ствій и пересмылокъ, на путь истинны приведены быть? Но по моему мнѣнію, будучи тѣмъ болѣе раздражаемы, почитать будутъ таковой съ ними поступокъ яко мученическое страданіе за вѣру и получать поводъ къ предпріятію крайнихъ средствъ, каковыми уже отъ безразсудности ихъ двоекратно означились къ погибели многихъ невинныхъ изъ рода человѣческаго“.

„Сверхъ того, какъ въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 9 числа сентября сего года изображено, что въ дѣлахъ, касающихся до раскола, надлежитъ употреблять людей грекороссійскаго исповѣданія, то поелику капитанъ-исправникъ Ишимской округи есть исповѣданія лютеранскаго, то и не надлежалобъ ему приступать ко изслѣдованію вышесказаннаго дѣла о чемъ, какъ ему, такъ и другимъ, ему подобнымъ, по силѣ того указа, благоволятъ сдѣлать свое предписаніе“.

„На прошедшихъ дняхъ получилъ я три сообщенія отъ преосвященнаго Варлаама, епископа Тобольскаго на которыя каковъ посланъ отъ меня его преосвященству отвѣтъ—съ онаго препровождаю при семъ засвидѣтельствованную копию, съ тѣмъ чтобъ намѣстническое правленіе, въ силу онаго, благоволило учинить всѣмъ городничимъ и капитанамъ-исправникамъ секретныя предписанія, присовокупя къ тому и указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ его преосвященству Варлааму, епископу Тобольскому (каковаго ежели въ правленіи не имѣется, то отъ его преосвященства изтребовать копию), которымъ предписано, какимъ образомъ священно-церковнослужители, въ увѣщеваніи заблудшихъ, по увѣздамъ поступать должны, дабы городничіе и нижніе земскіе суды, соображаясь оному указу, требованія духовныхъ правленій могли приводить въ исполненіе, а ежели усмотрятъ, что поступки священно-церковнослужителей оному въ чемъ либо противны, то немедленно доносили бы о томъ намѣстническому правленію“.

„Евгеній Кашкинъ“.

„Въ Пермь, ноября 25 дня 1783 года“.

Дѣла, присланныя въ Пермь изъ Екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторы, по требованію Кашкина, также не лишены интереса, а пототому считаемъ не лишнимъ привести вкратцѣ сущность наиболѣе важныхъ изъ нихъ.

1) Въ ноябрѣ 1750 года, преосвященному Сильвестру, архіепископу Тобольскому, заказчикъ протопопъ Кирило Яковлевъ донесъ, что десято-

начальникъ Нижнетагильскаго завода священникъ Дмитрій Петровъ Ланинъ увѣдомился о черномъ раскольничьемъ попѣ Савастьянѣ, „который главный раскольничій лжеучитель и многіе языки знаетъ, къ тому же превеликій волхвъ“; что онъ живетъ въ Нижнетагильскомъ заводѣ въ Рудянской улицѣ, и потому онъ, попъ Ланинъ, собравъ нѣсколько людей, ходилъ къ нему въ келью, съ тѣмъ, чтобъ его взять. И дѣйствительно, „его и еще другаго чернеца нашелъ и взялъ; но при томъ взятіи сдѣлалась тревога: приказчикъ того завода Махотинъ и полицейскую должность правящій слугитель Лебедевъ оныхъ раскольниковъ отбили и десятона начальника, священника Ланина, и бывшихъ съ нимъ прибили“.

На основаніи этого извѣстія, по требованію его преосвященства, отъ Тобольской губернской канцеляріи отправленъ былъ на заводъ унтеръ-офицеръ съ командою, съ тѣмъ, чтобъ взять помянутыхъ выше раскольниковъ и ихъ сообщниковъ, а также и тѣхъ, кои ихъ отъ десятона начальника отбили, подъ стражу, привезти въ Тобольскъ и представить въ Тобольскую губернскую канцелярію.

Посланный унтеръ-офицеръ, прибывъ въ Нижнетагильскій заводъ, забралъ многихъ подъ караулъ, въ томъ числѣ и приказчика Махотина съ полицейскимъ служителемъ Лебедевымъ, а также жившихъ въ принадлежащей Выйскому заводу деревнѣ Вогульской трехъ раскольничьихъ старицъ; „но при-томъ надѣлалъ тамо и множество своевольства: грабилъ дома, насильствовалъ женщинъ, и тѣмъ принудилъ многихъ, оставивъ свои дома, разбѣжаться“.

Невьянская заводская контора, яко главная всѣхъ Демидова заводовъ контора, принесла о томъ жалобу въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, которая вступилась въ сіе дѣло, отправила отъ себя на Нижнетагильскій заводъ офицера, яко депутата съ заводской стороны, а отъ Тобольской губернской канцеляріи требовала, чтобъ о порядкахъ, унтеръ-офицеромъ произведенныхъ изслѣдовать, взятыхъ подъ стражу людей въ Тобольскъ не забирать, а слѣдовать и объ оныхъ на мѣстѣ; для розыску же чтобъ присланы были въ заводскую канцелярію, потому что заводы и принадлежащіе къ нимъ жители не подсудны Тобольской губернской канцеляріи, но канцеляріи главнаго заводовъ правленія“. Тобольская консисторія между тѣмъ непрестанно требовала, чтобъ взятыхъ подъ стражу при-

слать въ консисторію. Канцелярія главнаго заводоу правленія рѣшила наконецъ отдать, для отправленія въ Тобольскъ, тѣхъ изъ взятыхъ подъ караулъ, кои оказались бѣглыми и по Нижнетагильскому заводу въ окладъ не положены.

„По многимъ перепискамъ и дракамъ между Екатеринбургскою и Тобольскою командами, нѣсколько изъ сихъ взятыхъ раскольниковъ, кромѣ приеазчика, приведены въ Тобольскъ, распрашиваны“, внились въ разныхъ преступленіяхъ по расколу и въ побѣгахъ и наконецъ отосланы въ Екатеринбургъ, гдѣ и суждены были въ конторѣ земскихъ и судныхъ дѣлъ. Но гдѣ именно были ихъ раскольниковы тайные притоны, изъ дѣла не видно, ибо ни въ Тобольской канцеляріи, ни въ Екатеринбургской конторѣ, ни въ духовной консисторіи они объ этомъ и спрашиваны не были. Изъ нѣкоторыхъ показаній только видно, что бѣгле раскольники и ихъ монахи жили по лѣсамъ около Нижнетагильскаго и Черноисточенскаго заводоу.

Изъ Тобольской консисторіи, въ разные времена, какъ изъ этого жѣ дѣла видно, отсылаемы были для розысковъ и для наказанія въ Тобольскую губернскую канцелярію Екатеринбургскіе и шарташскіе жители, обвинявшіеся:

Лаврентій Свинобоевъ въ томъ, что много лѣтъ потаенно принадлежалъ къ расколу, исповѣдывался у раскольниковыхъ поповъ, взялъ себѣ жену отъ живаго мужа, тобольскаго посадекаго Нечаева и совратилъ еѣ въ расколъ.

Яковъ Свинобоевъ съ женою — въ неприятии обѣ оставленіи раскола увѣщанія отъ архіерея и въ отвращеніи своего сына отъ святой православной вѣры.

Иванъ Елтышевъ да дѣвка Анна — въ склоненіи правовѣрнаго Екатеринбургскаго крестьянина Ивана Рѣзанова въ расколъ.

Семень Парфеновъ — въ упорномъ содержаніи раскола, въ исповѣди и причастіи и въ крещеніи младенцевъ у раскольниковыхъ поповъ.

Дмитрій Шадринъ и Алексѣй Вурашниковъ — въ томъ, что вѣнчались и дѣти ихъ крещены раскольниковыми бѣглыми попами, въ укрывательствѣ тѣхъ поповъ и въ храненіи у себя раскольническаго причастія.

Иванъ Андреевъ сынъ Косовъ — въ квакерской ереси, въ исповѣди и причастіи у раскольниковскаго попа Варламія, при чемъ онъ показалъ о намѣреніи раскольниковъ бѣжать въ Польшу, Вухарію и Кантосишинскую (?)

землю; „а какъ-де онъ Косовъ походитъ лицомъ (?) на бѣлаго квакера, московскаго купца Осипова, котораго публикованнымъ указомъ велѣно сыскивать, то и представлено о семъ правительствующему сенату“.

Всѣ сіи раскольники въ 1753 году отосланы были въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, которою дѣло это поручено было земской конторѣ; а сія опредѣлила: „Лаврентія Свинобоева наказати кнутомъ и съ вырѣзаніемъ поздрей отослать въ Нерчинскъ въ работу вѣчно; жену его для опредѣленія въ монастырь или для отдачи первому мужу, отослать въ Консисторію; Косова, въ сходствѣ съ бѣглицъ квакеромъ Осиповымъ, освидѣтельствовать; прочихъ освободить на поруки“.

2) Екатеринбургская ротныхъ дѣлъ контора Екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторѣ рапортомъ донесла, что „содержащійся въ тюрьмѣ разбойникъ и церковный тать Иванъ Кудрявцевъ изъ тюрьмы бѣжалъ и опять пойманъ. „На основаніи этого, Екатеринбургская земскихъ и судныхъ дѣлъ контора 3 Октября 1774 года „опредѣлила онаго Кудрявцева за побѣгъ изъ тюрьмы распросить кнутомъ“. Кудрявцевъ подъ кнутомъ показалъ, что бѣжалъ съ намѣреніемъ уйти въ кельи, построенныя по близости Черноисточенскаго завода статскаго совѣтника Никиты Акинфиевича Демидова, вверху пруда, въ лѣсу; а живутъ въ нихъ старцы Михайло и Филиппъ съ товарищи, всего до 50 человекъ, въ томъ числѣ казаки съ Дону, поляки (?) и прочіе люди; а настоятель у нихъ отецъ Максимъ, и подлинность этого можетъ подтвердить выпущенный изъ тюрьмы жившій тогда въ Екатеринбургѣ Черноисточенскаго завода житель Козьма Лопаницынъ и всего того Черноисточенскаго завода жители и приказчикъ. Сысканный Лопаницынъ показалъ, что „когда былъ въ тюрьмѣ, то на вопросъ Кудрявцева, онъ, Лопаницынъ, ему сказалъ, что когда онъ изъ тюрьмы бѣжить, а Лопаницына выпустятъ, то онъ (Лопаницынъ) доведетъ его до келии, гдѣ живутъ старцы, въ лѣсу, въ верхъ пруда Черноисточенскаго завода, верстахъ въ десяти, а отъ Невьянскаго въ тридцати, и что о томъ знаютъ заводской приказчикъ Поповъ, лѣсной надзиратель Абрамъ Шмелевъ; жители Степанъ да Исая Гладкихъ, да и прочіе многіе обыватели“.

11 Октября 1774 года представленъ о вышеизложенномъ рапортъ бывшему тогда въ Екатеринбургѣ „главному командиру“ полковнику Ви-

бикову. Въ 1775 году послѣдовалъ изъ канцеляріи главнаго заводоу правленія указъ екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторѣ, изъ котораго видно, что Вибииковъ посылалъ на Черноисточенскій заводъ команду для сыску укрывающихся въ кельяхъ людей, которая и нашла тамъ трехъ раскольниковыхъ монаховъ, назвавшихся Макаріемъ, Германомъ и Феодосіемъ, и двухъ простыхъ раскольниковъ, крестьянъ Вѣлослудской слободы Михаила Овчинникова и Казанской губерніи деревни Вунчуги Іуду Степанова, которые и присланы въ екатеринбургскую земскихъ и судныхъ дѣлъ контору, гдѣ были допрошены и показали:

Макарій — изъ крестьянъ Нижегородской губерніи, Михайло Труновъ, отъ роду имѣть 60 лѣтъ; въ малолѣтствѣ сведенъ матерью на Иргинскій Осокина заводъ, а оттуда переведенъ въ Нязенетровскій. Лѣтъ двадцать тому назадъ, задумавъ спастись, ушелъ на Невьянскій заводъ, а оттуда на Черноисточенскій; а потомъ пошелъ въ лѣсъ, въ келью, стоящую на рѣкѣ Чаузѣ, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ съ незнаемымъ старикомъ; потомъ, переходя, строилъ самъ себѣ келью и жилъ одинъ, а чрезъ 8 лѣтъ привезенъ туда незнакомымъ человѣкомъ чернецъ Яковъ, который сказывалъ, что онъ изъ Россіи; и тотъ Яковъ его постригъ и назвалъ Макаріемъ. Пропитаніе получали съ завода, куда ходили, снимая съ себя монашеское платье, а сверхъ того и сами сѣяли хлѣбъ.

Германій, по имени Егоръ, а кто отецъ его-не знаетъ; отъ роду ему 81 годъ; назадъ тому лѣтъ 60 постриженъ въ Нижегородской губерніи, на Кержанцѣ, раскольниковымъ попомъ Софоніемъ и названъ Германомъ. Отъ притѣсненій сошелъ оттуда въ висимскіе лѣса и жилъ все около Черневскаго (?) завода, переходя въ разныя мѣста, а напоследокъ пришелъ по слуху въ стоящую у Черневскаго (?) завода келію, гдѣ и жилъ года полтора одинъ и командою взятъ въ келіи.

Феодосій, пермскихъ строгоновскихъ вотчинъ деревни Шамшуриной крестьянинъ Федоръ Любимовъ; отъ роду ему 25 лѣтъ; назадъ тому лѣтъ 12, отвезъ его Ягошихинскаго завода житель Иванъ Володиміровъ въ поманутыя келіи къ старцамъ, съ кони и жилъ съ годъ, а потомъ постриженъ вышепоказаннымъ чернецомъ Яковомъ и жилъ въ кельѣ съ монахомъ Герасимомъ, который былъ, какъ сказывалъ, съ Кержанца; а напоследокъ — съ Кирилломъ, а отколь онъ — не знаетъ. Было всѣхъ ихъ человѣкъ де-

слы, но услышавъ о командѣ, разбѣжались; а онъ взятъ у кельи, откуда вышедъ, хотѣлъ укрыться.

Показанія двухъ остальныхъ раскольниковъ не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго. Объ ученіи ихъ пойманые распрашиваемы не были. Жители Черноисточенскаго завода и приказчикъ отозвались незнаніемъ о кельяхъ; но такъ какъ они должны были знать, судя по близости ихъ, то на нихъ наложенъ штрафъ за несмотрѣніе, 127 р. 14 к. — сумма наконившихся за бѣглыми подушныхъ податей; а бѣглые разосланы по мѣстамъ, гдѣ они въ жителствѣ были приписаны и откуда бѣжали.

Посланный съ командою монетной роты сержантъ Марковъ рапортовалъ, что кельи нашелъ въ тѣхъ самыхъ урочищахъ, которыя показаны Лопаницинымъ, и засталъ въ нихъ только пять человекъ, и въ кельяхъ нашелъ съѣстныхъ принасовъ — рыбы свѣжепросольной, осетровъ и прочей, также яицъ не малое количество, муки ржаной и пшеничной, въ коробахъ, примѣромъ до 500 пудовъ, которые велѣлъ прибрать заводскому приказчику, а кельи сжегъ. По примѣчанію его, живущихъ въ тѣхъ кельяхъ было болѣе ста человекъ, но они, до пріѣзда его, разбѣжались; и о съѣстныхъ принасахъ приказчикъ донесъ, что они, виѣстѣ съ кельями, сгорѣли.

О томъ, какое послѣдовало рѣшеніе объ означенныхъ раскольникахъ, свѣдѣній въ дѣлѣ не имѣется. Относительно Герасима можно, по совпадению времени, предположить, что это тотъ монахъ Герасимъ, который упоминается въ числѣ содержавшихся подъ военною стражею въ Далматовскомъ монастырѣ секретныхъ арестантовъ, и который тамъ умеръ 24 іюля 1795 года (см. II. губ. вѣд. 1885, №№ 27 и 28.).

3) Въ ноябрѣ 1778 года пойманы въ Екатеринбургѣ съ фальшивыми имперіалами Нижнетагильскаго завода приписные крестьяне Иванъ Даниловъ и Иванъ Ивановъ Верхоланцевы, а по оговору ихъ взяты пріѣхавшіе въ Екатеринбургъ съ таковыми же фальшивыми монетами крестьяне того же завода Мяней Лампадовъ, да Уфалейскаго Стахѣй Шевелинъ. Всѣ показали, что тѣ деньги дѣланы живущимъ у Лампадова бѣглымъ Урамскаго (Нязепетровскаго) завода крестьяниномъ Климомъ Шевелинымъ, называющимся раскольничьимъ монахомъ Кирилломъ (см. выше показаніе Θεодосія), для сыску котораго хотя и посланы были — сперва екатеринбургской земской конторы присутствующій подполковникъ Поздняковъ, а

потомъ шихтмейстеръ Исаковъ, но его не нашли, а послѣ пойманъ онъ жителями Нижнетагильскаго завода и представленъ въ земскую контору.

Климы Шевелинъ показалъ: „отъ роду ему 24 года; крѣпостной крестьянинъ заводчиковъ Мосоловыхъ Уфалейскаго завода, съ котораго бѣжалъ онъ, тому девятый годъ, въ лѣса, состоящія въ окружности Черноисточнскаго завода, въ которыхъ въ построенной кельѣ съ живущимъ тутъ монахомъ, сказавшимся съ Невьянскаго завода Григорьемъ, а прозванья не сказывалъ, жилъ до 17 года; и оной надѣлъ на него Клима монашеское платье и назвалъ Кирилломъ да научилъ расколу; и въ томъ же году оный монахъ Григорій померъ, коего онъ похоронилъ въ лѣсу. И какъ стало жить не съ кѣмъ, то въ томъ же году пришелъ къ Нижнетагильскому жителю Минею Лампадову, подъ укрывательствомъ коего и дѣлалъ фальшивую монету“.

Верхоланцевы, Лампадовъ и Шевелинъ были суждены, наказаны и сосланы. Сообщники же ихъ, 6 человекъ, особенно посланною командою взяты въ нижнетагильскихъ лѣсахъ и представлены къ бывшему тогда въ Екатеринбургѣ главному командиру князю Еягаличеву, а отъ него въ контору земскихъ и судныхъ дѣлъ, гдѣ показали:

Бѣглый рекрутъ Борисовъ, отъ роду 27 лѣтъ, „напредъ сего былъ вѣдомства Пермской провинціи, Березовскаго села, приписной къ Юговскимъ казеннымъ заводамъ крестьянинъ, въ 772 году отданъ въ рекруты, въ команду съ прочими офицеру, для отводу въ Казань. Дорогою, отъ Кунгура верстахъ въ 30, изъ села Степановскаго, бѣжалъ одинъ и шатался нѣсколько времени по разнымъ мѣстамъ, а потомъ построилъ самъ въ лѣсу избушку, разстояніемъ отъ Кушвинскаго завода въ 40 верстахъ, гдѣ живучи, плелъ лапти, продавалъ ихъ въ Кушвинскомъ заводѣ и покупалъ на выручку хлѣба. А послѣ того пришелъ въ Нижнетагильскій заводъ, гдѣ встрѣтился съ крестьяниномъ Минею Лампадовымъ, присталъ къ нему и жилъ у него года четыре, сказывая, что бѣжалъ отъ рекрутскаго набора; работалъ у него, а также у Кручкова и Верхоланцева“.

Бѣглый же рекрутъ Сибиряковъ, 27 лѣтъ, былъ крѣпостной Нижнетагильскихъ Никиты Демидова заводовъ; въ 774 году отданъ въ рекруты, въ екатеринбургскую команду секундъ-маіора Пушкарева, но по прошествіи трехъ недѣль, бѣжалъ „прямо въ лѣса, отъ Нижнетагильскаго завода вер-

стахъ въ 25, въ избушку, въ которой жилъ раскольникій монахъ Якимъ; сей надѣлъ на него монашеское платье и жилъ съ нимъ въ той кельѣ три года; потомъ онъ, Якимъ, умеръ, и онъ его похоронилъ. Послѣ того пришли къ нему 4 человекъ раскольникчыхъ монаховъ: Ларіонъ, Власій, Герасимъ и Варсонофій, а кто они—подлинно не знаетъ. Изъ сихъ монаховъ Ларіонъ ходилъ въ Нижнетагильскій заводъ за солью и узналъ, что есть за ними поиски; извѣстася объ этомъ, трое изъ нихъ бѣжали, а онъ, Сибиряковъ, и товарищъ его Герасимъ пойманы. О житіи ихъ въ той кельѣ никто не знаетъ“.

Кирилинъ Григорьевъ, крестьянинъ Костромскаго уѣзда, села Рожнова, отъ роду 35 лѣтъ; отецъ его въ томъ селѣ былъ дьячкомъ. Навздъ тому немалое время, съ нимъ Кирилинъ, когда онъ (Кирилинъ) былъ въ малолѣтствѣ, не хотя бытъ въ православнн, бѣжалъ въ Галицкіе лѣса, и жили въ онныхъ лѣтъ съ десять, гдѣ отецъ его померъ, а онъ, Кирилинъ, перешелъ въ Устюжскіе лѣса и жилъ тамо лѣтъ съ десять, а потомъ въ Уринскіе лѣса и жилъ съ старичкомъ Никитою Ивановымъ лѣтъ съ 15 и постриженъ въ раскольникчьи монахи прѣвзжимъ попомъ, а откуда и какъ его зовуть — не знаетъ. Съ показаннымъ товарищемъ своимъ, въ нынѣшнемъ 778 году, пришелъ въ Нижнетагильскій заводъ и пошли въ лежащіе около онаго лѣса и разстояніемъ отъ завода верстахъ въ сорока, построили себѣ избушку, въ коей и жили. И тутъ товарищъ его умеръ, а онъ, Кирилинъ, посланною за поимкою командою взятъ. Болѣе онъ бѣглыхъ и раскольниковъ не знаетъ.

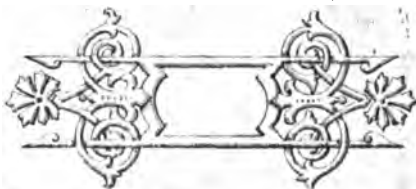
Федосій Агаоновъ, Висимопайтанскаго Демидова завода крѣпостной крестьянинъ и записной раскольникъ, отъ роду 25 лѣтъ, того жъ 778 года отъ рекрутства бѣжалъ въ лѣсъ, отъ того завода верстъ съ 30, гдѣ сдѣлалъ изъ чащи балаганъ, жилъ въ ономъ, гдѣ командою и взятъ.

Григорій Григорьевъ, помѣщика Александра Хомякова крѣпостной человекъ, Арзамаскаго уѣзду села Пузы, въ 773 году отданъ въ зачетъ въ рекруты на поселеніе и написалъ въ Коркину слободу, въ которой жилъ до 776 году, а въ томъ году бѣжалъ на Нижнетагильскій заводъ; на рынкѣ сошелся съ старичкомъ, который подговорилъ его въ лѣсъ; отошедъ отъ завода верстъ съ 20, зашли въ построенную невѣдомо кѣмъ келію, въ которой жили четыре человекъ монаховъ: Ларіонъ, Власій, Варсонофій и Яковъ,

съ конми и жилъ года съ два. Въ 777 году, въ лѣтнее время, онъ занемогъ; тогда изъ товарищей Ларіонъ надѣлъ на него монашеское платье и назвалъ Герасимомъ. Въ 778 году одинъ изъ товарищей ходилъ на заводъ и узналъ, что ихъ ищутъ, почему онъ ушелъ на Выискій заводъ, гдѣ и взять командою.

Показанія остальныхъ пойманныхъ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Всѣ эти люди разсланы, безъ наказанія, на мѣста ихъ прежнихъ жительствовъ и тѣмъ производство дѣла о нихъ закончено.

Д. Смышляевъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА“ на ВАС. ОСТР.,
по 12 линіи, д. № 19, въ БИБЛИОТЕКѢ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Печатано въ Типо-Литографіи Я. С. РАШКОВА, Пет. стор.,
Большой пр. д. № 45.